63.3(253.3)
А 47

Л.В.Алексеева

Социокультурная политика советской власти на Обь-Иртышском Севере в 1920—1941 гг.

К 63.3 (253.3)
А 47

Л.В. Алексеева

Социокультурная политика советской власти на Обь-Иртышском Севере в 1920—1941 гг.

Приоритеты, формы осуществления и результаты

BIS NIZHNEVARTOVSK
1838891060
Нижневартовское МУ "БИС" инв. № 117574
2-1-КО

Екатеринбург
2003

ББК 63.3(253.3)
А 47

Печатается по решению Ученого совета
Института истории и археологии УрО РАН

Научный редактор: доктор исторических наук, профессор *Г.Е.Корнилов*
(Институт истории и археологии УрО РАН)

Рецензент: доктор исторических наук, профессор *А.И.Прищепа*
(Сургутский государственный университет)

Алексеева Л.В.

А 47 **Социокультурная политика советской власти на Обь-Иртышском Севере в 1920—1941 гг.: приоритеты, формы осуществления и результаты**. Монография. — Екатеринбург: Институт истории и археологии УрО РАН, 2003. — 251 с.

ISBN 5–89988–163–1

В монографии на основе большого комплекса источников, извлеченных из центральных, областных, окружных и местных архивов, представлены процессы культурной трансформации в Северо-Западной Сибири; исследованы особенности школьного строительства и деятельности культпросветучреждений; изучена проблема подготовки кадров и попытка создания национальной интеллигенции из числа коренных народов; дана характеристика состояния медицинского и ветеринарного обслуживания в крае; выявлены приоритеты, формы осуществления и результаты социокультурной политики советской власти.

Издание адресовано специалистам в области отечественной истории и сибиреведения, может быть использовано в учебном процессе различных образовательных учреждений при изучении истории автономных округов Северо-Западной Сибири в 1920—1941 гг.

ББК 63.3(253.3)

ISBN 5–89988–163–1

© Алексеева Л.В., 2003

Оглавление

Введение 5

ГЛАВА 1. СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА В 1920-х —НАЧАЛЕ 1930-х гг. 26

1.1. Начало формирования сети школ и политпросветучреждений 26
1.2. Школьное образование во второй половине 1920-х — начале 1930-х гг. 41
Выводы по главе 66

ГЛАВА 2. КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ И ПРОСВЕЩЕНИЕ В 1930—1941 гг. 68

2.1. Политпросветработа, культурные мероприятия среди ссыльных крестьян и начало обучения их детей 68
2.2. Школьное и внешкольное образование (середина 1930-х гг.— июнь 1941 г.) 81
Выводы по главе 104

ГЛАВА 3. ПОПЫТКА РЕШЕНИЯ КАДРОВОЙ ПРОБЛЕМЫ И СОЗДАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ 106

3.1. Национальная интеллигенция: реальность или миф? 106
3.2. Краткосрочная подготовка кадров 134
Выводы по главе 144

ГЛАВА 4. УЧРЕЖДЕНИЯ КУЛЬТУРЫ 146

4.1. Красные чумы, дома народов Севера и другие пункты культуры 146
4.2. Культурные базы как комплексные учреждения новой культуры 174
Выводы по главе 193

ГЛАВА 5. САНИТАРНОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ, МЕДИЦИНСКОЕ И ВЕТЕРИНАРНОЕ ОБСЛУЖИВАНИЕ В 1920-х — 1941гг. 195

5.1. Медико-санитарные мероприятия, развертывание работы медицинских и ветеринарных учреждений в 1920-е гг. 195
5.2. Медицинское и ветеринарное обслуживание в период с 1930-х гг. по июнь 1941 г. 209
Выводы по главе 224

Заключение 226

Источники 232

Список использованной литературы 235

Приложения 243

ВВЕДЕНИЕ

Современное положение коренных народов Севера характеризуется ухудшением социально-экономической и демографической ситуации — с одной стороны[1], и способствует росту их национального самосознания, появлению национальных политических и общественных объединений — с другой[2]. Оценка перспектив развития коренного населения вновь побуждает обратиться к проблеме их культурного уровня. Сегодня как никогда актуален вопрос формирования у молодого поколения потребности в повышении образования, приобретении профессии и на этой основе интеграции в современное общество с сохранением самобытности и традиционного образа жизни. В этой связи требуется обратиться к изучению опыта культурных преобразований на Севере в первые десятилетия советской власти. Глубокое изучение исторического прошлого поможет приблизить социум к пониманию современных проблем коренных народов, которые обусловлены не только советским прошлым, но и тем, что имеют глубоко внутренний характер, уходящий корнями в этнические и социально-психологические особенности аборигенов, долгое время не учитывавшихся властью и обществом. Анализируя национально-культурную политику государства в годы советской власти, необходимо знать, что мировая наука на сегодняшний день не пришла к единому теоретико-концептуальному подходу к проблеме развития северных народов[3].

Новый этап в изучении «культурной революции» стал возможен благодаря изменениям в методологии отечественной истории, отходу от устоявшихся оценок, привлечению широкого

---

[1] Численность коренных народов на Российском Севере — около 200 тыс. человек. Каждый год от болезней, несчастных случаев и алкоголизма умирают от 6 до 10 тысяч. Смертность мужчин-аборигенов за 10 лет выросла в 6,5 раза, а женщин — в 19 раз. Средний возраст умерших — 37 лет. См.: Труд. 2002. 12 февраля.

[2] См.: Традиционные системы жизнеобеспечения и региональная национальная политика / Под ред. И.Н.Гемуева, А.Н.Садового. Новосибирск, 2000. Вып. 1. С. 3.

[3] См.: Глазырина В.В. Исторические корни адаптационных проблем коренного населения Российского Севера // Клио. 2000. № 2 (11). С. 177.

спектра ставших доступными в последние годы источников. Все это позволяет разносторонне и комплексно рассмотреть социокультурную политику советской власти на Севере Западной Сибири, выявить ее приоритеты и проанализировать результаты. В этом, собственно, и заключается **цель** данной работы. Исходя из этой цели, были сформулированы **задачи исследования**:

— рассмотреть развитие просвещения и процесс борьбы с неграмотностью в 1920 — 1930-е гг.; изучить процесс создания национальных школ; описать туземные школы, выявить их вклад в обучение детей коренных народов;
— исследовать проблему подготовки кадров и специалистов (национальной интеллигенции) в 1930-е гг.; проанализировать качество подготовки национальных кадров;
— расширить и систематизировать представления об «очагах» культуры, создаваемых на Севере Западной Сибири; описать и охарактеризовать опорные пункты распространения советской культуры; выяснить их роль и место в решении задач культурной революции на Севере;
— проанализировать итоги социокультурных преобразований на Севере Западной Сибири, завершившихся к началу Великой Отечественной войны.

Хронологические рамки характеризуются периодом с начала 1920-х гг. и до кануна Великой Отечественной войны. Однако иногда автор вынужден был выходить за обозначенные рамки с тем чтобы показать в ретроспекции то или иное явление, событие.

Территориальные рамки исследования охватывают Северо-Западную Сибирь в границах современных автономных округов: Ямало-Ненецкого и Ханты-Мансийского.

Методологической основой исследования является модернизационный подход, позволяющий исследовать процесс культурной трансформации[4] (степень формирования явлений новой социали-

---

[4] Трансформация традиционных обществ Сибири в течение двух последних столетий представляет собой составную часть процессов изменения традиционных социально-экономических и потестарных структур малочисленных этносов мира. Наиболее интенсивная их модернизация в XX веке происходила как под широкомасштабным воздействием технологической цивилизации, так и в результате целенаправленного воздействия государственных структур, в России — в процессе формирования социалистической интернациональной общности.

стической культуры), активно развернувшийся на Обь-Иртышском Севере в 1930-х гг. Изучение культурных преобразований проводилось с позиции объективизма, что способствовало максимально полному выявлению всей совокупности разнообразных, в том числе противоположных тенденций, выяснению соотношения между ними, что в конечном счете позволило наиболее точно охарактеризовать изучаемое явление[5].

Степень изученности проблемы. По культурной политике и преобразованиям советского государства в сфере культуры в первые десятилетия советской власти имеется значительное количество работ исследователей. «Советские историки посвятили культурной революции множество трудов»,— совершенно справедливо подчеркивает В.Л.Соскин[6]. Не обошли они вниманием вопросы культурного строительства в Сибири и на ее Дальнем Севере[7], однако предметом их исследований чаще становилось культурное строительство, а не качественная сторона культурных преобразований.

В отечественной историографии развитие культуры у малых народов долгое время отсчитывалось от некой исходной нулевой точки, обычно от Октября 1917 г. или от времени образования национальной автономии, как будто до этого у них не было никакой

Мероприятия носили планомерный и комплексный характер, охватывая все сферы жизнедеятельности этносов Сибири. См.: Традиционные системы жизнеобеспечения… С. 3.

[5] См.: Соскин В.Л. История советской культуры: некоторые историографические и методологические аспекты // Культура и интеллигенция сибирской провинции в XX веке. Материалы региональной научной конференции. Новосибирск, 2000. С. 13.

[6] См.: Соскин В.Л. Советская культура и дореволюционное культурное наследие: проблемы взаимосвязи // Сибирь в XVI—XX веках: экономика, общественно-политическая жизнь и культура. Новосибирск, 1997. С. 209.

[7] См.: Культурное строительство в Сибири в 1917—1960 гг. Новосибирск, 1962; Осташко Т.Н. Из истории опытно-показательных школ Западной Сибири в первые годы нэпа // Некоторые вопросы истории древней и современной истории Сибири. Новосибирск, 1976; Соскин В.Л. Изучение культуры Сибири советской эпохи: этапы, проблемы, задачи // Советская культура: история и современность. М., 1983; Трофимов П.Л. К истории введения всеобщего начального обучения в Западной Сибири (1930—1933 гг.) // Культурное строительство в Сибири / Отв. ред. В.Л.Соскин. Новосибирск, 1965. Вып. 2. С. 129—142; и др.

культуры[8]. Выводы историков культуры советского периода в отношении культурной революции на Севере однозначны: к концу 1930-х гг. советская культура победила. Историки 1960—1980-х гг., отталкиваясь от данного результата, двигались как бы в обратном направлении, точно зная, какие факты подбирать и как их интерпретировать. В последние годы наметилась обратная тенденция. И не только потому, что это следствие политической конъюнктуры, но и потому, что это результат влияния объективных обстоятельств.

Национально-региональные особенности, медленно происходившее распространение форм советской культуры, возникновение специфичных учреждений культуры на Севере Западной Сибири в первые десятилетия советской власти позволяют определить культурные преобразования здесь как многофакторный процесс, с присущими ему различными сторонами. Необходимо особо отметить, что в советской историографии культурные преобразования на Севере рассматривались в контексте общесибирских или общеуральских; между тем, условия и факторы, оказывавшие влияние на распространение этих преобразований, и их последствия для населения Севера существенно различались. Оценки прежнего поколения историков единодушно свидетельствовали о преимуществах социалистической культуры[9], не ставивших под сомнение угрозу осложнения демографической ситуации, снижение уровня жизни, исчезновение этнической культуры и самосознания малочисленных этносов.

Специфика культурных преобразований на Северо-Западе Сибири диктует необходимость выделения этапов в культурной модернизации. В.Л.Соскиным более 30 лет назад была предложена периодизация культурной революции в Сибири[10], но для северной

---

[8] См.: Михайлов Т.М. Национальная культура и религия в Сибири: реальность и проблемы // Традиционное мировоззрение и культура народов Сибири и сопредельных территорий. Тезисы и материалы докладов и сообщений Всероссийской научной конференции. Улан-Удэ, 1990. С. 6.

[9] См.: Бударин М.Е. Путь малых народностей Крайнего Севера к коммунизму. Омск, 1968; Киселев Л.Е. От патриархальщины к социализму. Свердловск, 1974; и др.

[10] В.Л.Соскин в 1971 г. опубликовал монографию «Культурная жизнь Сибири в первые годы новой экономической политики (1921—1923 гг.)», в которой

части она не может быть применима, поскольку процессы там развивались иначе. Современными исследователями данный вопрос мало изучен[11]. Так, например, Р.Т.Латыпов (Екатеринбург) в работе «Организация просвещения национальных меньшинств Урала в 1920-е — первой половине 1930-х гг.» рассмотрел на примере Уральской области преобразования в деле просвещения национальных меньшинств. Он выделил три периода в развитии процесса: **первый — это период гражданской войны и «военного коммунизма»**, в рамках которого национальные школы возникали стихийно и имели низкий уровень обучения учащихся, что объяснялось не только проблемами материального характера, но и острым дефицитом национальных учительских кадров, традиционным характером программ и методов обучения. **Второй период — это первые годы новой экономической политики до районирования Урала**. Данный период в деле просвещения национальных меньшинств был самым тяжелым. С одной стороны, это было связано с тем, что школы и культурные просветительские учреждения уже не финансировались госбюджетом, теперь они переводились на содержание за счет самого населения. **Третий период — 1924 г. — первая половина 1930-х гг. — переломный в деле просвещения национальных меньшинств края**.

Мы выделили два периода в культурной трансформации 1920—1941 гг., причем в первом хорошо просматривается, на наш взгляд, два этапа.

1-й период (1920-е — начало 1930-х гг.) характеризуется созданием сети русских и национальных школ, попыткой ликвидации неграмотности, началом подготовки учителей для туземных школ. **I этап** охватил первую половину 1920-х гг., когда начался процесс создания школ и политпросветучреждений в преимуще-

---

предложил периодизацию развития культурной революции в Сибири: 1-й период (октябрь 1917 — начало 1921 гг.) — заложен фундамент для социалистической культуры; 2-й период (с начала 1921 г. по 1927—1928 гг.) — стабилизация культурной сети, улучшение материального положения; 3-й период (с 1928/29 года — начало нового периода культурной революции). См.: Соскин В.Л. Культурная жизнь Сибири в первые годы новой экономической политики (1921—1923 гг.). Новосибирск, 1971. С. 8—11.

[11] См.: Вторые уральские историко-педагогические чтения. Екатеринбург, 1998. С. 20—121.

ственно крупных населенных пунктах с оседлым населением, а также началось создание медицинских пунктов в районных центрах; **II этап** — вторая половина 1920-х гг. — до начала 1930-х гг. Для него характерно создание национальных школ и первых школ-интернатов для туземцев; было положено начало подготовке учительских кадров в Тобольском педтехникуме.

2-й период — (1930-е — июнь 1941 гг.) охватил предвоенное десятилетие и совпал с созданием национальных округов. Под знаком ленинской национальной политики, призванной «подтянуть отсталые народы до уровня передовых» началась борьба за ликвидацию неграмотности и всеобуч, произошло расширение сети школ, началось обучение детей ссыльных крестьян. В окружных центрах были окрыты национальные средние специальные учебные заведения, начался процесс подготовки национальных кадров средней квалификации для школ и больниц. Произошло развертывание стационарных и кочевых пунктов распространения советской культуры среди аборигенов; оформилась медицинская сеть, были заложены основы для организации ветеринарного обслуживания.

Наличие основных сюжетов в исследовании проблемы (таких как школьное строительство и борьба с неграмотностью, национальные кадры и интеллигенция, медико-санитарное и ветеринарное обслуживание; формы и деятельность культурных учреждений) обуславливает тематический порядок историографического анализа.

Большее внимание в трудах историков уделено школьному образованию. Историография северной школы представлена трудами не только историков, но и социологов, педагогов, психологов и других специалистов. Авторами первых публикаций по вопросам просвещения были работники Наркомпроса, руководители и преподаватели. Внимание привлекали прежде всего вопросы кадрового состава и выяснения потребностей в учительских кадрах, а также концепция трудовой политехнической школы. В.Л.Соскин относительно литературы периода 1920-х гг. писал, что «профессиональные историки почти не коснулись проблем народного образования в Сибири, однако усилиями практиков просвещения и общественно-политических деятелей были заложены основы

марксистского понимания становления народного образования как системы»[12].

Первыми работами по истории северной школы следует считать труды А.Г.Базанова, Н.Г.Казанского и Ф.Ф.Кронгауза, которые представили довольно интересные сведения о школах Обь-Иртышского Севера в первые десятилетия советской власти. А.Г.Базанов и Н.Г.Казанский в 1939 г. опубликовали книгу[13], в которой впервые осветили школьное строительство на Крайнем Севере с 1917 г. до конца 1930-х гг. В работе содержались не только важные и интересные факты, наблюдения, статистика по истории школьного образования на Тобольском Севере, но и демонстрировались наглядные материалы: карты, фотографии учителей и учащихся, а также школьных зданий.

Труды Ф.Ф.Кронгауза[14], посвященные школьному образованию, стали первыми работами, в которых был систематизирован имевшийся материал по истории школ и подведен итог просвещения северных народов в советский период (автор доводит исследование до конца 1940-х гг.). В статье «Основные проблемы советской школы народов Севера» он писал о колоссальной работе, которая была проведена по перестройке быта и культуры у народов Севера с момента районирования и создания Комитета Севера (1924—1925 гг.), при этом указал на ряд проблем в ее функционировании. Ф.Ф.Кронгауз подчеркивал особую роль культбаз в советизации Севера, делая упор на школе, которая в системе учреждений культбазы занимала важнейшее место как центр просвещения[15]. Таким образом, трудов периода 1930—1950-х гг., посвященных северной школе, не так уж много, однако содержащийся в них большой фактический материал, собранный авторами во время поездок по северным школам, представляет и сегодня необычайный интерес.

---

[12] Соскин В.Л. Формирование системы народного образования в Сибири в период строительства социализма (1917—1941 гг.) // Историография культуры и интеллигенции советской Сибири. С. 22.

[13] Базанов А.Г., Казанский Н.Г. Школа на Крайнем Севере. Л., 1939.

[14] См.: Кронгауз Ф.Ф. К истории советской школы на Крайнем Севере. М., 1948; Он же. Основные проблемы советской школы народов Севера // История и экономика Крайнего Севера. Факультет народов Севера. Л., 1950. Вып. 1. С. 140.

[15] См.: Кронгауз Ф.Ф. Основные проблемы советской школы... С. 135.

В историографии северной школы можно выделить два направления, весьма резко отличающихся друг от друга в оценке результатов просвещения и деятельности школы на Севере. Исследователи советского времени (Л.Е.Киселев, Ю.В.Костецкий, К.С.Андреева, Г.С.Щетинина и другие), а также некоторые современные ученые (Ю.Р.Ванчицкий, Л.Н.Ванчицкая, Д.В.Городенко, О.И.Еремеева) считают, что народы Обского Севера добились в первые два — три десятилетия XX столетия значительных успехов в области культуры и просвещения[16].

Так, Д.В.Городенко, не вдаваясь в анализ проблем просвещения и образования населения Северо-Западной Сибири, рассмотрел весьма поверхностно сюжеты, связанные с историей советской школы в Ханты-Мансийском автономном округе. Автор констатировал первостепенную роль красных чумов и культбаз в культурных преобразованиях, однако в его работе не стали предметом исследования количественные и качественные изменения. Оперируя общими положениями, автор оценил преобразования в области просвещения однозначно положительно.

О.И.Еремеева[17], исследовав деятельность туземных школ на Обь-Иртышском Севере, пришла к выводу, что в первые годы советской власти была проведена огромная работа в деле образования и просвещения отсталых народов Крайнего Севера. Автор

---

[16] См.: Киселев Л.Е. Партийное руководство хозяйственным и культурным строительством в автономных округах Севера РСФСР (октябрь 1917 — июнь 1941 гг.) / Под ред. В.Н.Увачана. Томск, 1989; Костецкий Ю.В. Культурное развитие автономных округов Севера Тюменской области в предвоенные годы (1930—1941 гг.) // Роль русского культурного пространства в становлении российской государственности в Сибири. Тезисы докладов и сообщений межрегиональной научно-практической конференции, посвященной 50-летию Тюменской области. 3—5 февраля 1994 года. Тюмень, 1994. С. 46—47; Андреева К.С. Культурное строительство у малых народностей Обского Севера // Культурное строительство в Сибири в 1917—1960 гг. С. 155—163; Щетинина Г.С. Взаимодействие семьи и школы в процессе воспитания // Культура народностей Севера: традиции и современность. Новосибирск, 1986. С. 108—113; Ванчицкий Ю.Р., Ванчицкая Л.Н. Школа народов Севера: проблема исследования // Образование и культура Тюменского края в XVIII—XX вв. Материалы VII Тюменской областной научно-практической конференции, посвященной памяти П.П.Чукомина. Тобольск, 1998. С. 72—76; Городенко Д.В. Просвещение народов Севера: на материалах Ханты-Мансийского автономного округа. Нижневартовск, 1997.

[17] См.: Еремеева О. Туземная школа // Югра. 1999. № 13. С. 24—25.

обратила внимание на проблемы, с которыми пришлось столкнуться органам местного самоуправления при организации просветительской деятельности. Трудности были связаны, по ее мнению, прежде всего с суровыми климатическими условиями, своеобразием жизни и быта народов, отсутствием развитых коммуникаций, остаточным принципом финансирования учреждений народного образования и культуры, отсутствием кадров для проведения культурно-просветительской работы среди местного населения.

Л.Н.Ванчицкая в статье «Из опыта работы национальных школ Обского Севера (история и современность)» сделала вывод в русле традиционной советской историографии: «Подлинное развитие национальная школа получила после установления в стране советской власти», подчеркивая, что важную роль в развитии школ на Обском Севере сыграли фактории и культбазы. Исследовательница в целом положительно оценила роль школ-интернатов[18].

Другая группа исследователей весьма критично оценивает школьное строительство и его результаты на Севере, особенно создание и функционирование школ-интернатов. Так, В.Н.Гриценко[19] определяет историю северных интернатов для детей туземцев как чрезвычайно драматичную и справедливо делает вывод, что накануне войны более половины детей северных народов не были охвачены обучением. Г.П.Лаптева придерживается схожего мнения: «Из наших интернатов дети северян выходят совершенно не подготовленными к самостоятельной жизни»[20]. Их точку зрения разделяет И.В.Белич: «Обучаясь и воспитываясь большую часть времени в рамках школ-интернатов, дети были

---

[18] См.: Ванчицкая Л.Н. Из опыта работы национальных школ Обского Севера (история и современность) // Совершенствование образовательного процесса и управления им. Сб. науч. тр. М., 1999. Вып. 3. С. 156—157.

[19] См.: Гриценко В.Н. Из истории становления системы школ-интернатов на Ямальском Севере (1930—1960-е гг.) // Самодийцы. Материалы IV Сибирского симпозиума. Омск; Тобольск, 2001. С. 107—108.

[20] Лаптева Г.П. Разные типы интернатов, разнообразие форм, методов обучения и воспитания // Обские угры на пороге Третьего Тысячелетия. Этнопедагогические проблемы обско-угорских народов. Сб. статей. Ханты-Мансийск, 2001. № 5. С. 91.

оторваны от семейных и национальных традиций, формируя иждивенческие жизненные установки»[21].

Вместе с тем, необходимо отметить, что в настоящее время нет комплексных исследований с объективным анализом состояния просвещения народов Обского Севера с учетом социально-экономических и национально-региональных особенностей. До сих пор в литературе не получили достаточного освещения вопросы специфики развития национальной школы для народностей Севера. Отсутствует характеристика учебных заведений разных типов, имевших место на Севере. Вне поля зрения ученых остались многие сюжеты школьной жизни: материальное положение школ, обеспечение пособиями, учительский персонал, процесс обучения и др.

Различные сюжеты в сфере культурных преобразований в Западной Сибири (просвещение, ликбез, кадры, интеллигенция и др.) рассматривали П.Н.Иванов, В.А.Зибарев, В.Л.Соскин и другие. Однако внимание Северу в них было уделено весьма незначительное. Так, П.Н.Иванов рассмотрел проблему развития культуры нерусских народов Сибири в 1920—1925 гг., весьма бегло коснувшись положения народов Обь-Иртышья[22]. В.А.Зибарев в самых общих чертах писал о культурных преобразованиях на Севере, не обращаясь к указанной проблеме особо. В 1986 г. вышел специальный сборник[23], посвященный культуре народностей Севера, в котором нашли отражение различные вопросы развития социалистической культуры. Исследователи пытались осмыслить пути культурного развития[24], исторические корни[25], выявить

---

[21] Белич И.В. Система традиционного воспитания детей коренных народов Севера // Северный регион: экономика и социокультурная динамика. Сб. тезисов к Всероссийской научной конференции. Сургут, 2000. С. 180.

[22] См.: Иванов П.Н. Развитие культуры нерусских народов Сибири (1920—1925 гг.) // Культурное строительство в Сибири в 1917—1960 гг. С. 83—84.

[23] Культура народностей Севера: традиции и современность / Отв. ред. В.И.Бойко. Новосибирск, 1986.

[24] См.: Деревянко А.П., Бойко В.И. Пути культурного развития Сибири // Культура народностей Севера. С. 5—13.

[25] См.: Окладников А.П. Исторические корни культуры народностей Севера // Культура народностей Севера. С. 13—17.

некоторые закономерности[26] в процессе культурной трансформации у народов Севера.

Отдельные аспекты обучения и воспитания учащихся школ Обского Севера были отражены в сборнике «Социально-экономические проблемы просвещения народов Крайнего Севера» (Новосибирск, 1988).

В значительном списке литературы советского периода по истории культуры Сибири следует особо выделить работы В.Л.Соскина[27], отличающиеся многообразием затрагиваемых проблем и исследуемых в них сюжетов. Для современных исследователей эти труды имеют важное научное значение, поскольку являются теоретическими по характеру и, следовательно, могут оказать большую методологическую помощь. В.Л.Соскина, его учеников и коллег, безусловно, необходимо отнести к числу одних из первых исследователей, активно включившихся в переосмысление историографического наследства в области истории культуры и интеллигенции, когда еще только начинался процесс зарождения новых подходов. В известном общесоюзном сборнике статей «Историки спорят» (М., 1988) опубликовали свои работы В.Л.Соскин, С.А.Красильников, Л.Ф.Лисе. Большой резонанс получила статья В.Л.Соскина «Стыдно не меняться», опубликованная в периодической печати в 1989 г. Подобные выступления не остались эпизодом, а были проявлением осознанного стремления определить свою позицию по вопросу историографического наследства и прежде всего той его части, которая не выдержала испытания временем[28].

---

[26] См.: Исакова Н.В. Развитие социалистической культуры народов Севера // Культура народностей Севера. С. 31—40.

[27] Проявив себя еще в 1960-е гг. талантливым исследователем и умелым организатором, В.Л.Соскин стал в 1970—1980-е гг. основателем ныне широко известной Сибирской научной школы по истории культуры и интеллигенции. Думается, это учитывалось, когда решался вопрос о проведении в 1979 г. в Новосибирске самой крупной в советское время Всесоюзной конференции по теории и истории интеллигенции.

[28] См.: Соскин В.Л. Оценка исторического пути советской интеллигенции в свете современного кризиса социализма // Интеллигенция в системе социально-классовой структуры и отношений советского общества. Кемерово, 1991. Вып. 2. С. 3—5; Он же. К оценке исторического опыта советского культурного строительства // Изучение истории советской культуры: новые методологические

Среди проблем истории культуры Сибири весьма скромно представлена история национальной интеллигенции. Еще 10 лет назад известный исследователь советской культуры С.А.Красильников писал: «В кругу проблем истории советского общества, подвергающихся ныне критической оценке, переосмыслению, сюжеты, связанные с изменениями в послеоктябрьском развитии отечественной интеллигенции, пока еще не вызвали к себе интереса, адекватного их значимости для понимания механизма и тенденций всего общественного процесса»[29]. Это, по мнению С.А.Красильникова, объяснялось следующим: «Интеллигенция, не обладавшая статусом класса, традиционно обходилась при анализе общества на макроуровне. Что же касается соответствующего анализа на уровне социальных групп, то здесь проработка велась весьма интенсивно, однако при этом интеллигенция традиционно рассматривалась как замкнутая система, почти целиком игнорировались существовавшие связи с классами и политической организацией общества. В известной мере сказывается и давление выработавшейся в предшествующие десятилетия исследовательской традиции. В ее рамках сложились определенные приемы анализа, инструментарий, понятийный аппарат. Этим задавалось специфическое видение предмета исследования. Так, в частности, историки некритически заимствовали и механически переносили в исследования те понятия и оценки, которые были выработаны, родились в обстановке революционного времени. Тем самым самооценки эпохи замещали исследовательские категории, как бы диктуя историку логику и результаты анализа».

Проблема становления интеллигенции в Сибири нашла отражение в трудах В.Л.Соскина, С.А.Красильникова, И.И.Осинского и других. Так, С.А.Красильников пришел к выводу, что «к концу десятилетия исследователями и руководством страны констатировалось, что в СССР создана новая, народная, советская, социалистическая интеллигенция. Для современников событий — это

подходы. Екатеринбург, 1992. С. 3—10; Он же. К оценке исторического опыта формирования советской интеллигенции // Интеллигенция в советском обществе. Кемерово, 1993. С. 27—36; и др.

[29] См.: Красильников С.А. Социальная типология интеллигенции в первое послеоктябрьское двадцатилетие // Актуальные проблемы истории советской Сибири. Сб. науч. тр. Новосибирск, 1990. С. 169.

подведение итогов целой полосы развития: представление о том, что проблема формирования интеллигенции исторически нового, социалистического, типа в основном решена, благодаря многим факторам (прежде всего пропаганде) закрепляется и в массовом сознании. Для историков же за этой констатацией скрывалась исследовательская задача — установить адекватность общественных «самооценок» того времени реалиям развития послереволюционного общества»[30]. С.А.Красильников обратил внимание исследователей на сталинскую формулу создания советских специалистов, которая базировалась на принципе ассимиляции «старых» кадров «новыми». В этой схеме не оставалось места для взаимодействия и преемственности, передачи лучших черт и традиций профессиональной и политической культуры предшествующего поколения последующему.

Проблема создания интеллигенции у коренных народов в трудах большинства североведов автоматически «привязывалась к общей картине», в результате чего был сделан ошибочный вывод о создании интеллигенции у коренных народов еще накануне Великой Отечественной войны (М.Е.Бударин, Л.Е.Киселев). В целом вопросы подготовки кадров из среды кореннных народов не нашли достаточно широкого отражения в литературе. Советские историки-североведы рассматривали весьма упрощенно подготовку специалистов, акцентировали внимание на деятельности Института народов Севера (ИНСа), подчеркивая его лидирующую роль в деле подготовки кадров национальной интеллигенции. Ч.М.Таксами в книге «От таежных троп до Невы» описал подготовку кадров национальной интеллигенции из числа малочисленных этносов в Институте народов Севера и показал деятельность сотрудников ИНСа по работе над созданием письменности и литературы для народов Севера[31]. В другой работе предметом исследования Ч.М.Таксами стали основные принципы подготовки кадров, трудности в их формировании, которые он

---

[30] Красильников С.А. Социальная типология интеллигенции... С. 170.

[31] См.: Таксами Ч.М. От таежных троп до Невы. Л., 1976. С. 26—91.

связывал с объективными условиями, а также «с этнопсихологическими моментами» и языковым барьером[32].

И.И.Осинский, не исследуя специально проблему создания интеллигенции у северных народов, тем не менее обратил внимание историков на ошибочность утверждения относительно отсутствия у коренных народов Сибири специалистов в дореволюционный период. Историк писал: «Конечно, их было крайне мало, и это являлось одной из особенностей формирования интеллигенции в национальных районах»[33]. Данный вывод разделял Ф.А.Лукинский, указывавший, что в дореволюционной России Сибирь отставала по насыщенности кадрами специалистов, но они тем не менее были[34]. Самым многочисленным отрядом советской интеллигенции стало учительство. Е.Д.Рябова совершенно справедливо заметила, что главным этапом его формирования следует считать 1930—1937 гг.[35]

Изучение литературы советского периода показало, что первые работы о культурных преобразованиях Севера появились во второй половине 1920-х гг. В 1930-е гг. наблюдалось количественное сокращение литературы. Работы последующих лет (со второй половины 1950-х гг.) охватывали различные аспекты проблемы культурных преобразований, но в них, как правило, преувеличены успехи и достижения периода, не показаны во всем объеме трудности и противоречия, не вскрываются причины нерешенных задач[36]. Так, Ф.А.Лукинский отмечал характерную

---

[32] См.: Таксами Ч.М. Основные принципы и вопросы, связанные с подготовкой кадров из среды малых народов Севера // История рабочего класса, крестьянства и интеллигенции национальных районов Сибири. Улан-Удэ, 1971. С. 159.

[33] Осинский И.И. Формирование социалистической интеллигенции у народов Сибири // Историография культуры и интеллигенции советской Сибири. С. 335—336.

[34] См.: Лукинский Ф.А. Формирование отряда социалистической интеллигенции. Подготовка кадров специалистов в Сибири в период строительства социализма // Вопросы истории социально-экономической и культурной жизни Сибири. Новосибирск, 1971. Ч. 1. С. 196.

[35] См.: Рябова Е.Д. Деятельность партийной организации Западной Сибири по подготовке педкадров в 1930—1937 гг. // Вопросы историографии и источниковедения истории партийных организаций Сибири. Новосибирск, 1975. Сб. науч. тр. / Отв. ред. проф. Б.М.Шерешевский. С. 103—104.

[36] См.: Культурное строительство в Сибири в 1917—1960 гг.; Трофимов П.Л. К истории народного образования в Сибири в годы второй пятилетки (1933—

тенденцию для трудов тех лет — некритический подход к источнику[37].

Для работ советского времени характерна достаточно устойчивая стереотипная оценка культурных преобразовнаий на Севере, нашедшая выражение в противопоставлении положения дел в культурной сфере до советской власти и в ходе социалистического строительства; в замалчивании характера, методов проводимых преобразований и отношения к ним туземцев; в преобладании количественного анализа процессов культурной трансформации над изменениями качественного характера.

Наличие трудов по истории культуры Севера Сибири представлено главным образом статьями, тезисами и публикациями, в которых так или иначе рассмотрены вопросы просвещения, деятельности культурных учреждений, создания кадров национальной интеллигенции. Отсутствие комплексных, монографических, специальных работ сказалось как на полноте и глубине исследований многих проблем, так и не позволило ученым коснуться многих сюжетов, связанных с конкретизацией деятельности учреждений просвещения и культуры, форм, методов, содержания, приоритетов и результатов культурной революции на Севере. Имеющиеся труды отражают главным образом, проблему школьного образования, в меньшей степени касаются деятельности культурных пунктов; абсолютизируют роль культбаз как очагов культуры, почти не отражают вопросов состояния кадров: количественный и качественный состав, их подготовку в условиях «кадрового голода», требования к подготовке кадров, проблему подготовки специалистов из представителей коренных народов. В территориальном отношении совсем не изучены культурные преобразования в Ларьякском районе — самом труднодоступном и отдаленном в Остяко-Вогульском округе (восточная часть современного Ханты-Мансийского округа), не представлено в сравнительном аспекте развитие культуры в двух национальных

1937 гг.) // Культурное строительство в Сибири. Новосибирск, 1965; Храплов П.А., Игнатьев А.Т. В предвоенное двадцатилетие // Школа Тюменской области. Тюмень, 1968.

[37] См.: Народное образование в Сибири в период строительства социализма // Вопросы социально-экономической и культурной жизни Сибири / Под ред. Ф.А.Лукинского. Новосибирск, 1971. С. 148.

округах, которые географически, экономически и политически являлись весьма близкими, но процессы культурной трансформации в них проходили с большими различиями.

В современной историографии истории культуры появились работы, в которых затрагиваются темы, в прежние годы не являвшиеся объектом изучения[38]. Здесь нельзя не отметить вклад Новосибирской научной школы историков культуры и интеллигенции, которая укрепила в последние годы свой авторитет, стала одной из ведущих в России. Для нынешнего этапа ее развития характерным является генерирование новых научных идей, издание оригинальных работ, установление более прочных научных связей с исследователями многих городов (Екатеринбург, Омск, Кемерово, Томск и др.), завоевание признания как отечественной, так и зарубежной научной общественности.

Активно изучают культурные процессы в многонациональном регионе (на примере Урала, Уральской области) ученые Уральского региона и г.Екатеринбурга[39]. По оценке В.Л.Соскина, г.Екатеринбург, как и г.Омск, выделяется в последние годы своей активностью в историко-культурных исследованиях[40]. В 2001 г. в Инсти-

---

[38] Так, изучение послереволюционных взаимоотношений интеллигенции и власти позволило С.А.Красильникову — ученику и преемнику В.Л.Соскина — выйти на новую в отечественной историографии тему дискриминации советской интеллигенции. В одной из своих работ он рассмотрел основные направления политики социальной дискриминации в отношении различных групп интеллигенции Сибири в 1920-е гг. (политическая ссылка, лишение политических и гражданских прав, «чистка» госаппарата), определил ее масштабы и последствия. Примечательно, что под его редакцией первый в нашей стране тематический сборник научных трудов «Дискриминация интеллигенции в послереволюционной Сибири (1920—1930 гг.)» со статьями Т.Н.Осташко, С.А.Красильникова, В.Л.Соскина, М.В.Кликушина, Л.И.Пыстиной И.С.Кузнецова, Ю.И.Голикова, в которых проблематика была расширена.

[39] В последние десять лет на Урале наметились новые подходы к разработке темы «Интеллигенция Урала в годы гражданской войны». Авторы обратились к анализу социокультурной обстановки, мировоззрения интеллигенции, ее нравственно-эстетических качеств, обратив внимание на сложность отношений между центром и провинцией, большевиками и основной массой интеллигенции. См.: Скипина И.В. Интеллигенция Урала (1919—1921 гг.): итоги историографического и источниковедческого изучения // Документ. Архивный документ. Исторический источник. Материалы научно-практической конференции. Тюмень, 2002. С. 134—150.

[40] См.: Соскин В.Л. История советской культуры... С. 9.

туте истории и археологии Уральского отделения РАН была защищена кандидатская диссертация Р.Т.Латыпова[41], предметом которой являлось изучение национальной культурной политики в Уральской области. Исследователь сделал вывод об изменении социально-культурного облика этнических меньшинств Урала: «Вырванные из традиционного образа жизни и ведения хозяйства, они в непривычных для себя социально-экономических условиях все более становились маргиналами, а дальнейший упадок культуры на местах усиливал в их среде процесс маргинализации»[42].

В трудах современных историков и краеведов Севера Западной Сибири нашли отражение лишь некоторые сюжеты истории культуры края. Н.Патрикеев[43], основываясь на архивных источниках, писал о просвещении Югры в 1920—1930-е гг. В.Белобородов[44] (г.Ханты-Мансийск) в публикациях в журнале «Югра» помещал интереснейшие материалы о просвещенцах края, деятелях культуры, исследователях. Кропотливо извлекая документы из архивов Тобольска, Тюмени, Ханты-Мансийска, он существенно детализирует многие события, наполняя их живыми действующими лицами. Н.Загороднюк[45] — историк из г.Тобольска — едва ли не первая стала изучать положение дел с обучением детей спецпереселенцев на Обь-Иртышском Севере. Рассмотрев начало обучения, вскрыв проблемы и трудности, исследовательница сделала вывод об увеличении числа школ в Ханты-Мансийском автономном округе к середине 1930-х гг. благодаря охвату обучением детей ссыльных крестьян.

---

[41] См.: Латыпов Р.Т. Национальная политика на Урале в 1920-х — первой половине 1930-х годов. Дисс. … канд. ист. наук. Екатеринбург, 2001.

[42] Там же. С. 97.

[43] См.: Патрикеев Н. Просвещение Югры (1920—1930 гг.) // Югра. 1992. № 5. С. 37—38; Он же. Первые шаги народного образования в округе (1931—1940 гг.) // Югра. № 10. С. 37—38.

[44] См.: Белобородов В. Ревнитель просвещения // Югра. 2001. № 8. С. 44—48.

[45] См.: Загороднюк Н.И. Школы для спецпереселенцев (30—50-е гг.) // Исторический опыт народного образования Тюменского края. Материалы областной научной конференции. Тюмень, 1992; Она же. Культурная жизнь спецпереселенцев // Образование и культура Тюменского края в XVIII—XX вв. Материалы VII Тюменской областной научно-практической конференции, посвященной памяти П.П.Чукомина. Тобольск, 1998. С. 59—62.

В трудах автора[46] предлагаемого исследования рассмотрены проблемы туземной школы, формирования национальной интеллигенции, создания кадров специалистов из числа коренных национальностей; проанализирована роль различных учебных заведений в деле подготовки кадров для Севера Западной Сибири, изучена деятельность культурных баз, красных чумов и других учреждений культуры, что позволило расширить бытовавшие представления, существенно конкретизировать многие сюжеты, скорректировать, а в ряде случаев пересмотреть выводы о процессе культурной трансформации на Севере.

Таким образом, следует подчеркнуть, что в историографии истории культуры на Севере Западной Сибири прослеживается два направления: представители первого придерживаются традиционных выводов и оценок, свойственных советской историографии, где Великий Октябрь рассматривался как историческая грань между принципиально отличными курсами культурной политики царского и советского правительств; представители второго, основываясь на новых методологических подходах и привлечении широкого круга источников, изучают историю культуры

---

[46] Алексеева Л.В. Приоритеты советской культурной политики в отношении северных народов в 1920—1930-х годах // Гуманизация культуры и образования в Ханты-Мансийском автономном округе на пороге третьего тысячелетия. Материалы окружной научно-практической конференции. Нижневартовск, 2000. С. 4—7; Она же. Национальные кадры в северных районах Уральской области в начале 1930-х гг. // Культура и интеллигенция Сибирской провинции в XX веке. Материалы региональной научной конференции. Новосибирск, 2000. С. 182—184; Она же. О роли Института народов Севера в подготовке национальных кадров Ямала в 1930-е гг. // Словцовские чтения — 2001. Тезисы докладов и сообщений научно-практической конференции. Тюмень, 2001. С. 133—134; Она же. К вопросу о значении северных культурных баз в жизни аборигенов Обь-Иртышского Севера в 1930-е гг. // Северный регион: наука, образование, культура. Научный и культурно-просветительский журнал. 2001. № 2 (4). С. 179—186; Она же. Источники по изучению проблемы подготовки кадров национальной интеллигенции для Севера Западной Сибири // Документ. Архивный источник. Исторический источник. Материалы региональной научно-практической конференции. Тюмень, 2002. С. 150—169; Она же. К вопросу о формировании национальной интеллигенции в северных округах Западной Сибири (1920—1930-е гг.) // Русь, Россия. Политические аспекты истории. СПб., 2002. С. 196—204; и др.

на Севере Западной Сибири, исходя из принципов объективного анализа.

Источниковой базой исследования явились главным образом неопубликованные источники. Широкая география архивов, обусловленная вхождением Обь-Иртышского Севера в разные годы в различные административные образования Урала и Сибири, затрудняла сбор источников. Многолетний, кропотливый труд по извлечению документов позволил нам создать довольно обширную источниковую базу, в которую вошли ранее недоступные для исследователей документы, что дало возможность разносторонне подойти к исследуемой проблеме. Удалось выявить не только позитивные изменения, но и затронуть проблемы имевшихся трудностей, неудач, просчетов, а порой и недопустимых явлений в отношении форм и методов, сроков внедрения новой культуры, обозначить проблему приоритетов и выявить результаты социокультурной политики советской власти на Севере Западной Сибири в 1920—1941 гг.

Проведение государственной политики в области культуры на Севере Западной Сибири характеризуют постановления, резолюции, решения областных, окружных, районных и низовых партийных и советских организаций, выявленные в государственных архивах гг.Москвы, Санкт-Петербурга, Тюмени, Екатеринбурга, Омска, Томска, Ханты-Мансийска, Салехарда, Тобольска, Нижневартовска. Сопоставительный анализ источников позволил представить довольно полно картину культурных преобразований в крае.

Извлечение документов из Российского государственного архива социально-политической истории (Ф. 17. Центральный комитет ВКП (б)), Государственного архива Российской Федерации (Ф. 3977. Комитет содействия народностям северных окраин при президиуме ВЦИК), Центрального государственного архива г.Санкт-Петербурга (Ф. 9471. Институт народов Севера им. П.Смидовича), Центра документации новейшей истории Томской области (Ф. 91. Александровский райком ВКП (б); Ф. 76. Томский окружком ВКП (б)), Государственного архива Омской Области (Ф. 437-Р. Омский облисполком, Ф. 1272. Омский областной отдел народного образования), Государственного архива Свердловской области (Ф. 233-Р. Уральский областной отдел народного

образования), Центра документации общественных организаций Свердловской области (Ф. 4. Уральский областной комитет ВКП (б)), Тюменского областного центра документации новейшей истории (Ф. 1. Тюменский губком РКП (б), Ф. 30. Тобольский окружком ВКП (б), Ф. 107. Ханты-Мансийский окружком ВКП (б), Ф. 135. Ямало-Ненецкий окружком КПСС), Центра документации новейшей истории Омской области (Ф. 17. Омский обком КПСС, Ф. 3057. Оргбюро ЦК ВКП (б)), Тобольского филиала государственного архива Тюменской области (Ф. 695. Комитет содействия национальностям северных окраин при президиуме Уралоблисполкома) позволило существенно прояснить ситуацию в разработке политики просвещения и создания культурных баз, проследить деятельность Комитета Севера по работе среди северных народов, выяснить, как проходила подготовка кадров из среды представителей коренных народов.

Документы, извлеченные из фондов Ханты-Мансийского окружного архива (Ф. 5. Окружной отдел народного образования, Ф. Ханты-Мансийское педучилище, Ф. 335. Культбазы), предоставили возможность выявить материальную базу, кадровый состав, формы и методы работы наиболее распространенных учреждений культуры на Севере (культурные базы, красные чумы, красные лодки, дома народов Севера, красные уголки).

В исследовании проблемы обучения коренных народов, создания туземных школ и школ-интернатов удалось выявить динамику развития школьной сети, на конкретных примерах рассмотреть положение в школах, сравнить темпы школьного строительства и попытку введения всеобуча в двух округах. Рассмотрены и охарактеризованы разные типы учебных заведений, в том числе и школы-интернаты (Государственный архив Ямало-Ненецкого автономного округа. Ф. 2. Обдорский райисполком, Ф. 3. Ямало-Ненецкий окрисполком). Документы фондов окружных архивов позволили описать и проанализировать деятельность средних специальных учебных заведений.

В отношении медико-санитарного просвещения, медицинского и ветеринарного обслуживания, которое раньше не являлось предметом изучения, удалось воссоздать картину происходившего. В части ветеринарии представлена ситуация с положением

кадров ветработников, их подготовкой; с основными мероприятиями, проводимыми ветеринарами, т.е. с тем, что ранее выпадало из поля зрения ученых.

Важным источником изучения культурной трансформации являются статистические материалы. Надо отметить, что в тот период существовала преимущественно государственная статистика. Статистические сведения почерпнуты в основном из архивных источников, а также из опубликованных сборников документов[47]. Широкое использование материалов периодической печати[48] служило дополнением происходящему, разумеется, с учетом критического анализа и сопоставления с другими источниками. Привлечение воспоминаний позволило получить яркие и образные картины из жизни школ начала 1930-х гг., из жизни как учителей, так и учащихся. Авторы воспоминаний — ветераны педагогического труда[49], чья молодость и профессиональное становление выпали на предвоенное десятилетие.

Комплексное, объективное изучение разнообразных исторических источников способствовало созданию довольно полного представления о социально-культурном развитии на Севере Западной Сибири в 1920—1941 гг.

---

[47] См.: Из истории культурного строительства в Тюменской области. Сб. документов. 1918—1975. Свердловск, 1980; Всесоюзная перепись населения 1939 года. Основные итоги. Россия. СПб., 1999.

[48] Газета «Северянин» — орган издания Тобольского окружкома ВКП (б) — издавалась с 1924 г.; журнал «Наш край» — орган издания Общества изучения края при музее Тобольского Севера — начал выходить в 1924 году; «Остяко-Вогульская правда» — орган издания окружного комитета ВКП (б). Первый номер вышел 7 июля 1931 г.; «Культфронт Урала» — общественно-педагогический журнал Уралоно и Облпроса; «Народное хозяйство Омской области» — орган издания областной плановой комиссии Управления народно-хозяйственного учета; «Омская область» — журнал Омского обкома ВКП (б) и облисполкома; «Советский Север» — орган издания Тобольского окружкома ВКП (б), окрисполкома и окрпрофбюро; и др.

[49] См.: Самарина-Ярова Л. Мы сроднились с приобским отеческим краем // Югра. 1999. № 13. С. 12—15; Каскин И. Пути-дороги // Югра. 1999. № 3. С. 38—41; Он же. Как мы стали учителями // Югра. 1999. № 10. С. 27—30; Иванов А. Школа в моей судьбе // Югра. 1999. № 4. С. 32—35; Силин А. Мои незабываемые учителя // Югра. 1998. № 10. С. 16—18; и др.

Глава 1
СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА В 1920-х — НАЧАЛЕ 1930-х гг.

1.1. Начало формирования сети школ и политпросветучреждений

Образование и просвещение — традиционные разделы культуры, составляющие ее основу и фундамент[1]. В начале XX в. в Тобольской губернии предпринимались активные попытки по открытию передвижных школ, благодаря которым мыслилось предоставить реальную возможность получения начального образования детям жителей северных уездов. Директором народных училищ губернии предписывалось открыть передвижные училища в небольших селениях сроком на два года, делая прием учеников только один раз — при открытии училища. Детей разрешалось принимать в возрасте от 8 до 14 лет. По прошествии двух лет училище переводилось в другой населенный пункт на тех же условиях, а через два года — в следующий. Спустя четыре года училище возвращалось в первое селение и вновь обучало детей. Благое намерение не осуществилось. Основная часть населения северных уездов не имела возможности учиться. Жители небольших сел и деревень отказывались содержать за свой счет постоянные училища. В результате малой эффективности передвижные школы стали преобразовываться в обыкновенные одноклассные училища. Первые две передвижные школы в Березовском уезде были открыты в 1908 г.[2] В 1914 г. на Обском Севере имелось 2 двухклассных и 10 одноклассных школ; в них обучалось 585 учащихся, среди которых было всего несколько десятков детей коренных национальностей. Грамотность среди коренного населения Сибири, по официальным данным, составляла

---

[1] См.: Пушкарев Л.Н. Гендерный анализ и его применение к изучению истории культуры // Отечественная история. 1999. № 1. С. 23.

[2] См.: Сулимов В. Передвижные школы век назад // Югра. 2001. № 6. С. 34—35.

0,5—1,2%. Л.В.Хомич справедливо подчеркивала, что целые народности, за исключением отдельных лиц, были неграмотны[3].

Дети коренных национальностей учились в Обдорской, Сургутской, Нахрачинской школах вместе с учащимися других национальностей. В Обдорске действовали три школы и двухклассное училище, кроме того, работали школы в селах Хэ и Нори, к югу от Обской губы. Несмотря на наличие в Обдорске миссионерской школы с пансионом для детей ненцев, ханты и селькупов, дореволюционная система образования практически не оказывала влияния на распространение грамотности среди местных коренных малочисленных народов, так как по преимуществу обучались дети русского населения[4]. Все школы давали начальное образование, большинство из них ютились в церковных сторожках, юртах, чумах, наемных зданиях, малопригодных для занятий[5]. Накануне первой мировой войны процесс распространения образовательных учреждений на Тобольском Севере шел довольно быстро, особенно в Среднем Приобье (Сургутский район). Очевидно, что достижения в культуре и образовании народностей Крайнего Севера на рубеже XIX—XX вв. были связаны в основном с деятельностью прогрессивной общественности и духовенства, которые большое внимание уделяли просвещению коренного населения[6]. Таким образом, следует отметить, что система образования начала складываться на Тобольском Севере задолго до революции 1917 г., вопреки утверждению, сложившемуся в советской историографии, что только после революции 1917 г. народы Севера получили право на обучение.

---

[3] См.: Хомич Л.В. Ненцы. Очерки традиционной культуры. СПб., 1995. С. 304.

[4] См.: Гриценко В.Н. Из истории становления системы школ-интернатов...

[5] См.: Ванчицкая Л.Н., Ванчицкий Р.Ю. О состоянии народного образования на Севере в XIX — начале XX века // Северный регион: экономика и социокультурная динамика. Сб. тезисов к Всероссийской научной конференции. Сургут, 2000. С. 221.

[6] Так, была открыта специальная школа для детей инородцев при Кондинской женской обители. Школу возглавляла монахиня Н.И.Лепехина, которая сделала очень многое для просвещения детей северян. При ее активном участии в 1893 году была открыта передвижная (кочевая) школа в Низямах. См.: Ванчицкая Л.Н., Ванчицкий Р.Ю. О состоянии народного образования... С. 221.

Рассматривая процессы культурного развития в советский период, необходимо иметь в виду факторы, которые влияли на это развитие. Среди них — фактор культурного наследия, которое являлось своего рода мостиком от культуры дореволюционной к культуре советской. Сословность, долгое время удерживавшая позиции в отечественной дореволюционной культуре, препятствовала утверждению прогрессивных качеств культуры. Она мешала общенациональной консолидации и в особой мере сказалась на просвещении народа. Правительственная политика как важнейший фактор культурного развития рассматривала распространение образования как необходимое экономическое условие и шла на открытие учебных заведений и обучение более широких слоев населения не по убеждениям, а по необходимости, регулируя процесс просвещения в стране.

Советская власть, провозгласив права территорий на культурную инициативу, сразу же начала создавать централизованный аппарат, призванный не только определять пути культурного развития, но и регламентировать деятельность местных органов. В конце концов сложилась жесткая вертикаль, гарантировавшая неукоснительное претворение в жизнь руководящих указаний партийно-государственного центра. В.Л.Соскин считает, что между культурой дореволюционной и советской существовала прямая преемственность, сердцевиной обоих культур была культура политическая (официальная), т.е. поддерживаемая и защищаемая государством[7].

К началу 1920-х гг. Тюменская губерния по уровню грамотности занимала 48-е место из 51-ой губернии России. Коренное население было поголовно неграмотно, за самым редким исключением. В июле 1920 г. при Наркомпросе была образована Всероссийская чрезвычайная комиссия по ликвидации неграмотности, в Тюмени — Губчека по ликбезу. Губернский отдел народного образования направил на Север первую экспедицию с целью ознакомления с положением дел на месте, оказания помощи местным работникам и составления персонального плана. Экспедиция

---

[7] См.: Соскин В.Л. Советская культура и дореволюционное... С. 213—215.

повезла с собой книги, бумагу, учебные материалы[8]. В конце 1920 г. инструктор Тюменского губкома РКП (б) Фуфаев писал: «По всему краю — громадный недостаток учительских сил. Учителя старой школы на 90% непригодны для нашей школы. Многие учителя не могут взять правильную ориентацию по отношению к своим обязанностям. Ведется определенно явный и тайный саботаж. Да и что ждать от таких просветителей, которые вышли частью из церквей, или недоучки, а в политическом смысле, полные невежды»[9].

В условиях гражданской войны и Западно-Сибирского восстания некоторые школы продолжали работать (это были школы, которые возникли еще накануне революции). Так, в 1919—1920 гг. в Сургутском уезде действовало 16 школ. По данным на август — сентябрь 1920 г., в этих школах обучались 139 учащихся (исключая две школы, которые имелись в с.Сургуте). В Сургутском уезде были только начальные школы, где обучались дети 8—12 лет. Как правило, в них был лишь один учитель и «сторожиха», которая часто занималась приготовлением горячих завтраков для ребят. Численность охваченных обучением детей, таким образом, из-за ощутимой нехватки преподавателей была крайне неудовлетворительной. Самым большим недостатком являлось отсутствие профессиональных учительских кадров. Исключительной редкостью были учителя, окончившие учительские гимназии, такие, например, как супруги Знаменские (с.Сургут), педагогический талант которых ценился очень высоко. Для работы в школах привлекались энтузиасты из комсомольцев-добровольцев, имеющих начальное образование. Некоторые из них сразу же уезжали в другие районы губернии, не выдержав трудностей работы и быта.

В Обдорске весной 1920 г. действовало 3 училища (высшее начальное, одноклассное и двухклассное для инородцев), в них работали три учителя[10]. По решению Наркомнаца в 1921 г. был

---

[8] См.: Рощевский П.И. Из истории советского культурного строительства в Тюменской губернии (1919—1920 гг.) // Ежегодник Тюменского областного краеведческого музея. Тюмень, 1963. Вып. 3. С. 39.

[9] ТОЦДНИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 149. Л. 46 (об.).

[10] См.: Рощевский П.И. Из истории советского культурного строительства... С. 23.

созван Всесибирский съезд туземцев[11], отправлены экспедиции для исследования положения северных народов. На съезде был поставлен вопрос об организации Наркомпросом школ-интернатов для детей туземцев с содержанием учащихся за счет государства и о разработке для них письменности.

Несмотря на тяжелые времена, следует отметить, что школы там, где они имелись, работали. В протоколе заседания Обдорского военно-революционного комитета от 6 июля 1921 г. указывалось, что для подготовки учительского персонала к работе в условиях трудовой школы необходимо проведение курсов, которые обязаны посетить учителя Обдорских советских школ и окрестных: Хэнской, Лабытнангской, Собской. Курсы планировалось провести с 15 июля по 3 сентября, с ежедневными трехчасовыми занятиями. Программы курсов предполагали наличие таких учебных дисциплин, как «трудовая школа», «живая природа», «методика», «детские игры», «дошкольное дело», «краеведение» и др. Преподаватели курсов: В.А.Новицкий, Е.А.Новицкая, М.А.Протопопов, Г.И.Артеев, О.П.Волков[12]. Однако подтверждения, что курсы состоялись, не обнаружено.

Среди учителей начала 1920-х гг. были подвижники, которые, не жалея сил и времени, осуществляли обучение детей. В их числе — супруги Г.Ф. и П.И.Кучковы[13], которые с 1919 по 1923 гг. учительствовали в Сургуте. В 1920 г. по инициативе П.И.Кучкова в Сургуте была открыта музыкальная школа — первая на Тобольском Севере. До 1947 г. Кучковы работали на Севере в разных школах Самаровского района[14]. С 15 марта 1920 г. после восстановления советской власти Сургутским высшим начальным училищем заведовал Андрей Иванович Кондаков — представитель известного рода просвещенцев. Был арестован ЧК, освобожден и до начала Западно-Сибирского восстания заведовал школой вто-

---

[11] См.: Андреева К.С. Культурное строительство... С. 155.

[12] ГАЯНАО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 11. Л.145.

[13] Петр Ильич родился в 1893 г. в Тобольске, окончил духовную семинарию, педагогическую деятельность начал в 1917 г. Глафира Федоровна родилась в 1898 г. Окончила высшую начальную школу и учительские курсы.

[14] См.: Оносова С.П., Фалалеева М.П. Подвижники северной школы // Образование и культура Тюменского края в XVIII—XX вв. Тобольск, 1998. С. 49—50.

рой ступени в Сургуте[15]. В Обдорске с 1919 по 1923 гг. работал учителем в школе 1-й ступени Михаил Андреевич Протопопов[16]. По окончании Тобольской губернской гимназии он избрал для себя путь учителя и начал работать в Обдорске, где не только занимался обучением, но и работой в музее, который после войны переживал разруху и запустение. В 1923 г. он выехал в Томск, чтобы продолжить обучение в университете, но вынужден был вернуться в Тюмень, где проработал год в качестве заведующего школой, а затем был направлен в Тобольск, где около года работал в должности школьного инспектора, проведя это время в постоянных разъездах по Северу[17]. В 1919 г. начал учительскую деятельность П.Е.Хатанзеев, приступив к работе в Обдорской зырянской школе 1-й ступени[18].

Типичными проблемами школ начала 1920-х гг. являлись отсутствие помещений, дров, необходимого оборудования и учебных пособий, материальная неустроенность учителей. В докладе Обдорского волостного отдела народного образования сообщалось, что на Севере нет удовлетворительных помещений для школ, отсутствовали книги, бумага, карандаши, учителя не имели программ единой трудовой школы[19]. Сведения о количестве школ и числе учащихся в начале 1920-х гг. крайне противоречивы. В отчете Тюменского губернского экономического совещания Совету труда и обороны «О состоянии народного просвещения в губернии» от 1 октября 1922 г. говорилось, что в северных уездах было всего три школы: две из них — первой ступени, а одна — второй, обучались всего 23 ученика[20]. По другим данным, в 1922 г. в Березовском уезде имелось две школы, в Сургутском —

---

[15] См.: Белобородов В. Кондаковы // Югра. 2002. № 4. С. 36.

[16] М.А.Протопопов (1909—1969 гг.) — крупный деятель северного просвещения 1920—1930-х гг., публицист, оставивший заметный литературный след в урало-сибирской периодике, краевед и знаток жизни народов Тобольского Севера.

[17] См.: Белобородов В. Ревнитель просвещения. С. 44—45.

[18] См.: Данковцева С.Г., Созонова А.В. Личный фонд П.Е.Хатанзеева в собрании Ямало-Ненецкого окружного музея им. И.С.Шемановского // Обские угры. Омск; Тобольск, 1999. С. 283.

[19] См.: Рощевский П.И. Из истории советского культурного строительства... С. 23.

[20] Подсчитано по: ГАТО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 132. Л. 79 об.

три[21]. По нашим подсчетам, число школ было несколько больше. В 1921 г. в Березовском уезде — не менее 7 школ: только в районе Обдорска имелось 4 школы, в самом селе — 2, в Березове — 1. В Сургутском уезде численность школ была выше, чем в Березовском. Полагаем, что в начале 1920-х гг. на Тобольском Севере работало приблизительно 20 школ.

Ряд ученых (Л.Е.Киселев, М.Е.Бударин, Л.Н.Ванчицкая) считают, что в 1920-е гг. политико-просветительная деятельность органов народного образования совместно с учреждениями культуры Тобольского округа проводилась весьма организованно и целенаправленно. В целом, по их мнению, были выполнены задачи ликвидации безграмотности и развития общей и профессиональной грамотности, повышения общей культуры народов Обского Севера. Однако согласиться с подобными выводами вряд ли можно, поскольку задача ликвидации неграмотности не только в 1920-е, но и в 1930-е гг., а также и в последующие годы на Крайнем Севере не была выполнена.

Внешкольному образованию взрослых отводилось значительное внимание: выделялись средства, организовывались кружки, вербовались ликвидаторы неграмотности. Однако все эти мероприятия больше носили идеологический характер, чем культурно-просветительский. В литературе и источниках имеются некоторые сведения относительно внешкольного образования в те годы на Тобольском Севере[22]. Речь прежде всего идет о создании первых пунктов по ликвидации неграмотности на Севере. Их появление относится к осени 1921 г. Одной из первых открылась школа ликбеза в Цингалах, зимой — несколько школ ликбеза в Самаровском и окрестных деревнях, а также в Сургутском и Березовском уездах. В кружках работали, как правило, комсомольцы, владеющие грамотой, и сельские учителя. Одновременно с кружками ликбеза стала постепенно налаживаться работа изб-читален

---

[21] ТФГАТО. Ф. 695. Оп. 1. Д. 13. Л. 27.

[22] Стоит заметить, что внешкольные учреждения, занимавшиеся пропагандой и просвещением, возникли в Сибири в годы первой мировой войны. Однако на Тобольском Севере в те годы подобные учреждения не отмечены. См.: Косых Е.Н. К истории внешкольного образования в сибирской деревне (август 1914 — февраль 1917 гг.) // Некоторые вопросы истории крестьянства Сибири. Томск, 1976. С. 65—76.

и библиотек, однако материальные условия для их работы не были созданы, и читальни то открывались, то закрывались. В протоколах Обдорского военно-революционного комитета за 1921 г.[23] содержатся сведения о библиотеке (на 1 января 1921 г. 648 экземпляров книг и 896 экземпляров газет) и избе-читальне в с.Хэ[24]. В Сургуте действовало две библиотеки: публичная и партийная[25]. В целом же по краю библиотек и изб-читален было очень мало. Лучше обстояло дело с созданием кружков ликбеза и изб-читален в Сургутском районе, где к середине 1920-х гг. действовали 20 пунктов по ликвидации безграмотности и 6 изб-читален[26].

В 1923 г. вопрос о ликвидации неграмотности Наркомпросом был поставлен весьма категорично, и ликвидацию необходимо было завершить к десятилетию советской власти, т.е. в 1927 г. Однако в 1927 г. А.Луначарский говорил уже о «катастрофе» в просвещении, поскольку в стране создали менее 50 тыс. начальных школ, в то время как до революции их было 62 тыс.[27]

До районирования на территории Тобольского округа работой культурно-просветительных учреждений руководили три уездных отдела народного образования — Тобольский, Березовский и Сургутский. Аппарат Тобольского УОНО состоял из 26 сотрудников, из которых 9 были ответственными работниками, 11 — канцелярскими и 6 — техническими. Сведений об аппаратах Березовского и Сургутского УОНО не имелось, и их структура, очевидно, была такой же, как и структура аппарата Тобольского УОНО.

После районирования вместо трех УОНО был создан один окружной подотдел народного образования. Аппарат состоял из 12 работников. Состав работников по политической принадлежности был почти полностью коммунистическим, что рассматривалось руководством округа как положительный фактор. С реорганизацией отделов народного образования снабжение культпросветучреждений перешло полностью к исполкомам, и органы образо-

---

[23] ГАЯНАО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 11. Л. 105.

[24] См.: Там же.

[25] См.: Кондакова Л. История сургутских библиотек // Югра. 2001. № 4. С. 38.

[26] См.: Там же.

[27] См.: Два взгляда из-за рубежа. М., 1990. С. 115.

вания смогли сосредоточиться на своей профессиональной деятельности. Тобольскому окружному отделу народного образования предоставлялось право руководства всеми учреждениями Политпросвета и Соцвоса, школами первой и второй ступени, профшколами и техникумами. Перераспределение полномочий лишило органы образования возможности самим распоряжаться финансовыми средствами и всецело поставило в зависимость от исполкомов[28].

В 1923/24 гг. в 6 районах, по данным Тобольского окроно, числилось 39 школ с 1 499 учащимися. Из общего числа учащихся 18 были самоеды, 62 — остяки, 81 — вогулы, 163 — зыряне, 637 — русские. Национальность 862 человек не установлена[29]. Среди учащихся не было ни одной девочки[30].

Первые ознакомительные поездки на Север, которые происходили при непосредственном участии М.А.Протопопова, показали, что школа для аборигенов должна быть иной. Об этом писали и говорили в те годы много, однако в практике школьного строительства пошли по пути наименьшего сопротивления. Вот что писала газета «Северянин» в июне 1924 г.: «...нужна школа, которая могла бы научить, как вести хозяйство в тундре, какие-нибудь полезные ремесла развить. Как лечить себя, оленя и собаку от всякой болезни, как лучше рыбу и зверя ловить, то в эту школу инородец пошел бы. ...Алгебра и другие мудреные науки туземцам не нужны»[31].

Материально-бытовые проблемы стояли на первом месте в организации и деятельности школ. Плановый отпуск средств на создание школ и их развитие начался лишь в 1923/24 гг. Какой была типичная северная школа? В 1924 г. в Юганской двухклассной школе работала Юлия Францевна Крюковская. Школа страдала исключительной бедностью: писали самодельными ручками и чернилами на серой оберточной бумаге или на обрывках старых

---

[28] См.: Эристов А. Итоги районирования в деле народного образования в Тобольском округе // Наш край. 1925. № 2—3. С. 61—63.

[29] ГАРФ. Ф. 3977. Оп. 1. Д. 10. Л. 13.

[30] См.: Новиков В.Г. Народное образование Тюменской области. Тюмень, 1983. С. 13.

[31] Северянин. 1924. 13 июня.

книг. Вместо мела использовали белую глину[32]. Нехватка самого необходимого для обеспечения учебного процесса — самая типичная ситуация в школах Севера. Однако наиболее сложной проблемой было отопление и освещение школ. Ни того, ни другого в достаточной мере не имелось. В школах стоял холод. Функционировала, хоть и с большими трудностями, школа в селе Мужи, что отражено в докладе Мужевского волисполкома за январь 1924 г. В школе работал 1 учитель, а количество учащихся составляло 49 человек. Старшую группу школьников пришлось временно распустить до прибытия еще одного учителя. Существовала острая проблема нехватки учебников[33].

Процесс создания новых школ на Тобольском Севере шел медленно, охватить разбросанное по тайге и тундрам население было практически невозможно, не хватало средств и, самое главное, учителей. П.И.Рощевский подчеркивал (в чем мы с ним совершенно согласны), что советское школьное строительство на Севере началось позже, чем в других местах губернии[34]. Учителя «варились в собственном соку», т.к. методическая помощь отсутствовала, курсов по повышению квалификации не проводилось. К этому еще добавилась не свойственная ранее учительской деятельности общественная работа: ликбез, сбор статистической информации, проведение разъяснительной работы, дальние разъезды по юртам. Именно тогда стал складываться образ учителя-общественника, который имел свое естественное продолжение. Теперь учителю, не занимающемуся общественной работой, не могло быть места в школе.

В материалах инспекции Тобольского окружного отдела образования, проведенной в начале 1924 г., сообщалось: «Учителя предоставлены сами себе. Перед и после каждого урока поют «Интернационал». О методах трудовой школы и слыхом не слыхивали. Учебу ведут по старинке»[35]. В 1924 г. руководство Уральской области впервые организовало для учителей Севера курсовую

---

[32] См.: Силин А. Мои незабываемые учителя. С. 16.

[33] ГАЯНАО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 10. Л. 11 об.

[34] См.: Рощевский П.И. Из истории советского культурного строительства... С. 23.

[35] Северянин. 1924. 27 февраля.

переподготовку. Учителя Дальнего Севера съехались в Обдорск, а учителя из более южных районов — в Тобольск[36]. В 1924 г. в районах были определены штатные инспекторы по народному образованию[37], в задачу которых входило инспектирование школ Дальнего Севера и оказание методической помощи учителям.

В феврале 1925 г. в Обдорске прошел съезд национальных меньшинств (далее — нацмен[38]), где наряду с другими стоял вопрос о просвещении инородцев. При обсуждении данного вопроса коренные жители проявили негативное отношение к обучению своих детей. Они заявили: «Мы учиться не желаем, будем жить, как жили. Рыбу ловить и заниматься охотой мы хорошо умеем и без учения»[39].

В 1925 г. в ряде северных районов (на Тобольском Севере, в Нарыме, Эвенкии) прошли конференции, где рассматривался вопрос обучения детей коренных национальностей[40]. С 7 по 13 июля 1925 г. проходила первая конференция учителей школ Дальнего Севера. В ту пору заведующим Тобольским окроно был Фролов. На конференцию прибыли 30 учителей-северян[41]. Л.Н.Ванчицкая утверждает, что принимали участие 34 учителя[42]. К сожалению, подробностями о решениях учительской конференции мы не располагаем. Однако предполагаем, что речь шла об открытии туземных школ, поскольку именно с 1925/26 учебного года стали возникать первые национальные (туземные) школы.

В 1924/25 учебном году в школьном образовании Тобольского Севера отмечена положительная динамика: начался процесс увеличения числа школ и контингента учащихся (табл. 1).

---

[36] См.: Ванчицкая Л.Н. Создание письменности для малочисленных народностей Обского Севера и подготовка педагогических кадров (20—30-е гг.) // Исторический опыт народного образования Тюменского края. Материалы областной научной конференции. Тюмень, 1992. С. 73.

[37] ТФГАТО. Ф. 695. Оп. 1. Д. 13. Л. 2.

[38] ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 3. Д. 138. Л. 88.

[39] Там же.

[40] См.: Базанов А.Г. Первые шаги советской власти в области строительства школ (1917—1930 гг.) // Просвещение на Крайнем Севере. Л., 1967. Вып. 15. С. 30.

[41] ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 3. Д. 138. Л. 113—114.

[42] См.: Ванчицкая Л.Н. Создание письменности... С. 73.

Таблица 1

Количество школ и учащихся на Тобольском Севере в 1924/25 учебном году[43]

Район	Количество школ	Количество учащихся
Самаровский	10	334
Кондинский	4	103
Березовский	10	414
Обдорский	6	291
Александровский	4	102
Сургутский	5	225
Всего	39	1 499

Таким образом, общее количество школ составляло 39, а число учащихся достигло полутора тысяч человек. Обучение во всех школах велось на русском языке.

По данным районных отделов образования и райкомов ВКП (б), в Березовском районе в 1925 г. было 12 школ, в которых обучались 552 человека. В Сургутском районе в 1925 г. функционировало 11 школ: семилетняя — в Сургуте (9 учителей) и школы в населенных пунктах сельского типа (Сахали, Сытомино, Кушникова, Пилюгино, Широково, Юган, Локосово, юрты Ивашкины, Покур, Вата[44]). Причем две школы существовали на средства Комитета Севера (Юганская и Широковская), а остальные находились на местном бюджете. Всего обучались 474 человека, из них туземцев — 21[45]. Таким образом, в двух районах — Березовском и Сургутском — обучались в 1925 г. 1 126 человек. По другим сведениям, учащихся на Тобольском Севере было в три раза меньше[46].

---

[43] ТФГАТО. Ф. 695. Оп. 1. Д. 13. Л. 31.

[44] ГАХМАО. Ф. 100. Оп. 1. Д. 9. Л. 15.

[45] Там же.

[46] В середине 1920-х гг. в школах Севера обучались 472 человека, это означает, что количество учащихся, охваченных обучением, было ниже уровня 1914 года. См.: ТОЦДНИ. Ф. 30. Оп. 1. Д. 218. Л. 27 об.

1925/26 учебный год ознаменовался открытием первых национальных школ[47]. К числу первых относится остяцкая школа в юртах Мулигорт (учитель — Николаев). В журнале «Наш край» была опубликована заметка М.А.Протопопова об этой школе, которую он посетил во время инспекторской проверки. «Поселок Мулигорт располагался в Шеркальском сельском совете Березовского района. Жило в нем около 80 человек. Школа началась с ликпункта, который был открыт в 1924 г. Школа разместилась в доме одного из жителей поселка и занимала одну комнату. Остяки платили учителю 15 руб. в месяц. За найм помещения он отдавал 6 руб. ...Столы и скамейки — это толстые плахи из неотесанных обрубков. На 19 марта 1925 г. в школе обучалось 20 человек»[48].

Что только не писали исследователи о Николаеве! И комсомольцем, и передовиком называли... Однако все было куда проще. Иосифу Петровичу Николаеву было в ту пору 49 лет, и работал он на Тобольском Севере, что называется, в частном порядке, и раньше, и теперь зарабатывая на жизнь своей семье, которая проживала под Тобольском. На момент обследования у него из продовольственных запасов имелась только ржаная мука — 20 фунтов. Корреспондент писал, что «сахар, масло, чай учитель не видит. А в одежде и белье испытывает острую нужду»[49].

В том же году открылась мансийская школа в Щекурье (учитель — А.В.Голошубин) и туземная школа в с.Широковском Сургутского района[50]. Среди указанных первых национальных школ не было ненецких и селькупских вопреки утверждению А.Г.Базанова, писавшего, что «к 1926 г. каждая народность Севера уже имела свои школы»[51]. Ф.Ф.Кронгауз[52] справедливо отмечал, что первыми в национальных школах были в большинстве случаев русские учителя (добавим, что для одних это было подвижни-

---

[47] См.: У европейских ненцев первая национальная школа возникла в 1923 году, как указывала Л.В.Хомич, в селении Тельвиске по инициативе ненцев, объединявшихся кооперативом «Кочевник». См.: Хомич Л.В. Ненцы. С. 304—305.

[48] Протопопов М. Яркий проблеск (очерк из жизни остяцкой школы в поселке Мулигорт) // Наш край. 1925. № 6. С. 28—33.

[49] Там же.

[50] ТОЦДНИ. Ф. 30. Оп. 3. Д. 176. Л. 6.

[51] Базанов А.Г. Первые шаги советской власти... С. 30.

[52] См.: Кронгауз Ф.Ф. К истории советской школы... С. 36.

чество, для других — поручение вышестоящих организаций, а для третьих — способ заработать на жизнь). Отметим лишь, что первых было меньше. Первые национальные школы возникали в местах проживания оседлого населения. К тому времени не предпринималась попытка по созданию реальной кочевой школы, о необходимости которой заявлял Наркомпрос.

Документы различных органов партийной и исполнительной власти свидетельствуют о наличии схожих проблем в положении школ. Так, в отчете Сургутского райисполкома за 1925 г. отмечалось: «Обеспеченность школ учебниками в нынешнем году удовлетворительная, недостаточно письменных принадлежностей»[53]. В материалах Обдорского райкома ВКП (б) за 1926 г. указывалось, что школы к учебному году ремонтируются (Кушеват и Мужи), но учебники не получены[54].

В 1924 г. Тобольскими окружными организациями по распоряжению областных ведомств более пристальное внимание стало уделяться избам-читальням и библиотекам. По заказу Тобольского окрполитпросвета для каждой избы-читальни и райбиблиотек была выписана «Библиотечка ленинца», состоявшая из 52 выпусков. Цена комплекта была 6 руб.[55] Продолжала работать изба-читальня в Цингалах. О ней писала газета «Северянин»: «Избачу 17 лет. Т.Свирепов заинтересовал инородцев тем, что может поднять гирю 2,5 пуда одной рукой, а также другими гимнастическими упражнениями и приемами французской борьбы. Организовал спорткружок»[56]. В том же году газета за 11 июня писала, что «по всему Северу разбросано 28 изб-читален. Имеются кружки: драматический, сельскохозяйственный, политический. Газеты, журналы, книги большей частью выписываются на деньги, внесенные населением»[57].

Газета «Северянин» за 19 октября 1924 г. поместила заметку, которая любопытна тем, что в ней присутствует вопрос о том, как вообще можно жить культурному человеку на Севере: «Издали

---

[53] ГАХМАО. Ф. 100. Оп. 1. Д. 9. Л. 16—16 об.
[54] ТОЦДНИ. Ф. 30. Оп. 1. Д. 225. Л. 5.
[55] ГАЯНАО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 14. Л. 72.
[56] Северянин. 1924. 30 мая.
[57] Северянин. 1924. 11 июня.

Дальний Север очень красив. Люди бы много дали за то, чтоб любоваться роскошным северным сиянием. Но жить там, поселиться навсегда — нет. Это значит похоронить себя заживо. Газеты приходят редко. Литературы нет никакой. Туда надо уезжать только тем, у кого совершенно нет никаких культурных запросов, кто не интересуется решительно ничем, кроме прибыли»[58].

9 июля 1925 г. президиум Уральского облисполкома утвердил положение о райполитпросветорганизаторе. Теперь предписывалось в каждом районе при райисполкоме учредить должность райполитпросветорганизатора. Выплата зарплаты должна была осуществляться за счет средств окружного бюджета. Тогда же было предоставлено право избам-читальням бесплатно пересылать письма в окрполитпросвет, облполитпросвет и Москву (3 письма в месяц) с отчетами о деятельности и материалами к ним[59].

Л.Н.Ванчицкая, уделившая много внимания проблеме просвещения на Севере, пришла к выводу, что в первые послереволюционные годы были созданы необходимые условия для свободного развития национальных меньшинств и этнографических групп, населяющих Россию, была разработана концепция развития национальной школы, основные принципы построения программ которой сводились к учету местных традиций и обычаев, а также особенностей социально-экономического уклада.

Весьма сложно согласиться с приведенной оценкой, поскольку привлечение новых источников свидетельствует о наличии противоречий в процессе создания школ и осуществления образовательной политики в крае. Более того, что касается первой половины 1920-х гг., то ни о какой концепции развития школ говорить не приходится, только с созданием Комитета Севера началась корректировка в образовательной политике, которая привела к возникновению интернатской системы обучения как единственно возможной для государства. Создание и функционирование кочевых школ в тех исторических условиях не имело шансов.

---

[58] Северянин. 1924. 19 октября.

[59] ГАЯНАО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 14. Л. 21, 118.

1.2. Школьное образование во второй половине 1920-х — начале 1930-х гг.

Важную роль в решении проблем коренных народов, в том числе и в области культуры, играл Тобольский Комитет Севера. Члены Комитета Севера, хорошо знавшие особенности жизни коренного населения, понимали всю трудность задачи по организации обучения детей и просвещения взрослых. Проблемы создания новых школ, их финансирования, обеспечения кадрами и др. находились в поле зрения Комитета, которым были разработаны принципы школьного строительства, учитывавшие этнопсихические и социально-экономические особенности учащихся. «Школа должна давать такое образование, которое не оторвет население от его хозяйственной обстановки; система должна быть строго согласована с местными обычаями и укладом жизни, без нарушения северных промыслов; школьная программа должна быть тесно связана с жизненными потребностями северного человека»[60].

Комиссия по образованию при Тобольском окрисполкоме определила передвижную, кочующую школу как основной тип учебного заведения для народов Севера. Учитывалось особое мировосприятие детей, особенности их мышления. Указывалось, что обучение должно быть образным, а значит, с применением наглядности и кинематографа, а также с соответствующим учительским персоналом. Кочевая школа мыслилась как школа без отрыва детей от их привычной среды, как школа, которая должна была бы преследовать задачи не только научно-просветительские, но и культурно-хозяйственные. Учителями должны быть лица, прекрасно владеющие наречиями и знающие быт северных народов. Высказывалась мысль о более высокой оплате труда таких учителей, чтобы привлечь их к работе. «В практической обстановке кочевая школа — это самоедский чум, крытый шкурами или берестой, обставленный учебными пособиями и привлекательными для инородца предметами культуры. Один-три учите-

---

[60] Семашко А.Н., Мартынова Е.П. Опыт деятельности Тобольского Комитета Севера в сфере образования // Исторический опыт народного образования Тюменского края. Материалы областной научной конференции. Тюмень, 1992. С. 71.

ля, служитель. Может быть, школа займет два-три чума. Для перевозки нужно соответствующее количество оленей»[61].

Таким образом, идея создания кочевых школ для остяков и самоедов сводилась к тому, что она (кочевая школа) должна была отличаться от обычной классической школы. Кочевая школа призвана была дать элементарные знания о природе, климате, медицине[62]. Для создания таких школ нужны были огромные средства, но самое главное — учителя, которые могли бы вести кочевой образ жизни. Естественно, что обычный учитель, не абориген, на такую жизнь согласиться вряд ли мог.

В 1927 г. Тобольским Комитетом Севера была разработана конкретная программа по решению проблемы просвещения на Севере. Она включала в себя схему образования туземного населения: культбазы, профшколы, втузы. Однако реализовать намеченную программу удалось лишь частично. Первостепенной задачей оставалось привлечение к обучению детей туземцев. Идеи и принципы северной школы, разработанные в Тобольске, не были реализованы на практике.

Материальное положение школ было крайне сложное, но об этом в печати тех лет, а затем и в трудах советского времени старались не говорить. Обнаружены документы — сметы по школам Березовского, Обдорского районов на 1926—1927 гг., которые позволяют представить материальное положение этих школ и условия, в которых проходило обучение детей. Все материалы для ремонта были привозные, а потому нужно было учесть стоимость их доставки, которая нередко превышала цену товара. Однако при составлении смет транспортные расходы не закладывались, в результате отведенных денег на ремонт не хватало. В большинстве школ были плохие печи. Достать кирпич и доставить его в те годы было невероятно сложным делом, как и найти хорошего печника. В школах стоял жуткий холод, и первостепенной задачей была, соответственно, кладка печей. Например, частичный ремонт школы в с.Полноват требовал: 1 тыс. штук кирпича, 10 листов железа, 100 штук теса, 10 фунтов краски,

---

[61] ТФГАТО. Ф. 695. Оп. 1. Д. 13. Л. 80; Груздев С. Кочевая школа для народностей Севера // Северная Азия. 1925. Книга 5—6. С. 102.

[62] ГАРФ. Ф. 3977. Оп. 1. Д. 10. Л. 13.

1 пуд олифы, 20 пудов белой глины[63]. Так, в 1927 г. Комитетом Севера в Березовский район на ремонт школ было отпущено 2 тыс. руб.[64], Больше-Атлымской школе выделялось 193 руб., Карымкарской — 118 руб., Мало-Атлымской — 335 руб.[65] Что можно было сделать на эти деньги? Сметы на текущий ремонт были настолько мизерны, что осуществление качественного ремонта пола, кладки труб, ремонта оконных рам и др. ставится под сомнение.

Руководство области и округа постоянно на различных форумах говорило о необходимости охвата обучением детей туземцев, однако средств на строительство школ выделялось недостаточно. Денег хронически не хватало. Опять же расчеты по строительству проводились применительно к южным районам, а на Севере все строительные работы стоили как минимум в три раза дороже. Смета по постройке школы в Няксимволе предусматривала расходы в размере 3 800 руб.[66], а в Саранпауле — 11 тыс. руб.[67] Выделяемые средства были ничтожно малы, и потому в некоторых случаях приобретались под школы частные дома. Так, 14 июля 1927 г. Березовский райисполком купил дом у Никифора Посхова (одноэтажный, крытый тесом, длина — 12,2 м, ширина — 6,4 м, высота — 2,2 м)[68]. В договоре указывалось, что хозяин должен перед продажей отремонтировать дом и кое-что в нем перестроить. Однако примеров покупки домов немного, чаще школы размещали там, где придется.

Типы школ. На Тобольском Севере во второй половине 1920-х гг. формировались школы двух типов: интернаты и обычные. Школы-интернаты финансировались из госбюджета, а обычные школы — из местного. Годовое содержание ученика школы-интерната составляло в среднем 435 рублей в год, в обычной школе — 30—40 рублей[69]. Проблема всеобуча оставалась откры-

---

[63] ГАХМАО. Ф. 111. Оп. 4. Д. 176. Л. 2—3.
[64] Там же. Л. 81 а.
[65] Там же. Л. 85—86.
[66] Там же. Л. 16.
[67] Там же. Л. 22.
[68] Там же. Оп. 4. Д. 270. Л. 25—25 об.
[69] См.: Базанов А.Г. Первые шаги советской власти… С. 34.

той. Новые архивные источники дают интересные сведения о различных школах Севера, в том числе и о нескольких школах-интернатах. Во второй половине 1920-х гг. сеть школ на Севере несколько расширилась, но их создание шло, главным образом, в крупных населенных пунктах, где проживало оседлое население. Так, сеть школ самого северного района Тобольского округа — Обдорского — была представлена 7 учебными заведениями (табл. 2).

Таблица 2

Школы Обдорского района в 1926 г.[70]

Название школы	Количество учащихся
Обдорская (семилетняя)	131
Лабытнангская	16
Шурышкарская	12
Мужевская	113
Кушеватская	16
Хэнская	25
Норинская	21

В 7 школах обучались 334 ученика. Охват детей туземцев был незначителен. Так, в Кушеватской школе училась одна девочка-остячка, которую кормил, одевал и предоставлял ей ночлег учитель школы, поскольку средств ни на питание, ни на одежду никто не выделил, о чем имеется письмо заведующего школой в Обдорский райисполком с просьбой решить вопрос с содержанием ребенка[71].

Обдорская семилетняя школа являлась опорной. 16 декабря 1926 г. на заседании президиума Обдорского РИКа был заслушан отчет о ее работе. С докладом выступил заведующий школой Орешко. В докладе были представлены краткие сведения о школе. «Количество учащихся — 135; педколлектив — 7 человек; содержание обучения — по программе единой трудовой школы с преобладанием теории над практикой; формы обучения: учебные комплексы (класскомы); методическое бюро школы оказывает

[70] ГАЯНАО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 106. Л. 144; Д. 108. Л. 4 об.
[71] Там же. Л. 8.

помощь сельским школам по указанию районо; проблемы школы: отопление, недостаточное помещение, скудность средств, нехватка канцелярских принадлежностей, отсутствие спортивной работы»[72].

С середины 1920-х гг. наблюдалось увеличение числа школ, однако для столь обширного края их явно было недостаточно. Школьная статистика страдает неполнотой, разные источники порой содержат абсолютно противоположные сведения. Какова динамика роста количества школ на Тобольском Севере во второй половине 1920-х гг.? По материалам Тобольского окружкома ВКП (б), количество школ увеличилось с 1925 г. по 1928 г. на 11 и составило 30, в которых обучались 480 человек (табл. 3).

Таблица 3

Количество школ на Тобольском Севере во второй половине 1920-х гг.[73]

Учебный год	Количество школ	Количество учащихся
1925/26	19	274
1926/27	26	285
1927/28	28	375
1928/29	30	480

Н.Патрикеев приводил сведения, что к концу 1927 г. было открыто 19 хантыйских школ с числом учащихся до 200, а в 1928 г. в национальных школах учились 311 детей[74]. Всего в 1928 г. количество школ, по материалам Комитета Севера, в трех районах Тобольского округа — Обдорском, Березовском и Самаровском — составляло 25[75]. В 1929/30 учебном году действовали 22 хантыйских и 7 мансийских школ, в которых обучались 460 детей коренных национальностей[76]. Таким образом, установить точное количество школ не представляется возможным, однако следует отметить положительную динамику роста числа школ и количества учащихся. Образцово-показательными школами Тобольско-

[72] Там же. Д. 108. Л. 3.
[73] ТОЦДНИ. Ф. 30. Оп. 1. Д. 607. Л. 120.
[74] См.: Патрикеев Н. Просвещение Югры... С. 38.
[75] ТФГАТО. Ф. 695. Оп. 1. Д. 107. Л. 252.
[76] См.: Патрикеев Н. Просвещение Югры... С. 38.

го Севера считались в те годы школы в с.Юганском (Сургутский район) и в юртах Низямских (Березовский район)[77].

Документы, извлеченные из различных архивов, позволяют уточнить представления об интернатском типе учебных заведений. В советской историографии о проблемах обучения и содержания учащихся в интернатах старались не говорить, акцентируя внимание лишь на охвате детей обучением. Вместе с тем, изучение проблемы показало, насколько школы-интернаты в большинстве случаев были не приспособлены для жизни детей коренных народов, а порой и несли опасность для их физического и психического состояния.

Рассмотрим, в каком состоянии находились первые интернаты на Тобольском Севере. Так, интернат в юртах Карым в 1927 г. был размещен в новом здании, хотя и недостроенном. Классы, общежитие, столовая и кухня были небольшими по размерам, ощущалась стесненность. В здании было так холодно, что требовалось в срочном порядке не только добавить печи, но и перестелить полы и подшить потолки. Построенное наспех, кое-как, оно подвергало опасности жизнь и здоровье детей. Школьники пользовались частной баней, так как своей у интерната не имелось. Не было изолятора, а до ближайшей больницы расстояние составляло 70 верст. Дети часто болели, поскольку в помещениях было очень холодно. Отсутствовал склад для продуктов. Работали два учителя: один обучал три группы учащихся, а другой занимался хозяйственными вопросами. Количество учащихся в интернате в 1925/26 г. составляло 22 человека, в 1926/27 г. — 25, в 1927/28 г. — 53[78].

Юганская туземная школа-интернат была в сравнительно лучшем положении, чем Карымкарская. 6 января 1928 г. председателем Комитета Севера Первухиным было проведено обследование школы. В акте сообщалось: «Школа организована осенью 1926 г. для обслуживания детей остяцкого и самоедского населения. Район деятельности школ распространяется с севера на юг в радиусе до 1000 верст. Окружающее население занимается преимущественно рыболовством и охотой, а в северной части преобладает

---

[77] См.: Там же.

[78] ТОЦДНИ. Ф. 30. Оп. 1. Д. 607. Л. 52—53.

тундровое хозяйство. Школа помещается в русском селении Юган, расположенном на реке Югане на юг от Сургута на расстоянии 65 верст зимним путем.

Школа и интернат размещаются в муниципальном доме, занимая 4 комнаты и кухню. Во второй половине дома находится изба-читальня и Нардом. Во флигеле на одном дворе со школой помещается местный кооператив: лавка, контора. Занимаемого помещения для наличного состава воспитанников достаточно. Помещение теплое и светлое. Арендной платы взимается Риком 360 руб. в год.

Учителей в школе двое: заведующая Тетюцкая Юлия Францевна, окончившая школу 2-й ступени (учительский стаж — 5 лет, в туземной школе — 2-й год), и Чемагин Петр Емельянович, окончивший Тобольский педтехникум. Учительствует 2-й год с начала возникновения тузшколы. Тетюцкая остяцкий язык понимает хотя и слабо, но изъясняется, Чемагин остяцкий язык понимает, но изъясняется пока слабо.

От тузшколы организовано в юртах Навойлокиных отделение без интерната в 20 верстах от с.Югана и ликпункт в юртах Чалтомовых — в 17 верстах от юрт Невойлокиных. В школе работает заведующая — товарищ Тетюцкая, а в отделении и ликпункте — второй учитель — товарищ Чемагин. Количество учащихся в школе-интернате: в 1-й группе — 4 остяков; самоедов — 5; из них — 3 девочки-самоедки; во 2-й группе остяков — 3; самоедов нет. В отделении школы в 1-й группе — 9 остяков, из них — одна девочка; во 2-й группе — 3 остяка. В ликпункте — 3 остяка и 2 девочки-остячки. Полный пансион предоставляется только обучающимся в школе-интернате — 12 учащимся. На ликпункте взрослых — 2 остяка, остальные — школьного возраста.

Из обслуживающего персонала при интернате — одна сторожиха-кухарка, она же и прачка, получает в месяц 25 руб. В Навойлокинских юртах, где помещается школа, выплачивается хозяину 25 руб., в зимние месяцы — с уборкой помещения и предоставлением бесплатной подводы учителю раз в неделю для поездки в с.Юган.

Школа содержится исключительно на суммы, отпускаемые по Госбюджету, и иных дотаций ниоткуда не получает. Окроно переводит аккуратно жалованье учителям, но удерживает с них

стоимость перевода. На обслуживающий персонал денег не поступало с начала учебного года, и жалованье ему выплачивается из имеющихся свободных подотчетных сумм. С начала учебного года поступили под отчет следующие авансовые суммы: на освещение — 20 руб.; на оборудование инвентаря и хозрасходы — 1 230 руб.; на закупку наглядных пособий — 168 руб.; на отопление — 100 руб.; на провоз инвентаря от Тобольска до Югана — 150 руб.; на питание воспитанников — 150 руб.; на ремонт помещения — 500 руб. Всего — 2 318 руб.»[79].

В 1928 г. в д.Сартынья Березовского района открылась мансийская школа-интернат. Школу планировалось открыть несколько раньше, но не было учителя и помещения. Смета на строительство предполагала совсем незначительную сумму — 2 373 руб. Проект школы предусматривал наличие классной комнаты, жилплощади для учителя, кухни, сторожки и коридора[80]. Учитель — А.Н.Лоскутов, прибывший по направлению Наркомата просвещения и Центрального Комитета Севера, начал создание школы в Сартынье[81]. Аркадий Николаевич Лоскутов стал в будущем известным педагогом и много лет отдал Северу[82].

В 1929 г. появилась школа-интернат в поселке Угут Березовского района, на месте летних хантыйских юрт. Школа-интернат имела не только хорошее материальное обеспечение, но и свое подсобное хозяйство. Дети ханты, по сути, были не оторваны от своих обычаев, занимались ловом рыбы. К сожалению, с наступлением военного времени школа была снята с государственного бюджета[83]. Таким образом, положение интернатов было неодинаковым; зависело это от многих факторов: от расположения, финансирования, создания интернатского комплекса и хозяйства, руководства, кадров и др.

---

[79] ТОЦДНИ. Ф. 30. Оп. 1. Д. 607. Л. 146.

[80] ГАХМАО. Ф. 111. Оп. 4. Д. 176. Л. 11—13.

[81] Там же. Ф. Р.- 415. Оп. 1. Предисловие к фонду.

[82] Аркадий Николаевич Лоскутов родился в 1906 году. В июле 1928 г. прибыл в Березовский район для организации школы. В 1931 году был переведен в Казым для организации хантыйской школы-интерната. В 1936 г. вернулся в Сартынью. В 1940 году был назначен заведующим Березовским районо.

[83] См.: Иванов А. Школа в моей судьбе. С. 35.

Документы, извлеченные из Томского архива новейшей истории, позволяют выявить сложное положение с созданием и функционированием интерната в Ларьякском туземном районе. 21 июня 1928 г. на заседании Ларьякской партийной ячейки говорилось: «Нам надо во что бы то ни стало открыть школу-интернат и добиться полного укомплектования таковой. Хотя бы человек 25—20, ибо средства уже отпущены. Нужно приступить к делу постройки данной школы. Надо временно найти помещение. Под школьное помещение можно использовать торговое помещение Сибторга». Высказывалось мнение, что можно «...купить дом под школу у Кайдалова, но для этого у Александровского РИКа нет средств». Заседание приняло постановление: «Использовать помещение Сибкрайгосторга, а для служащих приобрести дом, занимаемый Кайдаловым с отпускаемых средств на строительство интерната. В части размещения торговой организации вопрос оставить открытым»[84].

В письме Медведева (из Ларьяка) от 25 января 1930 г. секретарю Александровского райкома ВКП (б) Перепелицину сообщалось: «Ребятишки в интернат прибывают, теперь есть 18. Проводили двухнедельник по сбору детей. Есть хулиганистые ребята, вчера пришлось четыре человека пристращать, дескать, хулиганов судить будем». В письме от 18 февраля 1930 г. отмечалось: «В школе-интернате работа налаживается. Еще бы вот только одного техслужащего подыскать — туземца, который был бы переводчиком и повседневно находился»[85]. Интернат открыли, детей кое-как собрали, но материально-бытовая неустроенность, низкая квалификация педработников, незнание языка создавали конфликты, порождали у населения справедливое недовольство содержанием детей и отношением к ним персонала.

В протоколе партсобрания Ларьякской ячейки ВКП (б) № 4 от 3 февраля 1930 г. — доклад о работе заведующей школой-интернатом Деминой. Из документа известно, что руководила она школой со 2 января 1930 г. В школе-интернате была масса проблем: не топились печи и не было печника, чтобы эти печи отремонтировать. Всего учащихся — 21, 16 из них жили в интернате.

---

[84] ЦДНИТО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 75. Л. 36—36 об.
[85] Там же. Л. 19.

Демина отвечала за все вопросы: учебы, снабжения, отопления и т.д. В отношении детей допускались физические наказания (вожатая — Ковалева). Никто из педагогов не знал туземного языка[86]. По докладу заведующей было принято решение, которое отразило следующие моменты: «Уделить внимание внедрению детского самоуправления; привлечь врача к проведению с ребятами бесед, в том числе и о вреде табака; объехать все намеченные населенные пункты и выполнить план по вербовке детей; исключение (учащихся.— *Л.А.*) проводить через совет школы или совещание родителей после того, как будут приняты все меры воздействия; проводить совещания с техническим персоналом; закупить карандаши и тетради; произвести запас продуктов на весенний период, в каковой ежегодно наблюдается голодовка; просить райком об оборудовании слесарной мастерской и поспешить с присылкой нового заведующего»[87].

Пример с Ларьякским интернатом свидетельствовал о том, что руководители на местах, выполняя спущенные сверху решения с требованием открывать школы, естественно, старались быстрее выполнить эти требования и отчитаться. Однако средств и условий для интерната не имелось. Созданный наспех, не обеспеченный самым необходимым, он подвергал жизнь детей опасности — естественно, что остяки не хотели отдавать детей в такие условия.

В протоколе № 19 общего партсобрания Ларьякской ячейки ВКП (б) от 23 сентября 1930 г. рассматривался вопрос о перспективах работы школы-интерната. Отмечалось: «Учебу нужно развертывать в полном смысле этого слова. Во что бы то ни стало учеников нужно удержать. Не допускать до того, чтобы дети, имеющиеся в интернате, разбежались, несмотря на то, что в данный момент нет полного состава учительского персонала. Классную работу не ослаблять до приезда остального персонала. Чтобы не сорвать работы, на месте временно подыскать в помощь туземца — не как педагога, а как воспитателя. Одновременно просить Александровский РК о присылке учительского персонала. Необходимо сделать выезд в ближайшие юрты по сбору уче-

---

[86] Там же. Л. 13.
[87] Там же. Л. 11.

ников, пока не разъехались туземцы. Принять активное участие всей ячейке в укомплектовании детей в школу- интернат»[88].

22 ноября 1929 г. на заседании бюро Томского окружкома был заслушан доклад уполномоченного Комитета Севера товарища Воложанина о состоянии образования в Ларьякском туземном районе. В постановлении отмечалось: «Дело народного образования обстоит плохо. Зав. интернатом в связи с создавшейся склокой авторитет свой подорвал, остяки не пускают своих детей учиться. Русскую школу держать там нецелесообразно, т.к. в школе учится 6 человек русских, да и то дети бандитов и бывших торговцев... На строительство интерната отпущено 10 000 руб., из которых 1 000 руб. уплачена за аренду помещения, а 4 000 израсходовано на хозяйственные нужды...»[89]. Обсуждение, развернувшееся на заседании, обнаружило следующие мнения относительно интерната: Сегильетов: «Зав. интернатом детей кормил плохо, а потому дети не идут учиться»; Пестерников: «Из интерната дети бегут, что объясняется отдаленностью от юрт, школу нужно приблизить»; Перепелицин: «Неподчинение интерната тузРИКу немыслимо. Подход Комитета Севера к организации интерната неверен. Затратили 20 тысяч, а остяки учиться не идут, нужно было эти деньги расходовать на ликпункты или школы. Вряд ли будет надежда, что остяки отдадут детей в школу в будущем году. ТузРИКу нужно разъяснить населению необходимость посылки детей в школу»[90].

Весной 1930 г. в Ларьякском районе был открыт еще один интернат в крупном населенном пункте — Охтеурье[91]. Проблемой обоих интернатов была вербовка детей. «Выявить детей школьного возраста, особенно сирот, живших у дальних родственников, и последних вести вербовку в школу-интернат»,— говорилось в решении Ларьякской партячейки[92].

Таким образом, опыт первых лет работы школ-интернатов выявил неутешительную картину. Интернатская форма обучения

---

[88] ЦДНИТО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 97. Л. 63.
[89] Там же. Д. 80. Л. 27.
[90] Там же. Л. 28.
[91] Там же. Д. 97. Л. 38 об.
[92] Там же. Л. 40 об.

была неприемлема для аборигенов. Они любили своих детей и не хотели отдавать их в школу, не желая расставаться с ними и нарушать свой уклад жизни.

Сложная организационная работа по созданию школ и сбору детей дополнялась трудностями плохих условий обучения, нехваткой учителей, учебников, пособий. Проблема учительских кадров во второй половине 1920-х гг. оставалась такой же острой, как и в предыдущие годы. Во-первых, учителей не хватало, поэтому на работе держали всех, кто соглашался работать. В Обдорском районе в 1926/27 учебном году работали 17 учителей, из них мужчин — пятеро. Если женщина уходила в отпуск (4 мес.), то заменить ее было некем. Большинство учительниц имели крайне слабую подготовку[93]. В июне 1927 г. на имя заведующего окроно Смирнова была отправлена докладная записка председателя Обдорского райисполкома по вопросу о заведующем Мужевской школой Иванове. В документе указывалось, что вопрос неоднократно обсуждался сельсоветом относительно заведующего, Иванов к работе относился халатно. Школа к тому времени уже выросла из начальной в пятилетнюю, и в следующем учебном году создавалась 6-я группа учащихся. Учитывая данное обстоятельство, райисполком просил окроно прислать «более менее развитого и знакомого со школьным делом» заведующего[94].

Во-вторых, отработав год-два, многие учителя не выдерживали, мечтали доработать до отпуска и быстрее уехать навсегда. Текучка кадров учителей была значительная. Уехав в отпуск, многие учительницы просто не возвращались, что хорошо отражено в докладной записке председателя Обдорского райисполкома Ануфриева в окроно от 27 июля 1927 г.: «Для обеспечения учебного процесса в 7 школах района требовалось 20 учителей. Указанное количество учительства не позднее 15 сентября должны будут находиться уже на местах по назначению их по школам, но из всего этого состава учительства райисполком в данное время не может точно знать, кто сумеет вернуться из числа старых учительниц, а также, по данным, многие, как видно, не приедут»[95].

---

[93] ГАЯНАО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 108. Л. 7.
[94] Там же. Л. 238.
[95] Там же.

Занятия в школах и интернатах редко начинались вовремя: как правило, в октябре-ноябре. Иногда учебный год начинали с большим опозданием. В докладной записке Обдорского РИКа Тобольскому окроно сообщалось о состоянии школьного дела в районе на начало 1926/27 учебного года. «Учебный год начался с опозданием — 1 октября. Подготовленность школ слабая: нехватка учебных пособий, письменных принадлежностей»[96].

В-третьих, значительную часть учителей вербовали из молодежи. Не имея жизненного опыта и необходимых знаний, вновь прибывший порой вообще не представлял, куда он попал и что к учебному году ничего по месту работы не приготовлено. В такой ситуации оказался учитель Куриков, приехавший в Шурышкарскую школу и обнаруживший полное отсутствие принадлежностей для занятий. В объяснительной записке в Обдорское районо он писал: «Приехал, нет ничего для занятий. Выехать в районо не мог, пароход в Шурышкарах не остановился, пришлось ждать зимнего пути. Все материалы для занятий были получены 18 ноября 1926 г.»[97].

На заседаниях и совещаниях в окроно регулярно рассматривались вопросы состояния образования и подготовки и переподготовки учителей региона, поскольку их общий профессиональный уровень был крайне низок. К тому времени была налажена работа отделов образования при райисполкомах, что позволяло начать деятельность по организации системы работы в школах, а также по переподготовке учителей на курсах повышения квалификации[98]. Так, например, в 1926/27 учебном году были вызваны на

---

[96] Там же. Л. 7.

[97] Там же. Д. 106. Л. 9.

[98] Аппарат районных отделов был сформирован во всех северных районах, и его создание проходило в рамках районирования в Уральской области Тобольского округа. А.И.Силин писал, что в 1920-е гг. в райисполкомах Тобольского округа не было отделов народного образования. Школами и всеми культурно-просветительными учреждениями ведал первый заместитель председателя райисполкома по «соцвосу» (социальному воспитанию населения). А.И.Силин утверждает, что в конце 1920-х гг. были образованы отделы народного образования, но их штаты были невелики: заврайоно, инструктор по школам, инструктор по культпросветработе, кладовщик. С образованием национальных округов в штат был введен инструктор по национальным школам. См.: Силин А.И. На-

педагогические курсы следующие учителя школ Самаровского района: Протопопова Анна (Зенковская школа); Быкова Мария (Близаровская), Звягин Дмитрий (Самаровская), Бобылева Елизавета (Коневская)[99]. Формы подготовки педагогических кадров были самые различные. В частности, школа 2-й ступени в Тобольске была преобразована в школу с партийно-агитационным уклоном. В 1926/27 учебном году в программе школы было предусмотрено введение административно-советского и педагогического уклонов с целью подготовки работников советского аппарата: секретарей, делопроизводителей, счетоводов и других. Кроме того, целью данного нововведения было также привитие навыков педагогической работы в школах 1-й ступени и умений проводить в школе общественную работу и общественно-полезный труд.

Организация учебно-воспитательного процесса во второй половине 1920-х гг. стала приобретать более четкие формы. 24 декабря 1926 г. Тобольское окроно разослало циркуляр о порядке отчетности учреждений народного образования. На основе этого документа в 1927 г. по распоряжению риков и районо в школах Тобольского Севера была введена отчетность[100]. Начальные школы были снабжены типовыми программами, а в 1929 г. Наркомпрос разработал для туземных школ новые программы, ориентировавшие на обучение по методу «проектов»[101]. Во второй половине 1920-х гг. оформилась система заказов на учебную литературу[102]. По каким учебникам учились в северной школе в 1920-е гг.? В начальной школе были распространены следующие пособия: «Живые звуки» (автор — Шапошников); «Новая деревня» (авторы — Волынская и др.); «Жизнь и знание в числах для деревенской школы» (авторы — Зенченко и др.); «Арифметика» (автор — Ланков); «Игра и труд» (автор — Соколов); «За грамоту» (автор — Поршнев). История в 5—6-х кл. изучалась по сле-

---

родное образование в Сургутском районе в 1920-е — 1930-е гг. // Югра. 2001. № 5. С. 60.

[99] См.: Еремеева О.И. Просветительская деятельность в Северо-Западной Сибири // Образование и культура Тюменского края… С. 53.

[100] ГАЯНАО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 106. Л. 34; Д. 108. Л. 34.

[101] См.: Базанов А.Г. Первые шаги советской власти… С. 35.

[102] ГАЯНАО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 106. Л. 34; Д. 108. Л. 134.

дующим пособиям: «Древняя Европа и Восток» (автор — Виппер), «Краткий учебник истории средних веков»[103].

Начали составлять сметы на учебные принадлежности, что способствовало более организованному снабжению школ учебными пособиями и канцелярскими товарами. Так, смета на 1927/28 учебный год для Кушеватской школы (35 учащихся) включала следующие предметы (табл. 4):

Таблица 4

Смета на необходимые учебные принадлежности Кушеватской школы на 1927/28 учебный год[104]

Название предметов	Количество
Букварь	15 шт.
Тетрадь	500 шт.
Перья	3 коробки
Чернильный порошок	10 коробок
Резинка	35 шт.

Ситуация в деле обучения северных народов была схожей в различных округах, например, в Тобольском и Томском. В 1928 г. на одном из заседаний Томского окружного бюро ВКП (б) отмечалось, что население северных окраин, населенных туземными народностями, поголовно неграмотно[105]. Там же говорилось, что работники туземных школ — русские, и ведут они работу на русском языке, т.к. работников-просвещенцев из среды самих туземцев или знающих их язык нет. «До тех пор, пока не будут организованы общежития при существующих школах, обучение туземца-кочевника невозможно… Учебниками на русском языке школы частично снабжены — букварем и книгой для чтения для школ северного края, наглядных пособий мало, методической литературой снабжение недостаточное. Учебников (букварей) на языках туземцев еще не создано»[106]. Протокол родительского собрания учащихся Мужевской школы от 4 декабря 1927 г. отражал

[103] Там же. Л. 128, 143.
[104] Там же. Л. 177.
[105] ЦДНИТО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 318. Л. 100.
[106] Там же. Л. 113.

те же самые проблемы, а также проблему грубого обращения учительницы Кыштымовой с детьми[107].

В 1929 г. на одном из собраний Ларьякской партячейки обсуждалась проблема поголовной неграмотности населения. Высказывалась мысль о передвижной школе, которая должна была принести, по их мнению, пользу, но ненадолго, т.е. такая школа рассматривалась как временная. А.М.Пестерников говорил: «Бродячие учителя пользу дадут, но они ликвидировать неграмотность по всему району не смогут»[108].

Трудность развертывания школ в отдаленных районах — в Ваховском крае, на Ямале, Пуре, Тазу и других — заключалась также в том, что учителя не знали местных языков. Обучать приходилось через переводчика[109]. Таким образом, в конце 1920-х гг. дети коренных народов по-прежнему находились в подавляющем большинстве вне школы. В.А.Зибарев писал, что в конце 1920-х гг. средний процент грамотности у народов Севера распределялся следующим образом: манси — 5,6%; ханты — 5,2%; ненцы — 0,6%[110].

Оценка состояния образования и политпросветработы к концу 1920-х гг. была дана в постановлении президиума Тобольского окрисполкома от 2 октября 1929 г. В документе подчеркивалась совершенно недостаточная работа в этом направлении. Окрисполком требовал усилить вербовку детей в школу, вести среди родителей разъяснительную работу, расширить сеть интернатов[111].

Следующей проблемой, без решения которой нельзя было наладить обучение,— это создание букварей для детей северных народов. Во второй половине 1920-х гг. было предпринято несколько попыток по созданию учебной литературы для туземных школ. В 1926 г. вышел первый хантыйский букварь (автор — Афанасьев), размноженный с помощью копировальной бумаги. В июне 1927 г. Академия Наук приступила к составлению первого вогульского словаря. В Тобольске в то же время начала работу

---

[107] ГАЯНАО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 106. Л. 31—31 об.

[108] ЦДНИТО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 82. Л. 62.

[109] Там же.

[110] См.: Зибарев В.А. Советское строительство у малых народностей Севера (1917—1932 гг.). Томск, 1968. С. 80.

[111] ГАХМАО. Ф. 16. Оп. 1. Д. 8. Л. 31.

специальная лингвистическая группа. Если для ханты предпринимались попытки создания пособий (и эти пособия предлагались к внедрению в обучение), то с вогульским языком дело было сложнее. Профессор Емельянов представил учебник на вогульском языке в Комитет Севера. Однако по этому учебнику было принято отрицательное решение[112].

В 1927 г. северная школа получила на русском языке «Букварь для северных народностей», составителями которого были В.Г.Богораз и С.Н.Стебницкий, а также книгу для чтения «Наш Север» Н.И.Леонова и П.Е.Островского[113]. На заседании методического совета Уральского областного отдела народного образования 6 июля 1929 г. обсуждался вопрос об издании букваря на хантыйском языке. Сообщалось, что «букварь переведен с русского букваря профессора Богораз-Тана. О характере самого перевода судить трудно. Положительный отзыв т. Конева, знающего остяцкий язык и работавшего над книгой вместе с т. Хатанзеевым, дает основание верить, что перевод сделан удачно. Комиссией сделан целый ряд указаний... Книгу можно утвердить и по издании можно рекомендовать остяцкой школе»[114].

Активную работу по созданию письменности для народов Севера развернула лингвистическая секция Научно-исследовательской ассоциации Института народов Севера[115]. В конце 1930 г. преподавателями ИНСа был разработан проект алфавита, который использовали в практике преподавания в языковых группах института. Этот алфавит сложился на основе фонетической латинской транскрипции и состоял из 39 букв (29 согласных и 10 гласных) с добавлением значков, обозначающих смягчение, долготу и придыхание. Алфавит был утвержден в начале 1931 г. и начал применяться, хотя и имел недостатки, главный из которых

---

[112] ГАРФ. Ф. 3977. Оп. 1. Д. 790. Л. 83.

[113] Андреева К.С. Культурное строительство... С. 157.

[114] ГАСО. Ф. 233-Р. Оп. 1. Д. 1289. Л. 91.

[115] Итогом работы Научно-исследовательской Ассоциации ИНСа стало трехтомное издание сборника «Языки и письменность народов Севера». Первая часть была посвящена финно-угро-самодийским языкам. См.: Языки и письменность народов Севера / Под ред. Я.П.Алькора. М; Л., 1934. Ч. III. С. 3.

— латинизированная основа[116]. В 1930 г. был издан первый печатный хантыйский букварь П.Е.Хатанзеева (или, как указывает К.С.Андреева, первая книга для чтения на языке ханты). Букварь был издан в г.Москве. В будущем Петр Ефремович стал заслуженным учителем школы РСФСР[117].

В январе 1932 г. состоялась первая Всероссийская конференция по развитию языков и письменности народов Крайнего Севера. Конференция пришла к заключению о необходимости создания письменности на некоторых языках народностей Севера, в том числе ненецком, хантыйском, мансийском, селькупском. Конференция заслушала и утвердила издательские планы по литературе на языках народов Крайнего Севера на 1932 г., что способствовало плановому выпуску литературы и снабжению ею в ближайшие годы национальных школ[118].

В 1933 г. были изданы стабильные учебники по родному языку и арифметике для первого года обучения, а в 1934 г.— для второго года обучения[119]. «Первые печатные буквари,— справедливо указывал Ф.Ф.Кронгауз,— дошли до школы в 1933 г., они были на латинизированной основе»[120]. К этому времени в школах пользовались и альтернативными книгами и букварями (см. приложение).

Тобольским окружкомом ВКП (б) 17 сентября 1930 г. была принята резолюция «Состояние и перспективы просвещения народностей Севера», в которой не содержалось каких-либо конкретных сведений на этот счет, а подчеркивалось лишь, что все мероприятия в области просвещения носили более планомерный

---

[116] См.: Указатель литературы, изданной на языках народов Севера в 1931—1934 гг. Л., 1935. С. 4.

[117] Хатанзеев Петр Ефимович, уроженец деревни Щекурья Березовского уезда. После Тобольского педагогического техникума учился на северном факультете Ленинградского восточного института имени А.С.Енукидзе, участвовал в разработке письменности на хантыйском языке и первых букварей и учебников на шурышкарском диалекте хантыйского языка. Многие годы трудился в Салехардском педагогическом училище народов Севера. В 1950 году ему, первому на Ямале, присвоили звание заслуженного учителя школы Российской Федерации. См.: Новиков В.Г. Народное образование Тюменской области. С. 13.

[118] См.: Библиографический указатель… С. 4.

[119] См.: Там же. С. 6.

[120] Кронгауз Ф.Ф. Основные проблемы… С. 137.

характер[121]. В постановлении бюро Тобольского ОК ВКП (б) от 23 ноября 1930 г. сообщалось, что туземных школ в округе — 54, количество учащихся в них — 1 484 человек[122]. К.С.Андреева привела обобщенные данные о количестве школ, учащихся и учителей в 1930/31 учебном году (табл. 5).

Таблица 5

Образование на Тобольском Севере в 1930/31 учебном году[123]

Учебный год	Количество школ	Количество учащихся	Количество учителей
1930/31	112	5 679	318

Таким образом, туземные школы составляли почти половину от общего числа школ, а вот по количеству учащихся — не более 25% всего контингента обучаемых. В.Г.Новиков писал, что к 1931 г. на Севере была открыта 91 школа, в которых обучались 4 638 человек[124].

В 1931—1932 гг. на Севере происходило в рамках нового районирования создание аппаратов национальных округов. Эти годы совпали с решением не только организационных вопросов, но и с множеством проблем, возникших в связи с обустройством, распределением и использованием спецпереселенцев. С одной стороны, проблемы школы оказались отодвинуты на какое-то время на второй план, а с другой, требовали их решения, но еще в более сложных условиях, т.к. количество детей резко возросло, а вопрос с их обучением рано или поздно следовало решать.

Начался довольно быстрый рост числа школ. Так, в Остяко-Вогульском округе на 1 июля 1931 г. значилось 89 школ, из них туземных — 34; на 1 июля 1932 г. насчитывалось 150 школ, из них туземных — 44[125]. Существуют и другие данные по числу школ, однако эти данные расходятся с приведенными выше све-

---

[121] ТОЦДНИ. Ф. 30. Оп. 1. Д. 965. Л. 147.
[122] Там же. Оп. 8. Д. 2. Л. 12.
[123] См.: Андреева К.С. Культурное строительство…С. 161.
[124] См.: Новиков В.Г. Народное образование Тюменской области. С. 14.
[125] ТФГАТО. Ф. 695. Оп. 1. Д. 165. Л. 35.

дениями[126]. Медленно, но открывались новые школы для детей коренных народов, постепенно продвигаясь в глубь территории. До 1931 г. не было мансийских школ в Сосьвинско-Ляпинском крае, за исключением школы в Сартынье. В 1931 г. организовали школу в юртах Ламбовожских. Школа разместилась в часовне, здание которой было ветхим и холодным. Население не отдавало детей в школу. С трудом на первых порах удалось привлечь несколько учащихся, родители которых были настроены лояльно. Число учащихся колебалось от 20 до 40 человек. Об учителе никто заботы не проявлял, при организации школы даже не учли, что ему где-то нужно жить. Местные жители настроены были враждебно, учителю не разрешали пользоваться печами для выпечки хлеба. Только когда наступили морозы, учителя с семьей приютили[127]. В сентябре 1931 г. открылась школа в Больше-Тархово, которая разместилась в частном доме. Учителем был приезжий — Александр Павлович Колмаков[128].

Школьное образование в начале 1930-х гг. В 1931—1933 гг. в Остяко-Вогульском округе происходило увеличение количества школ первой и второй ступеней (табл. 6).

Таблица 6

Школьное образование в Остяко-Вогульском округе в 1931—1933 гг.[129]

Год	Количество школ второй ступени	Количество школ первой ступени	Количество учащихся	В том числе ханты и манси
1931	14	84	3 297	808
1933	37	122	5 771	1 065

[126] По данным Оргбюро ЦК ВКП (б) Омской области, национальные школы характеризовались показателями: в 1931 г.— 34 школы и 808 учащихся; в 1933 г.— 51 школа и 1 310 учащихся. См.: ЦДНИОО. Ф. 3057. Оп. 1. Д. 53. Л. 24.

[127] См.: Кронгауз Ф.Ф. К истории советской школы... С. 32.

[128] В 1934 г. при школе открыли интернат. В 1934/35 учебном году в ней обучались 27 учеников, из них — 14 детей остяков. Учителем была Быкова. См.: Галкина К. Журавлиные юрты // Югра. 2000. № 4. С. 48.

[129] ТОЦДНИ. Ф. 107. Оп. 1. Д. 198. Л. 6—7; 27.

К 1932/33 учебному году открылась 61 школа (в том числе 10 национальных), количество учащихся удвоилось, в следующем учебном году (1933/34) обучались 11 058 детей. В 39 школах вводилось преподавание туземного языка[130]. Первый Остяко-Вогульский съезд Советов принял постановление о введении в 1933 г. всеобуча в округе. Для этого рекомендовалось начать «проводить подготовительную массово-разъяснительную работу среди туземного населения с тем, чтобы эта подготовка обеспечила полный охват всеобучем детей школьного возраста всех народностей округа... Наряду с подготовкой общественного мнения по вопросам обучения также необходимо озаботиться своевременной подготовкой школьных зданий и туземных интернатов, что является решающим условием успешного проведения сплошного обучения»[131].

Количественный рост школ и контингента учащихся в начале 1930-х гг. связан, как мы уже отмечали, со спецпереселенцами. Неоднократно объявляемый переход к всеобучу на Севере в начале 1930-х гг. не имел практического воплощения. С началом обучения детей спецпереселенцев ситуация стала выглядеть более оптимистично, хотя дети коренного населения по-прежнему оставались вне школы. В отдаленных районах (Шурышкары и Ларьяк), где спецпереселенцев почти не было, план по всеобучу не был выполнен (табл. 7).

Таблица 7

Сводка по всеобучу на 1 июня 1932 г. по Остяко-Вогульскому округу[132]

Районы	План охвата всеобучем (число учащихся)	Охват всеобучем (число учащихся)
Самаровский	1 967	2 478
Кондинский	1 325	1 067
Березовский	2 098	2 030
Шурышкарский	647	518
Сургутский	1 424	1 604
Ларьякский	155	69
Итого	7 616	7 794

[130] См.: Патрикеев Н. Первые шаги... С. 37.
[131] Из истории культурного строительства... С. 145.
[132] ГАХМАО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 9. Л. 1.

В Ямало-Ненецком округе процесс создания школ шел медленно (табл. 8), так как кочевое население охватить обучением было невозможно, а спецпереселенческое было сосредоточено в пяти небольших поселках, где школ в 1931—1932 гг. открыто не было.

Таблица 8

Народное образование в Ямало-Ненецком округе в 1931—1932 гг.[133]

	1931	1932
1. Школы	12	21
2. Количество учащихся	722	1 176
3. В том числе из коренных народов	—	99

К.С.Андреева указывала, что в резолюции I окружной партконференции Ямало-Ненецкого округа (июль 1931 г.) было принято решение начать введение всеобщего начального образования с сентября 1932 г., а для детей кочевников — с 1933 г.[134] Однако данное решение не учитывало ни в коей мере реальную обстановку в округе. Бюро Ямальского окружкома, подводя итоги 1933/34 учебного года, отметило, что проверочные испытания впервые прошли в школах организованно, повысилась грамотность учащихся, улучшилась дисциплина. Число учащихся ненцев возросло с 93 человек до 182; школ — с 16 до 22, кочевых школ — с 3 до 7. Всего количество учащихся возросло с 858 до 1 858. 41% учителей имели семилетнее образование, 2 учителя были с высшим образованием (они работали в средней школе в Салехарде[135]).

Учителя, работавшие на Севере в те годы, терпели страшные неудобства, бытовую неустроенность, материальную нужду. Выдерживали все эти мытарства только самые стойкие, крепкие духом, те, кто полюбил Север и остался там на долгие годы, если не навсегда. О том, в каких условиях приходилось жить и работать учителям в начале 1930-х гг., пишет в своих воспоминаниях

[133] ГАЯНАО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 38. Л. 10 об.
[134] См.: Андреева К.С. Культурное строительство... С. 160.
[135] ЦДНИОО. Ф. 3057. Д. 51. Оп. 1. Л. 102.

Александр Иванов (г.Миасс Челябинской области), начавший педагогическую деятельность в 1931 г.: «Получив назначение в Урьевскую национальную школу, я почувствовал себя «на седьмом небе». Еще бы! В шестнадцать лет оказаться в качестве заведующего! Я тогда совершенно не представлял себе испытаний, которые ожидали меня в этой школе. Молодо-зелено — все казалось тогда в розовом цвете. Прежде всего на складе районо получил учебники, тетради, ручки и карандаши, наглядные пособия и так называемый дидактический материал. Сколько всего этого надо было для школы, я не знал. Более опытные старшие товарищи посоветовали: старайся взять столько, сколько унесешь. Впоследствии я убедился, что напрасно не последовал их совету. В течение всего учебного года ничего в школу не поступало.

Путь до места назначения был нелегок. От Сургута до Локосово — на катере, от Локосово до Урьевых — на лодке. Толком мне никто не рассказал о том, что представляют собой школа и юрты Урьевых[136]. По прибытии на место я увидел совершенно неутешительную картину, и мой розовый цвет основательно потускнел. Помещение школы произвело на меня удручающее впечатление. Никаких классных комнат и учительских. Просторная изба с большой русской печкой, с отгороженным тесовыми перегородками закутком — спальней для учителя. При входе слева — деревянный топчан для уборщицы да буржуйка, как бы прилепленная к русской печи. Несколько парт посредине помещения, маленькая классная доска да небольшой шкаф — вот и вся обстановка. Да, еще пара табуреток явно самодельного происхождения. В шкафу я ничего путного не обнаружил. Не нашел классных журналов и каких-либо значительных записей.

Преимущество Урьевской школы состояло в том, что не надо было ездить куда-то собирать учеников. Предстояло обучать тех,

---

[136] «Юрты Урьевых в то время представляли собой обыкновенную деревню, разбросанную по берегу протоки. Дома, рубленные из добротных сосен. Деревню окружал сосновый бор, а за протокой стояло неоглядное мелколесье и редкие березовые рощи. Это была уже Обская пойма. В деревне ни медпункта, ни магазина, ни каких-либо других служб. Это меня основательно опечалило. Мне объяснили, что продукты питания надо закупать только в Локосовском сельмаге. Более 30 километров пешком или все пятьдесят — на лодке». См.: Иванов А. Школа в моей судьбе. С. 12.

кто жил в этих юртах. По учету, проведенному мной, должны были обучаться восемь детей. Все они были неграмотны. Невольно возникал вопрос: кого же учил мой предшественник Мельников и где его ученики, если они были? Никто на этот вопрос мне не ответил. Ну что ж, решил я, буду начинать все сначала. И я начал. На первом же занятии возникла очень важная проблема: языковой барьер! Мои ученики не знали русской речи, я не знал хантыйской. Что делать? Выход был один: сначала научиться хантыйскому языку самому, а потом обучать детей русскому. Букварь пришлось отложить до добрых времен. По соседству со школой жил старый ханты Лисманов Иван. Он очень хорошо говорил по-русски. Он мне посоветовал: «Разговаривай с ребятами по-своему, они — по-своему. Показывай на то, о чем говоришь. Постепенно будете понимать друг друга». Я последовал его совету, и буквально через два месяца мы стали понимать друг друга. Я начал обучение букварю[137].

Очень важной проблемой у меня в то время были бытовые вопросы: обеспечение продуктами питания, соблюдение элементарных санитарно-гигиенических условий. Необходимо было проявлять не только настойчивость, но и смелость, и даже самоотверженность. Иначе в таких условиях, в которые я попал, выжить было невозможно. В Урьевых не было бани. Население было заражено педикулезом, трахомой, многие болели туберкулезом и паршой. Находясь в постоянном контакте, нередко приносил домой вшей. Как уберечься от этих бед? В условиях того времени и места приходилось прибегать к стародедовским методам: париться в русской печи, кипятить белье, выносить на мороз верхнюю одежду. Вольно или невольно приходилось изучать азы по оказанию первой помощи, консультироваться у Локосовского

---

[137] «В моем распоряжении был букварь редакции Хатанзеева на нижнеобском диалекте. Я тогда понятия не имел о диалектах и в ходе обучения столкнулся с очень неприятным казусом. В Хатанзеевском букваре были слова, которые моими школьниками воспринимались как бранные, нецензурные. Я сначала не понимал, почему мои ученики смеются при прочтении некоторых слов, а девочки закрывают глаза. Пришлось опять-таки обратиться к Лисманову. Иван объяснил мне суть дела, растолковал, что в разных местах ханты говорят на своих языках. Это были для меня первые сведения о различии хантыйских диалектов». См.: Там же.

фельдшера. Все эти непредвиденные трудности отражались на организации учебного процесса. При отсутствии опыта я то и дело допускал много ошибок. На месте кто-либо помочь не мог. И в этих заботах надо было учиться и учиться.

За зиму мне удалось преодолеть только букварный период. Я и этому был рад. Единожды ко мне наведывался в качестве инспектора учитель Сургутской школы Прокопий Прокопьевич Пугно. К сожалению, он не мог по-настоящему мне помочь. Его пребывание у меня прошло в разговорах об охоте и рыбалке»[138].

Другой учитель — И.Каскин — начал преподавательскую деятельность в конце 1932 г. Он также оставил интересные воспоминания о том периоде: «В декабре 1932 г. мы прибыли в распоряжение Самаровского районо, которое находилось тогда в Белогорье. Заведующим был Леонид Миронович Рапшев. ...Меня послали в Вершинскую национальную школу... Заведующая Лидия Михайловна Панова уже знала, что я приехал... Из разговора мне стало понятно: она здесь работает поневоле, местные условия ей не нравятся, ждет-не дождется, как бы поскорее выбраться из этого захолустья, уже не один запрос сделала в районо. ...К работе я приступил 22 декабря 1932 г. Лидия Михайловна отдала мне первый и третий классы, оставив себе второй и четвертый. Дети — ханты и русские. Хантыйские дети все из кочевых семей, почти не знали русского языка. Находились они на полном государственном обеспечении, жили в интернате. Утром ведешь уроки, вечером занят воспитательной работой в интернате. Кроме этого, еще приходилось вести занятия со взрослыми по ликвидации неграмотности... Учебный год у нас заканчивался раньше, чем в других школах — в конце марта. Родители забирали детей из школы, увозили с собой. Оставались только дети русских. Осенью детей с большим трудом собирали обратно. Это была сложная кампания»[139].

Итак, по Остяко-Вогульскому округу процесс создания школ в начале 1930-х гг. заметно активизировался, а вот на Ямале школьное строительство почти не развивалось, хотя с организацией округа внимание к школе несколько усилилось. На первом

---

[138] Там же. С. 13—14.

[139] Каскин И. Пути-дороги. С. 38—39.

Ямальском национальном съезде советов (февраль—март 1932 г.) председатель оргбюро Скороспехов говорил, что «съезд должен дать практическую программу создания своей ненецкой культуры — национальной по форме и социалистической по существу; наметить конкретные мероприятия создания и работы школ на родном языке; установить методы медицинского и прочего обслуживания. Тундра, отставшая, некультурная, станет тундрой социалистической»[140]. На съезде были сформулированы две основные задачи, касающиеся культурного строительства в округе: введение всеобуча среди детей русско-зырянского населения и максимальное вовлечение детей туземцев в школу. Там же констатировалась общая ситуация в деле просвещения: отсутствие сети школ-интернатов; неприспособленность форм обучения к детям коренного населения; отсутствие педкадров, знающих туземный язык, и отсутствие письменности[141]. Тогда, в начале 1930-х гг., в Ямало-Ненецком округе имелась всего одна национальная школа-интернат — в Хальмер-Седе, которая не была обеспечена всем необходимым в достаточной мере (например, одеждой и обувью дети были обеспечены на 22%). На съезде планировалось открыть 6 интернатов и 6 передвижных школ, в которых предполагалось обучать 544 человека[142].

Имеющиеся стационарные школы не были обеспечены в достаточной мере учебниками и письменными принадлежностями и, самое главное, топливом и освещением. Кочевой образ жизни не увязывался с обучением детей в стационарных школах. Охват детей ненцев всеобучем не мог быть осуществлен. Поняв это, руководство округа пошло на форсирование процесса создания интернатов.

Выводы по главе

В социалистическом переустройстве жизни на Севере Западной Сибири культурно-просветительным мероприятиям придавалось важное значение. Режиму политической власти было ясно,

---

[140] ГАЯНАО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 5. Л. 2.
[141] Там же. Л. 34.
[142] Там же. Л. 34—35.

что без просвещения и пропаганды до местных жителей не донести задачи советского строительства.

В первой половине 1920-х гг. просвещение опиралось на опыт и работу школ, созданных еще в дореволюционное время. Строительство школ во второй половине 1920-х гг. развивалось медленно, школы испытывали нужду, размещались в не приспособленных для обучения помещениях. В 1920-х гг. кардинального изменения в просвещении народов Севера не произошло, как и не наблюдалось его в начале 1930-х гг. Подавляющее большинство учащихся школ были некоренной национальности, а в Ямало-Ненецком округе обучалось всего около 200 детей ненцев. Школы давали начальное образование. Средние школы имелись только в окружных центрах. Невозможность привлечь в стационарные школы детей кочевого населения повлияла на выбор типа учебных заведений для них: в конце 1920-х гг. на Севере начали открываться школы-интернаты для детей кочевого населения.

Наряду со школьным строительством, органы власти пытались решать проблему по ликвидации неграмотности и политическому просвещению масс, однако опять-таки их деятельность распространялась на населенные пункты оседлого типа, где в основном проживало русское население. Таким образом, в 1920-х гг. коренное население не было охвачено культурно-просветительными мероприятиями.

Глава 2
КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ И ПРОСВЕЩЕНИЕ В 1930—1941 гг.

2.1. Политпросветработа, культурные мероприятия среди ссыльных крестьян и начало обучения их детей

Работу по ликвидации неграмотности и политическому просвещению взрослых вели пункты ликвидации безграмотности, школы политграмоты, библиотеки, избы-читальни, народные дома, туземные дома. Сеть культурно-просветительных учреждений во второй половине 1920-х гг. непрерывно росла. Так, например, если на 1 января 1926 г. в Тобольском округе насчитывалось 136 ликпунктов, то к концу 1927 г. их было 141. Однако применительно к Северу, ликпунктов было немного. Просветительская деятельность осуществлялась через районные политпросветкомитеты (которые были созданы чуть раньше, о чем мы уже упоминали) и находилась под руководством окружного отдела народного образования. Руководство этой работой осуществлялось путем составления планов, программ, инструкторских указаний, а также анализа отчетов районных исполнительных комитетов, в которых подводился итог проделанной работы в сфере культурно-просветительской деятельности[1]. Во второй половине 1920-х гг. политико-просветительная работа строилась по планам, наличие которых документально прослеживается во всех северных районах Тобольского округа. Наряду с вопросами политграмоты, ликбеза, должна была вестись деятельность пропагандистского содержания: разъяснительная работа по рыбным и пушным промыслам, советскому строительству, выборам в туземные советы, о задачах советской власти и др.[2]

В области политпросветработы, как правило, большее внимание уделялось количественным показателям: прежде всего учитывалось

---

[1] См.: Еремеева О.И. Просветительская деятельность… С. 51.
[2] ГАЯНАО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 108. Л. 36.

общее количество изб-читален, красных уголков, школ малограмотности и ликпунктов. В 1927 г. в 10 районах Тобольского округа имелось 3 туземных дома (Сургут, Самарово и Обдорск), 63 избы-читальни: из них 10 районных, но с различным названием и назначением, 9 районных библиотек и 70 красных уголков при избах-читальнях. В Обдорском районе на 3 января 1927 г. функционировало 5 изб-читален: Обдорская, Хэнская, Мужевская, Кушеватская, Тазовская и райбиблиотека[3]. 10 октября 1927 г. из райбиблиотеки в Обдорске были изъяты ценные книги как устаревшие, о чем имеется акт за подписью уполномоченного ОГПУ Бабушкина[4]. В Сургутском районе действовало 6 изб-читален[5].

Материальное положение ликпунктов оставалось неудовлетворительным. Результаты инструкторского обследования политпросветучреждений Тобольского округа в ноябре-декабре 1926 г. подтверждают это. Например, было выявлено, что в большинстве изб-читален отсутствовали не только шкафы, табуреты, скамьи, но даже лампы, печи и дрова, поэтому избы-читальни по нескольку месяцев не работали[6]. Ощущалась острая нехватка избачей. Это было связано и с крайне низкой заработной платой избачей и учителей (ставка учителя — 24 рубля) и незначительным числом грамотных людей. Учитель, избач находились в полной материальной зависимости от зажиточного населения, которое лишь частично обеспечивало школы и пункты дровами, керосином, иногда производило ремонт. Нередко избачей отвлекали от их непосредственной работы и мобилизовали на различные хозяйственные кампании: на лесозаготовки, на посадку, на уборку и т.д.

Составу избачей уделялось большое внимание. Подтверждением тому служат выводы о состоянии политпросветработы в Кондинском районе Тобольского округа. В 1926 г. в районе насчитывалось только два избача: в Шайме и Леушах; по мнению комиссии, это был «народ случайный на работе политпросвета. Технически грамотны, но политически и в области методики

---

[3] См.: Там же. Л. 4—4 об.
[4] См.: Там же. Л. 108—116.
[5] См.: Кондакова Л. История сургутских… С. 38.
[6] См.: Там же.

работы среди населения совершенно безграмотны»[7]. Учитывались возраст руководителя избы-читальни, членство в партии или комсомоле, стаж работы и квалификация. Так, руководителем Чемашевской избы-читальни Березовского района в 1929 г. был Петров Георгий Фотеевич — член ВЛКСМ, крестьянин, ему был 21 год, на данной работе находился с 1926 г., а в 1927 г. прошел окружные курсы избачей.

Трудности в политпросветработе были связаны с незнанием местных языков, так как работу проводили представители русскоязычного населения. В связи с этим руководство принимало определенные меры. В центре внимания Тобольского окроно стоял вопрос подготовки преподавателей для туземных курсов. В частности, проводились курсы по изучению вогульского (мансийского), остяцкого (хантыйского) и самоедского (ненецкого) языков в Обдорском, Березовском, Сургутском, Самаровском и Кондинском районах. В задачи курсов входило обучить местный (в первую очередь, комсомольский и партийный) актив свободно владеть туземной разговорной речью. Райисполкомам предлагалось выделить кандидатов или членов партии, по возможности грамотных и хорошо владеющих местными туземными языками. Занятия проводились 5 дней в неделю.

Несмотря на все существующие трудности, уровень политпросветработы стремились повышать самыми различными путями. В целях эффективности культурно-просветительной деятельности на рыбных промыслах Тобольский окружной отдел политпросвета заключал соглашения с организациями для проведения мероприятий. Так, в мае 1928 г. было подписано очередное соглашение между окружным политпросветом и окружкомом Союза пишевиков о проведении массовой работы на рыбных промыслах Березовского и Обдорского районов. С этой целью были выделены избачи, специальный работник по ликвидации неграмотности, который обучал индивидуально-групповым методом, киномеханик. Для обслуживания промыслов формировался передвижной фонд библиотеки и книжные фонды изб-читален; кроме того, для

---

[7] Еремеева О.И. Просветительская деятельность… С. 52.

обучения неграмотных предоставлялись учебные и книжные пособия по установленным нормам[8].

Таким образом, очевидно, что со второй половины 1920-х гг. политпросветработа на Тобольском Севере несколько активизировалась и проводилась централизованно, по непосредственному указанию окружных организаций. Л.Г.Улыбина считала, что политпросветработа была направлена на развитие общей и профессиональной грамотности[9]. Однако изучение деятельности просветработников в северном крае позволяет говорить лишь о задаче обучения грамоте, а не об ее развитии. Так, резолюция Александровского райкома ВКП (б) о ликвидации неграмотности в районе от 15 ноября 1929 г. гласила: «Необходимо укомплектование пунктов соответствующими работниками, ввести соревнование между ними. Учитывая, что туземцы в период с ноября по февраль ведут интенсивный промысел, организовать работу пунктов в марте — мае, вести строгий учет посещающих пункты, количество грамотных и тех, кто ликвидировал неграмотность в прошлые годы»[10]. Специфика хозяйственной жизни не оставляла порой времени для занятий в кружках грамоты. У взрослого населения, ведущего традиционное хозяйство, были проблемы поважнее. Результаты к началу 1930-х гг. в области просвещения и ликвидации неграмотности были неутешительны. Мизерное количество школ и ликпунктов, расположенных в крупных населенных пунктах охватывали оседлое и частично полуоседлое население, но не распространялись на население, ведущее кочевой образ жизни. Перемещения на огромные расстояния, связанные с его хозяйственными занятиями, не позволяли по объективным причинам обучать детей, не говоря уже о взрослых.

Изученные документы многочисленных архивов свидетельствуют, что применительно к северным районам, планы ликвидации неграмотности начали составляться не ранее 1930 г. Так, план по Самаровскому району на 1930/31 г. предполагал обучить

---

[8] См.: Там же. С. 53.

[9] См.: Улыбина Л.Г. Из истории народного образования в нашем крае // Исторический опыт народного образования Тюменского края. Материалы областной научной конференции. Тюмень, 1992. С. 61.

[10] ЦДНИТО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 80. Л. 138.

1 500 человек. Из них 1 265 человек русского населения и 235 остяков[11]. Необходимость в культармейцах по району составляла 270 человек. Из их числа формировались организаторы и методисты[12]. Зарплата платного ликвидатора в начале 1930-х гг. была выше зарплаты учителя школы в два раза и составляла 50 руб.[13], что свидетельствует о том значении, которое придавалось деятельности по ликвидации неграмотности. Однако точных сведений по Остяко-Вогульскому округу о состоянии грамотности не обнаружено, поскольку никакого систематического учета не велось, а имевшиеся данные носили отрывочный характер.

Охват взрослого населения политпросветработой в Ямало-Ненецком округе отражен в обзоре, составленном для руководства новой области — Обско-Иртышской (1934 г.). Сведения представлены половинчато, руководство округа не владело ситуацией и не знало о реальном положении дел в сфере политпросветработы (табл. 9).

Таблица 9

Политпросветработа в Ямало-Ненецком округе в 1932—1934 гг.[14]

	1932	1933	1934
Намечено обучить	466	2 015	1 300
Обучаются	466	сведений нет	сведений нет
Ликвидаторов	6	9	12
Посетивших Красные чумы	сведений нет	сведений нет	сведений нет
Посетивших Красные уголки	сведений нет	сведений нет	сведений нет

В том же документе сообщалось: «Современный культурный уровень населения очень низкий. С организацией Обско-Иртышской области новое руководство области уделяет максимальное внимание поднятию культурного уровня тундрового населения. Грамотность коренного населения очень низка»[15].

В начале 1930-х гг. в Обдорске и Остяко-Вогульске были открыты окружные библиотеки, что имело большое значение для

[11] ГАХМАО. Ф. 16. Оп. 1. Д. 11. Л. 29.
[12] Там же.
[13] Там же. Л. 11.
[14] ГАЯНАО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 48. Л. 48.
[15] Там же.

культурного развития населения окружных центров. В Обдорске библиотека была создана в 1931 г.[16] Открытие библиотеки в Остяко-Вогульске состоялось 5 августа 1934 г. Основой создания библиотечного фонда послужили пожертвования книг общественности гг.Тюмени и Тобольска. Особую ценность представляли уникальные дореволюционные издания, переданные в дар Тобольским краеведческим музеем, впоследствии составившие основу краеведческого фонда. Книжный фонд составлял чуть более 3-х тыс. экземпляров. Штат библиотеки состоял из 3-х работников. Ни один из них не имел специального образования. Первая заведующая — Мария Рейнгольдовна Сирсон[17].

Обучение детей ссыльных крестьян — особая тема. Два года с начала раскулачивания и ссылки дети оставались вне школы. Основная масса школ в спецпоселках была открыта в 1932—1933 гг. Например, если в 1930/31 учебном году в Остяко-Вогульском округе открылось только пять школ первой ступени для детей спецпереселенцев из 69 школ этого типа, то в 1931/32 — 40 из 150, в следующем — 48 из 156 школ. В 1930/31 учебном году, как указывала Н.Загороднюк, обучению подлежали 3 607 детей. Поскольку официального разрешения на их обучение в первый год ссылки не имелось, то комендантами было разрешено принимать детей в обычные школы из расчета 1—2 человека в класс. Приобретение пособий и учебных принадлежностей было возложено на самих спецпереселенцев. В 1931 г. в Уральской области посещали школу лишь 15% детей спецпереселенцев[18]. В Ямало-Ненецком округе в 1930/31 учебном году открылась лишь одна школа в поселке Питляр, большинство детей обучались в уже имеющихся русских и национальных школах. К 1935/36 учебному году спецпереселенцы были размещены в пяти основных поселках (Обдорске, Аксарке, Новом Порту, Шугинском, Тазовском), специальные школы имелись лишь в двух поселках.

---

[16] В 1940 г. ее фонд составлял 22 тыс. экземпляров книг. Число читателей — 1 200 человек. См.: ГАЯНАО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 21. Л. 42.

[17] См.: Нялинский Н. Окружной библиотеке — 60 лет // Югра. 1994. № 7. С. 2.

[18] См.: Загороднюк Н.И. Школы для спецпереселенцев... С. 78.

В 1932 г. школы были построены примерно в третьей части всех поселков спецпереселенцев. Однако материальное положение школ не поддается описанию, да и учителей не было. В одном из документов сообщалось: «Школы, детучреждения очень плохо оснащены необходимым инвентарем, мебелью, учебниками, учебными пособиями»[19]. В докладной записке от 1 марта 1932 г. «О состоянии спецпереселенцев, расселенных в Уральской области» отмечалось, что произошло значительное увеличение спецкультучреждений. Был проведен учет детей, подлежащих обучению. Констатировалось, что во многих спецпоселках выстроенные школы не работают из-за отсутствия кадров учителей[20]. При обследовании спецпоселка Самаровского рыбоконсервного комбината в июле 1932 г. комиссией отмечалось: «В поселке открыта школа 1-й ступени для детей спецпереселенцев, помещение для которой приспособлено в одном из домов, где также расположены и квартиры служащих»[21].

Много детей оставалось вне школы. Недавно в окружной газете «Новости Югры» Л.В.Набокова опубликовала письмо Сталину от мальчика 12 лет — Александра Куликова (Кондинский район, Сатыгинский национальный совет, участок № 5), датированное 18 марта 1932 г. Это было полное боли и надежд письмо размышляющего человека, много пережившего к тому времени, желавшего учиться и работать, но его никуда не принимали, потому что отец мальчика — спецпереселенец. «...Не думайте, Иосиф Виссарионович, что я — враг, нет, я, наоборот, был бы лучшим строителем СССР, но я не могу ничем помочь сов. власти, потому что без голоса и не принимают меня в пионеры, но мне сильно хочется быть пионером и будущим коммунистом, лучшим работником сов. власти. Меня за казенный счет учиться не принимают, да и на свой счет тоже не принимают, но мне хочется, сильно даже охота. Дак Вы, Иосиф Виссарионович, прочитайте внимательно мое письмо и пошлите мне письмо, то есть ответ, чтобы меня

---

[19] ЦДНИОО. Ф. 3057. Оп. 1. Д. 13. Л. 114.

[20] См.: Раскулаченные спецпереселенцы на Урале (1930—1936 гг.). Екатеринбург, 1993. С. 305.

[21] Там же.

принимали учиться и на казенный счет, а когда я буду грамотный, то буду хорошим работником советской власти...»[22].

Примером того, как происходило обучение детей спецпереселенцев, может служить рассказ одного из учеников, обучавшегося в школе спецпоселка Советский Остяко-Вогульского округа. «В 1933 г. учителя приехали в поселок и начали с обхода бараков для записи учеников в школу. Для школы был выстроен барак с четырьмя комнатами и коридором. В двух комнатах разместились начальные классы, в третьей комнате занимались переростки по ускоренной программе. Четвертая комната была для учителей, которую скоро занял Соколов Феликс Иванович, директор школы, и его жена, Надежда Ивановна, тоже учительница.

Когда начались занятия в школе, я и другие ребята, которых не записали в школу (в первый год количество учащихся в классах было слишком большое), ходили около школы и заглядывали в окна. Когда заканчивались занятия, я встречал своего друга Федю Осипова. Он показывал мне учебники, которые им выдали. Один учебник был на двоих-троих ребят, так как учебников не хватало. В зимние, короткие дни ребята приходили из школы, когда начинало темнеть. Писали на подоконнике, пока не стемнеет. Для чтения зажигали лучину, которая коптила, догоревшие угли падали в воду. Чернила делали из «химического» карандаша. После подготовки домашнего задания нужно было выполнить домашнюю работу: принести дров, воды из речки, а это очень далеко, или натаять снегу. После ужина ложились спать на нары, прижавшись друг к другу, чтобы было теплее. Учителя приходили на дом к ученикам для беседы с родителями. Многие ребята ходили в школу грязные. Во время медицинского осмотра выявились школьники, у которых были конъюктивит и даже трахома. Совместными усилиями учителей и медиков ученикам и родителям прививалась культура быта.

Осенью 1934 г. я пошел в школу с холщовой сумкой через плечо. За столами сидели по три ученика. Мы строго выполняли наказы родителей не разговаривать на уроках, только отвечать на вопросы учителей. В те годы стояли сильные морозы — воробьи замерзали на лету. Поэтому часто занятия в школе отменялись.

---

[22] Письмо другу, товарищу Сталину // Новости Югры. 2001. 13 октября.

После зимних каникул окна затягивались инеем, в классах стоял полумрак. На переменах дежурили учителя, и чтобы ученики не бегали, организовывали игры, чаще всего водили хоровод и пели песни…»[23].

Воспоминания Георгия Гавриловича Кушникова дополняют картину обучения детей спецпереселенцев. «Переселенческий поселок Банный построен в 1931—1932 гг. В январе 1932 г. в поселок приехал учитель, немец по национальности — Ян Борисович Варкетин. Он собрал родителей, переписал детей, проверил их знания и способности, укомплектовал классы первый и второй. В первом классе я не учился. К 10 годам уже бойко читал, писал, считал, решал задачи, знал наизусть много стихотворений… Учитель записал меня и моего брата Василия тринадцати лет во второй класс. Школу открыли в одной половине типового дома, в другой половине жил учитель со своим братом. Партами служили добротные сколоченные столы топчанного типа. Такими же были и скамьи… Не было учебников по арифметике… Мелочь, которая не относится к учебе,— это постоянное незатихающее чувство голода, горькие лепешки из березовой коры и невообразимая бедность. …5 класс. Сентябрь 1934 г.— май 1935 г. Учился в Черно-Мысовской неполной средней школе. Жил в школе-интернате, устроенном в обыкновенном жилом доме на две половины. В одной половине жили парнишки, в другой — девчонки из разных переселенческих поселков Сургутского района. Этот интернат существовал один учебный год. Ни воспитателя, ни уборщицы не было. Сами хозяйничали, сами себе варили у кого что было. Спали на деревянных топчанах. Сами кололи дрова, топили печь, носили воду…»[24].

В постановлении Обско-Иртышского обкома ВКП (б) от 1 июля 1934 г. «О работе среди молодежи спецпоселков» отражен факт беспризорности среди детей спецпереселенцев в Остяко-Вогульском округе, там же предлагалось направить в районы ссылки для проведения культурно-воспитательной работы и для обучения детей 25 человек коммунистов и комсомольцев, в том

---

[23] Панков В.И. Детство в неволе // Образование и культура Тюменского края в XVIII—XX вв. Тобольск, 1998. С. 55—58.

[24] Кушников Г.Г. Из родников памяти // Югра. 2002. № 3.

числе в национальные округа: в Березовский — 5 человек, в Кондинский — 5 человек, в Сургутский — 5 человек[25]. В Ямальском округе основное число спецпереселенцев было сосредоточено в Обдорске, на рыбоконсервном комбинате, в обязанность которого ставилось обеспечить помещение для школы. Подлежали обучению 350 детей спецпереселенцев, работавших на комбинате[26]. Указанное постановление предписывало Облпотребсоюзу «к 1 ноября забросить в спецпоселки для детей и молодежи обувь, белье, верхнюю и нижнюю одежду, а также постельные принадлежности», рекомендовалось «отправить для учебы в текущем учебном году в техникумы лучших, проверенных, наиболее способных детей спецпереселенцев», а на август планировалось заслушать в обкоме доклады отделов и хозяйственников о работе среди спецпереселенческой молодежи[27].

15 декабря 1935 г. вышло постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б) «О школах и трудпоселках», в котором разрешалось детей трудпереселенцев, окончивших неполную среднюю школу, принимать на общих основаниях как в техникумы, так и в другие средние специальные учебные заведения, а окончивших их — в высшие школы[28]. Данное постановление благотворно сказалось на комплектовании средних специальных учебных заведений в Остяко-Вогульске, Салехарде и Тобольске.

Культурно-просветительная работа среди спецпереселенцев. В 1931 г. хозяйственным органам было поручено в спецпоселках закончить строительство клубов, изб-читален, красных уголков. Низкие темпы жилищного строительства оттягивали сдачу объектов социально-культурного назначения, поэтому во многих местах эта работа велась в приспособленных зданиях или не велась вообще. Еще сложнее обстояло дело с подбором кадров для культурно-массовой работы. Чаще всего эта работа возлагалась на учителя школы. На должность культработников, избачей назначались комсомольцы, в крайнем случае — молодежь из числа спецпереселенцев. Ставилась задача организации культурно-

---

[25] ЦДНИОО. Ф. 3057. Оп. 1. Д. 9. Л. 20.
[26] Там же. Л. 21.
[27] Там же. Л. 21—22.
[28] См.: Загороднюк Н.И. Школы для спецпереселенцев... С. 79.

воспитательной работы среди спецпереселенцев, причем необходимость реализации этой задачи объяснялась не только целями закрепления населения в местах проживания, подготовки грамотных кадров, но и политическими — «перевоспитания кулаков».

Ответственность за развертывание воспитательной работы среди спецпереселенцев была возложена на Народный Комиссариат просвещения СССР. Необходимо было создать сеть школ и культурных учреждений в спецпоселках, принять меры по выполнению Закона о всеобщем начальном образовании, организовать работу по ликвидации неграмотности среди взрослого населения. Для работы привлекались не только учителя школ, но и учащиеся старших классов. Занятия проводились в добровольном порядке, в первые годы ссылки — на платной основе. Этот вопрос был на контроле окружных партийных и комсомольских организаций на протяжении 1930-х годов.

Постановлением СНК СССР о спецпереселенцах (август 1931 г.) определялись следующие меры «по отрыву молодежи от контрреволюционного влияния кулаков-стариков»:

«Создание на производстве особых молодежных бригад, вовлечение молодежи в трудовое соревнование и ударничество; для улучшения политико-просветительной работы в молодежных бригадах учреждение института политруков из числа коммунистов и комсомольцев; введение первоочередного снабжения спецпереселенческой молодежи литературой; организация различных кружков». Несмотря на правовые ограничения, этим циркуляром рекомендовалось использовать молодежь в аппаратах кооперативной сети на низовых должностях. Мало того, «учитывая необходимость скорейшего отрыва от контрреволюционной части кулачества», признавалось возможным досрочное восстановление в правах молодежи, если она проявит себя «с положительной стороны», вплоть до предоставления права свободного проживания.

Органы ОГПУ и ВЛКСМ должны были в короткий срок разработать подробные указания о работе с молодежью. 5 октября 1931 г. ЦК ВЛКСМ принял постановление «О работе среди спецпоселковой молодежи», в котором перед местными организациями ВЛКСМ ставились задачи развертывания «широкой культурной и воспитательной работы», при этом особое внимание

обращалось на широкое внедрение социалистического соревнования и ударничества — одного из факторов, способствовавших в короткий срок осуществлению подготовки кадров лесной и рыбной промышленности, переходу «от сохи» к машинному производству. Соревнование, ударничество, а затем стахановское движение стимулировали эффективное использование новой техники, освоение новых технологий, способов и методов работы. Были приняты меры, направленные на улучшение подготовки молодых рабочих[29].

Первые обследования спецпоселков на предмет культурно-массовой работы обнаружили слабое развертывание подобных мероприятий. «Учительница в поселке не живет, а следовательно, в поселке совершенно отсутствуют какие-либо культурные силы, которые бы могли производить воспитательную работу с переселенческой молодежью»,— указывалось в одном из актов проверки[30].

К концу 1933 г. во многих спецпоселках Остяко-Вогульского округа культурно-массовая работа стала налаживаться. В спецпоселке «Кирзавод» к этому времени имелся клуб, радиокомната, библиотека с фондом, состоявшим из 158 книг, действовало 4 кружка, за два последние месяца года его силами было поставлено 4 спектакля, проведено 4 беседы-лекции. В поселке Нялино имелась изба-читальня со зрительным залом и библиотекой (316 книг), работал кружок «безбожников», ставились спектакли. В поселке Луговом изба-читальня и клуб размещались в однокомплектной школе. В течение ноября—декабря 1933 г. драматическим кружком было поставлено 5 спектаклей, из них два выездных; прочитаны лекции: «Итоги первой пятилетки», «Задачи второй пятилетки», о Беломорканале, «Воспитание правдой», «Заслуги ударников труда», «Жизнь лодырей и рвачей» и др.

Большое значение в воспитательной работе придавалось печатному слову. Уже в 1933 г. спецпереселенцы имели возможность подписаться на центральные и местные газеты: «Правда», «Ханты-Манчи шоп» («Ханты-Мансийская правда»), «Безбожник», «Уральский рабочий» и др. Окружным комендантским отделом издавалась специальная газета «На новом пути», в которой

---

[29] См.: Загороднюк Н.И. Культурная жизнь спецпереселенцев... С. 59—61.
[30] См.: Там же.

отражалась жизнь спецпереселенцев. В каждом спецпоселке выходили стенные газеты, которые своими материалами должны были «мобилизовать внимание спецпереселенцев на борьбу за выполнение производственных заданий, за лучшее и быстрое хозяйственное освоение и оседание спецпереселенцев на местах ссылки, перевоспитание лояльной части спецпереселенцев, в особенности молодежи, вырабатывая из них будущих сознательных участников строительства социалистического общества».

Особое внимание партией и государством уделялось воспитанию молодежи, которая, согласно директивам ГУЛАГа, «должна быть поставлена в особо благоприятные условия, дающие возможность через систему культурно-воспитательной работы изолировать ее от вредного влияния кулачества»[31].

Особенно охотно молодежь посещала драматические, хоровые, музыкальные кружки, меньший интерес вызывали занятия в политизированных кружках — безбожников, политкружках. Особо хочется сказать о театральных постановках. О них и сегодня вспоминают с теплом те, кто в суровых условиях ссылки находил в себе силы, физические и духовные, общаться с искусством. В том же спецпоселке Самаровского комбината в помещении школы была устроена временная сцена, где «силами самих спецпереселенцев был проведен ряд постановок под руководством и по инициативе спецпереселенца Грищечко, последний за проведение этой культработы представлен к премии»[32].

В циркулярном письме Обско-Иртышского обкома ВКП (б) (март 1934 г.), разосланном в районы и округа области, отмечалась неудовлетворительная работа по развертыванию культурно-массовой и просветительской работы. В частности, указывалось: «... помещения для культмассовой работы полностью не оборудованы»[33]. В докладной записке Ямало-Ненецкого окружкома ВКП (б) от 27 июля 1935 г. в Омский обком партии и начальнику Омского областного управления НКВД «О материальном и культурно-бытовом положении трудпоселенцев» сообщалось о четырех трудпоселках и объектах соцкультбыта в них. В трудпоселке

[31] Там же.
[32] Там же.
[33] ЦДНИОО. Ф. 3057. Оп. 1. Д. 13. Л. 114.

в Обдорске имеющаяся школа не могла вместить всех учащихся, потому занятия проходили в две смены, что было запрещено Наркоматом просвещения[34]. Отмечалось, что в Ново-Портовском трудпоселке действовали клуб, изба-читальня, однако размещались они в помещениях, первоначально предназначенных для жилья, что в условиях острой жилищно-бытовой проблемы было не совсем разумно[35]. В Тазовском трудпоселке не было ни одного культурно-просветительского учреждения[36]. В Ямало-Ненецком округе в 1935 г. ни в одном из пяти спецпоселков не было построено специальных зданий для клубов.

Ссылка привела к изменениям во всех сферах хозяйственной и культурной жизни в крае. Однако в 1930-х гг. руководство округов по требованиям и предписаниям областных и центральных органов власти пыталось делать ставку на национальное население (аборигенов). Север в условиях развернувшихся социалистических преобразований требовал соответствующих кадров. Выход виделся в подготовке специалистов из среды коренных народов, однако это требовало времени. Сплошная безграмотность, невозможность охватить обучением кочевое население заставляли руководство области и округа форсировать строительство интернатов для детей северян и начать работу по подготовке кадров из среды коренных народов. Эти процессы совпали с изменением общей политической, демографической и социально-экономической картины в крае.

2.2. Школьное и внешкольное образование (середина 1930-х гг.— июнь 1941 г.)

Проблемы развития школьного образования в северных округах второй половины 1930-х гг. и предвоенных лет существенно не отличались от проблем предшествующего пятилетия, однако в этот период произошли и изменения позитивного характера. Одной из основных проблем было выполнение всеобуча. Проблема

---

[34] Там же. Ф. 17. Оп. 1. Д. 234. Л. 3.
[35] Там же. Л. 4.
[36] Там же.

полного охвата детей обучением для северных районов оставалась первостепенной[37]. Решение проблемы всеобуча коренного населения виделось только в создании интернатской системы обучения, что являлось второй крупной проблемой. Не была решена проблема с кадрами учителей и проблема повышения качества образования[38].

Учебно-воспитательный процесс страдал не столько от проблем материального характера, сколько от некомпетентности учителей и воспитателей. В условиях работы с детьми коренных национальностей требовались глубокие знания в области психологии, этнических особенностей детей и т.д. Этим вопросам в те годы внимание не уделялось. Подходы к обучению детей коренных народов были формальными.

Важнейшей проблемой оставалось создание письменности. До 1936 г. вся литература на северных языках издавалась на латинизированном алфавите. Неоднократно отмечалось, что имевшиеся учебные издания были непригодны для обучения детей. В 1937 г. были утверждены новые алфавиты на основе русской графики[39]. Постановление ЦК ВКП (б) и СНК СССР от 13 марта 1938 г. о преподавании русского языка в школах национальных республик и областей вводило обучение на русском языке. Преподавание родного языка и обучение на нем оказалось невыполнимой задачей[40].

---

[37] В Уральской области с 1 октября 1932 г. вводилось обязательное семилетнее обучение, округа Ямальский и Остяко-Вогульский составляли исключение.

[38] Очевиден факт увеличения численности учителей в обоих округах, однако уровень их подготовки и образования оставался крайне неудовлетворительным. Основная масса учителей получила краткосрочную подготовку на педагогических курсах, такое положение дел не могло позитивно влиять на процесс обучения в округах. В 1940 году в Ямало-Ненецком округе с высшим образованием было 22 учителя, с незаконченным высшим — 24, со средним специальным — 152, с общим средним — 10, ниже среднего — 17. См.: ГАЯНАО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 17 а. Л. 41.

[39] ЦДНИОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 1796. Л. 11; Кронгауз Ф.Ф. К истории советской школы… С. 138.

[40] В докладной записке по состоянию Ямальского округа (1936 г.) говорилось о тормозящем влиянии на обучение латинского алфавита. Причем книги для обучения на латинизированной основе были созданы для 1 и 2-х классов, а затем, при переходе в третий, дети, не умея читать по-русски, должны были обучаться вместе с остальными учениками по русским учебникам. Эта непро-

22 апреля 1937 г. Омский облисполком принял решение «О переводе латинизированной письменности народов Севера на алфавит русской письменности». В документе отмечалось: «Перевести в 1937 учебном году обучение детей в начальных классах и обучение в школах взрослых северных национальных округов... на алфавит на основе русской письменности»[41].

В 1938—1940 гг. в национальные школы пришли учебники по обучению манси и ханты. Так, И.Я.Чернецова подготовила комплект учебников для обучения в мансийской начальной школе[42]. В 1938 г. на русском алфавите был издан букварь Зальцберг, а затем букварь Сухотиной. В 1939 г. была напечатана первая книга для чтения. В 1939—1940 гг. ленинградское отделение Учпедгиза выпустило ряд переводных художественных книг. Однако нареканий было много. Отчетливо просматривалась тенденция к пересмотру существовавшей письменности. Руководство Остяко-Вогульского округа, преподаватели ИНСа пытались решать проблему и привлечь к ней внимание наркомата просвещения. В июне 1940 г. в Ханты-Мансийске была проведена окружная конференция по языку. Конференция решила создать единый литературный язык для всех групп ханты[43].

Работа по созданию письменности на Ямале была делом прежде всего политическим. Принято считать, что у истоков создания письменности для ненцев стояли П.Е.Хатанзеев[44] и И.Ф.Ного. Определенный вклад в решение вопроса внес окружной комитет нового алфавита, председателем которого был И.Ф.Ного, а ученым

думанность осложняла и без того трудный процесс обучения. (См.: Кронгауз Ф.Ф. К истории советской школы... С. 138). Газета «Остяко-Вогульская правда» писала: «...выбор латинизированного алфавита как формы письменности был вредной затеей. Практика жизни отвергла этот выбор...». См: Остяко-Вогульская правда. 1940. 26 ноября.

[41] Из истории культурного строительства... С. 171.

[42] См.: Чернецова И.Я. Книга для чтения. Ч. 2. Для 2 кл. мансийской начальной школы (для северных манси, говорящих на сосьвинском диалекте мансийского языка). Л., 1939; Она же. Учебник мансийского языка. Грамматика и правописание. Ч. 2. Для 3 кл. Л., 1940; и др.

[43] См.: Остяко-Вогульская правда. 1940. 26 ноября.

[44] П.Е.Хатанзеев — создатель первого букваря для хантыйской школы (1930 г.). См.: Данковцева С.Г., Созонова А.В. Личный фонд П.Е.Хатанзеева... С. 283.

секретарем — Г.Д.Вербов. Активное участие в создании письменности приняли ученые-североведы — А.П.Пырерка, Н.М.Терещенко, Г.Н.Прокофьев[45]. Кроме перечисленных, оставались проблемы материального положения школ и школ-интернатов, отопления, заработной платы и ряд других.

Рассмотрим состояние образования в округах и попытаемся выявить, как решались в них обозначенные проблемы.

Школьное образование в Остяко-Вогульском округе. На 1934/35 учебный год ставилась задача «провести в Остяко-Вогульском округе обязательное первоначальное обучение для всех национальностей. За этот же год добиться полной ликвидации неграмотности и малограмотности в округе»[46]. Со второй половины 1930-х гг. школьная сеть значительно расширилась, что было связано с увеличением числа учителей, открытием школ для спецпереселенцев и развертыванием системы школ-интернатов[47] (табл. 10).

Таблица 10

Школьное образование в Остяко-Вогульском округе в 1935—1940 гг.[48]

	1935	1936	1937	1938	1939	1940
Число школ всего	160	146	147	167	183	195
Число учащихся (в тыс.)	13,1	12,7	13,7	16,0	16,7	16,4
Число учителей	525	513	598	708	751	806

Сведения таблицы показывают, что в предвоенные годы наблюдалось расширение сети школ и увеличение контингента учащихся и педагогических кадров. В различных районах округа число школ варьировалось. Так, в 1935 г. в Сургутском районе было 22 школы: одна средняя школа (в Сургуте), 5 неполных средних школ (в Покуре, Нагорном, на Черном мысу, Высоком

[45] См.: Ного Н.И. История создания письменности на Ямале // Словцовские чтения — 97. Тюмень, 1997. С. 137.

[46] ТОЦДНИ. Ф. 107. Оп. 1. Д. 198. Л. 6—7; 27.

[47] Например, с осени 1934 года удалось открыть новую в школу в Ларьяке. Это было одноэтажное здание на окраине села, рядом — интернат со столовой. Сюда со стойбищ привозили детей ханты. См.: Самарина-Ярова Л. Мы сроднились... С. 12.

[48] Составлена по: ГАХМАО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 32. Л. 34; Д. 4. Л. 14—15.

мысу, в Заряме); 10 начальных школ; 5 национальных начальных школ и один госбюджетный интернат (в Угуте)[49].

Количество национальных школ и учащихся позволяет увидеть степень охвата обучением детей коренных народов. Процент детей коренных народов, обучавшихся в школе, едва ли превышал 10—12% (табл. 11).

Таблица 11

Национальные школы Остяко-Вогульского округа в 1936—1937 гг.[50]

	1936	1937
Количество школ	47	49
В них учащихся	1 686	1 843

В одном из документов сообщалось: «В Остяко-Вогульском округе из 3 230 учащихся неполных средних школ — коренных национальностей — 189, а в 8—9 кл. — ни одного»[51]. Многочисленные документы свидетельствуют, что подавляющее большинство детей коренных народов заканчивали только начальную школу. Ребенок подрастал и нужен был в хозяйстве, учиться его уже не привозили. Начиная учебный год, не все учащиеся его заканчивали. «Отсев учащихся по Остяко-Вогульскому округу — 12%»,— указывалось в документе за 1938 г.[52]

Накануне войны количество школ в Остяко-Вогульском округе достигло 192. По районам они распределялись следующим образом (табл. 12):

Таблица 12

Школы Остяко-Вогульского округа в 1940 г. (по районам)[53]

Район	Количество школ
Сургутский	32
Микояновский	38
Березовский	26

[49] См.: Иванов А. Школа в моей судьбе. С. 34.

[50] ГАХМАО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 32. Л. 34.

[51] ЦДНИОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 1796. Л. 16.

[52] Там же. Л. 11.

[53] Составлена по: ГАХМАО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 81. Л. 11—11 об.; Ф. 129. Оп. 1. Д. 5. Л. 117.

Самаровский	47
Кондинский	34
Ларьякский	15

Больше школ было в Самаровском районе (самом южном в округе), где в основном были расселены ссыльные (крестьяне, поляки, украинцы, белорусы). Меньше всего школ было в Ларьякском районе, самом отдаленном, расположенном в окружении болот. В районе было всего две средних школы — в Ларьяке и в селе Нижневартовском. Каково было материальное положение школ, изменилось ли оно по сравнению с предыдущим пятилетием? Ф.Кронгауз, посетивший школу в юртах Ламбовожских в 1936 г., писал: «Находилась в маленьком домике — старом срубе (юрте) с железной печкой: две небольших классных комнаты, кухня и комната заведующего. Нет не только рекреационного зала. Но даже и раздевальни. Интернат помещался в тесной юрте, в антисанитарных условиях. Детям негде было проводить свой досуг, негде было даже высушить меховую обувь»[54]. Сартыньинская школа считалась в середине 1930-х гг. одной из лучших в Остяко-Вогульском округе. Находилась в бывшем купеческом доме из 2-х этажей. Помещение было также тесным для детей и сырым. Интернат размещался в трех комнатах первого этажа, где на 35 кроватей значилось 53 ребенка[55].

Во второй половине 1930-х гг. развернулся процесс по преобразованию начальных школ в неполные средние, а некоторых неполных средних — в средние, как правило, в районных центрах. Так, в 1938 г. встал вопрос об открытии средней школы в Кондинском (Нахрачи), поскольку учащиеся окончили неполную среднюю школу[56]. Школу открыли, но в том же здании, что привело к его переполненности и приняло угрожающий характер для жизни школьников и сотрудников, о чем имелся акт от 12 февраля об обследовании помещения Кондинской средней школы[57]. Данный пример не является случайным, скорее, его следует отнести к типичному для школ тех лет.

---

[54] Кронгауз Ф.Ф. К истории советской школы... С. 62.

[55] См.: Там же.

[56] ГАХМАО. Ф. 337. Оп. 1. Д. 3. Л. 49 об.

[57] Там же. Д. 5. Л. 21.

В некоторых интернатах накануне войны произошло заметное улучшение их материального положения. Например, в Угутском госбюджетном интернате, по словам А.Иванова, материальных проблем не было вовсе. «В моей памяти остались добрые воспоминания об учениках, о родителях, обо всех, кто окружал меня, помогал. Интересно было работать потому, что школа была хорошо обеспечена всем необходимым. Не было нужды в средствах, которые поступали на счет банка в Сургуте непосредственно из облоно. Смету расходов и приходов мы (коллектив) составляли сами. Ограничений не было»[58].

Управление школами осуществляли районные отделы народного образования. Штат районо состоял из трех человек. В середине 1930-х гг. в районных отделах народного образования вводилась должность инспектора, и никто, собственно, не мог точно сказать, что и как инспектировать[59]. Однако очевидно, что инспектор должен был постоянно совершать объезд школ, выявлять ситуацию с преподаванием, изучать проблемы, доводить их до руководства района.

А.Иванов, работавший в качестве инспектора в Сургутском районе, писал об учительском персонале тех лет: «Кадровый состав учителей во многих школах был неблагополучен. Много было недоучек с образованием шести и семи классов. Были отдельные «учителя» с начальным образованием. Что делать, если один Тобольский педтехникум готовил учителей для всего обширнейшего края. С высшим образованием были единицы. Высоко котировались старые учителя, окончившие когда-то гимназии (Знаменские, Пестовы, Кучковы, Шеймины и т.д.). Но они находились в Сургутской средней школе. Накануне сорокового года стали

---

[58] Иванов А. Школа в моей судьбе. С. 35.

[59] В 1935 году А.Иванов приехал в Сургут и стал работать инспектором районо. «Коллектив районо был небольшой, дружный. Заведовала Нина Михайловна Чашина, женщина опытная и образованная. Инспектором по русским школам была Пугно Васса Дмитриевна. Инспектором по политпросветработе был Павел (забыл фамилию). Кладовщиком работал Коробов Антон Кирьянович. На мою долю, как мужчине, выпала обязанность инспектировать национальные и отдаленные русские начальные школы. Я мало находился в кабинете отдела, разъезжая по юртам и деревням обширного района. Не раз я попадал в экстремальные условия, когда казалось, что нет никакого выхода...». См.: Там же.

прибывать учителя из институтов, но таких учителей было очень мало.

О неблагополучии в профессиональной подготовке можно судить по таким примерам. В Широковской школе учительница Н. (не буду называть фамилий и имен) не умела пользоваться часами, время урока определяла, «когда сойдутся стрелки». В Пимской школе С. учил детей не грамоте, а охоте и рыбалке, изготовлению котцов, морд, фитилей, черканов, слопцов, силков. И родители были очень довольны им. Этот факт наглядно показывал о необходимости введения в национальной школе трудового обучения.

Учитель географии и биологии в одной из школ так живописно вел свои уроки, что нередко ученики его спрашивали: а Вы там были? С приматами бананы ели? В океане во время тайфунов тонули? Проще говоря, учитель беспощадно врал, рассказывая про явления природы, он не объяснял научной основы их происхождения. Можно бы много примеров привести различного рода казусов в работе некоторых учителей, но что поделаешь, если нужда заставляла мириться с ними! Было кое-что и почище! И не в школе, а в методиках того времени, разработанных учеными мужами». Оставил А.Иванов интересные рассуждения и относительно оценивания знаний учеников[60].

---

[60] «Система оценки успеваемости учащихся в те времена и определение успеваемости по школе были совсем иными по сравнению с современностью. Причем, по моему убеждению, более справедливые. В настоящее время достаточно ученику получить двойку по одному предмету, и он считается неуспевающим. Достаточно нескольким ученикам получить по одной двойке, как процент успеваемости резко снижается, создается конфликтная ситуация между отделами народного образования и школами, между администрацией школы и учителями. Надо иметь более чем семь пядей во лбу, чтобы добиться полной успеваемости в школе или (что происходит чаще всего) прибегать к натяжке по принципу: «три пишем, два в уме». Кому нужен этот обман? Учителю или высшим чиновникам? Конечно, последним. Страдает же больше всего ученик. Умный мальчик (или девочка), успевающий по всем предметам, кроме одного, например, естествознания, оказывается в числе отстающих. Ни биологом, ни зоологом он никогда не будет. Это знают все учителя, и все-таки попадают в сети этой ничем не оправданной условности. Раньше мы не считали отстающим того, кто не успевал по одному и даже по двум предметам. Успеваемость исчисляли по предметам, а не по людям (ученикам) и делали правильно, справедливо. Применяя эту систему оценки знаний учащихся в Нагорной семилетней школе,

Проблема нехватки учителей оставалась актуальной. Основную массу составляли приезжие учителя, проработав какое-то время, уезжали. В одном из документов второй половины 1930 гг. указывалось: «Не хватает 119 учителей. 50% учителей не имеют среднего образования»[61]. Однако в некоторых школах кадры учителей были весьма квалифицированными, это прежде всего относится к школам, которые создавались при культбазах. В 1938 г. на Казымскую культбазу учителем в школу был направлен И.Каскин, к тому времени окончивший Институт народов Севера. Вот как он описывает школу, в которой ему пришлось работать. «…На другой день мы представились директору хантыйской семилетней школы Подлетину Афанасию Ивановичу. Молодой, лет тридцати человек, окончивший аспирантуру в Ленинграде, он свободно владел хантыйским языком, вел на культбазе практикум разговорного казымского диалекта и готовил диссертацию. Нас распределили по классам. Мне и Карелину, как изучавшим хантыйский язык в институте, дали начальные классы, т.к. дети, прибывающие на учебу из юрт, не знали русского языка». Далее автор приводит сведения об учителях, работавших в школе. «Евгения Фридриховна Кенинг преподавала немецкий язык, Козлов Сергей Сергеевич — математику, его жена Кайгородова Ираида Алексеевна — русский язык, Черепанова Юлия Лазаревна заведовала интернатом… Кроме хантыйской, была еще и русская начальная школа, ею заведовал Евтифеев Герман, вторым учителем была Вискунова Елизавета Григорьевна. …После Подлетина новым директором школы стал Бакунин Александр Александрович. Его жена вела русский язык. Он и она русские, москвичи. …От учителей требовал четкой, профессиональной работы, рассылал их по населенным пунктам для ознакомления с местными условиями»[62].

Таким образом, школьное образование в Остяко-Вогульском округе за предвоенное десятилетие существенно улучшилось, хотя проблем в работе школ было предостаточно. Стоит подчеркнуть,

---

где я позднее был директором, мы выходили в районе на одно из первых мест по успеваемости». См.: Там же.

[61] ЦДНИОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 1796. Л. 11.

[62] Каскин И. Пути-дороги. С. 40—41.

что к началу войны охватить коренное население всеобучем не удалось.

Школьное образование в Ямало-Ненецком округе. В Ямало-Ненецком округе ситуация с образованием была несколько иной, чем в Остяко-Вогульском. Всеобуч в середине 1930-х гг. почти не распространялся на детей коренных народов. «Всего детей народов Севера обучалось 230. Школы полностью учителями не укомплектованы. Нет преподавателей в 2-х школах по хантыйскомйу и ненецкому языкам. Образовательный уровень учителей: с высшим образованием — 2; с незаконченным высшим — 1; со средним — 15; с незаконченным средним — 3»[63].

Большинство школьных зданий начали строить с 1934—35 гг. В течение первых лет существования эти здания не были остеклены и проконопачены, в некоторых из них еще не было печей. В глубинных пунктах тундры школы вообще не имели собственных помещений, размещаясь на факториях, в промысловых избушках, бараках для рыбаков, чумах. На сентябрь 1936 г. в Ямало-Ненецком округе обучалось в школах 2 071 человек, но из них ненцев только 157, ханты — 24 и зырян — 246, всего — 427 человек[64]. Дети из числа коренных народов учились только в начальной школе. В неполной средней школе обучались 7 ненцев и 23 зырянина, в средней школе — 2 зырян. Процент охвата детей аборигенов оставался ничтожным, не лишено оснований и предположение, что данные по количеству детей в округе сознательно занижались, чтобы привлекательнее выглядел процент по их обучению. Но даже и в этом случае он составлял среди ненцев 10%, ханты — 5% и зырян — 30%. «Недостаточный охват детей националов школой объясняется обычно отсталостью населения и кулацко-шаманской агитацией против школы. Следует, однако, признать, что часто и сама школа агитирует против себя. Из 24 школ 11 размещены в промысловых избушках, бараках, одной-двух комнатах, отведенных в зданиях РИКов. Помещения тесны, часто холодны. Иногда школьная комната является и квартирой учителя (Ивай-Сале). Председатель Товпогольского нацсовета ОкАтэтто (неграмотный, русского языка не знает), на пленуме

[63] ЦДНИОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 2385. Л. 97—98.
[64] Подсчитано по: Там же. Д. 980. Л. 52.

окРИКа заявил, что детей в школу не отдают по двум причинам: во-первых, родители говорят, что детей в школе кормят и одевают плохо, и, во-вторых, родители не хотят отдавать детей в школу на далекое расстояние. В этой школе дети не имели матрацев и постельного белья. Обуви на всех не хватало. Кормили плохо. Видимо, и обращались плохо, т.к., по словам Окатэтто, ребята не хотят возвращаться в школу, пока не уберут прежнюю заведующую. Верно и то, что ненцы, особенно матери, не хотят расставаться с детьми и отдавать их за сотни километров в школу. Опыт кочевых школ, как говорят местные работники, себя не оправдал. Вернее, не оправдали себя люди, которые проводили этот опыт»[65].

В 1938 г. в Ямало-Ненецком округе была 41 школа, обучались 3 820 детей, не были охвачены школой 1 101 человек, 88% из них — дети коренной национальности. Интернатов было 23[66]. В Надымском районе накануне войны было 2 неполных средних школы, 5 начальных, **обучались 328 детей**, 1 школа-интернат — для ненцев, в которой обучались 34 ребенка. Русские школы были обеспечены преподавательским составом полностью[67]. Например, в Приуральском районе в 1940 г. **обучались 437 человек** в 7 школах (6 — начальных, из которых 5 — интернаты). Национальный состав учащихся в школах Пуровского района (1940 г.): русские — 211 учащихся; зыряне — 94; ненцы — 40; ханты — 96; прочие — 4[68]. Соотношение учащихся коренных национальностей и остальных учеников в школах Пуровского района, по приведенным сведениям, равное. В 28 интернатах Ямало-Ненецкого округа обучались 950 учащихся.

Сеть неполных средних школ в Ямало-Ненецком округе накануне войны была представлена в следующем виде: всего школ — 27; из них 26 — начальные и 1 неполная средняя в Овгорте (с 5 класса), в которой обучались 57 человек. Национальные школы, переведенные в неполные средние незадолго до начала войны: Ныдинская, Ярсалинская, Хальмерсединская[69]. Особенностью

---

[65] Там же. Л. 52.
[66] ТОЦДНИ. Ф. 135. Оп. 8. Д. 1. Л. 105.
[67] Там же. Ф. 104. Оп. 1. Д. 76. Л. 24.
[68] ЦДНИОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 2385. Л. 97—98.
[69] Там же. Д. 2772. Л. 32—33.

системы школьного образования округа являлось преобладание начальных национальных школ.

Проблема всеобуча в округе не была решена к началу Великой Отечественной войны. В 1939 г. руководство окроно отмечало, что закон о всеобуче не только не выполнен, но имеется рост числа детей школьного возраста, не охваченных школой[70]. М.Броднев отмечал недостаточную работу по укомплектованию интернатов, указывая, что эта проблема всецело лежит на плечах заведующего. Недокомплектование он считал преступным делом, поскольку «в каждом районе сотни детей не охвачены обучением»[71].

3 декабря 1940 г. на заседании исполкома Ямальского округа обсуждался вопрос об охвате детей всеобщим начальным образованием в Шурышкарском районе. Постановление гласило: «принять немедленные меры к охвату всех детей школьного возраста обучением с тем, чтобы в районе было полностью осуществлено всеобщее начальное обучение; организовать проведение агитмассовой работы среди родителей; обеспечить все школы района учебно-наглядными пособиями; обеспечить школы топливом; ввиду полной непригодности приспособленных зданий и юрт, находящихся в настоящее время под школами и интернатами, и невозможности охватить в 1941/42 учебном году этими школами всех детей»[72].

В докладной записке Ямало-Ненецкого округа о всеобщем начальном обучении (1941 г.) сообщалось, что положение с народным образованием в округе крайне тяжелое. Грамотность среди ненцев — 8,5%; ханты — 11,5%. «Неграмотность является тормозом в укреплении колхозов и разрешении всех задач социалистического строительства в тундре. Больше половины детей ненцев и ханты не охвачены школами»[73]. «Проведение всеобщего начального обучения упирается в отсутствие необходимого количества школьных зданий, а в этом году мы не получили средств на новое школьное строительство»,— докладывал секретарь окружкома ВКП (б) Ямало-Ненецкого округа Гулин[74].

---

[70] См.: Там же.
[71] ГАЯНАО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 17 а. Л. 235.
[72] Там же. Д. 21. Л. 45.
[73] ЦДНИОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 2772. Л. 24 об.
[74] Там же.

Сведения о состоянии обучения в округе и достигнутых результатах можно почерпнуть из доклада заведующего окроно М.М.Броднева от 26 июня 1941 г.: «В 5—7 кл. обучается детей ненцев: в Хальмерсединской — 4; Ныдинской — 3; Ярсалинской — 2; Тарко-Салинской — 3. Переведено в 5-е классы ненцев 130 (примерно), открывается 5 класс в Тамбее на 20 человек. В интернатах — 1 105 учащихся. Интернаты перегружены: «Тамбей — 110 (при возможности — 60); Щучья — 120 (при возможности — 60)[75]. Всего в 1940 г. в округе было 39 школ. По районам школы распределялись следующим образом (табл. 13):

Таблица 13

Школы Ямало-Ненецкого округа по районам в начале 1940 г.[76]

Район	Количество школ
Ямальский	6
Надымский	7
Приуральский	6
Тазовский	4
Пуровский	3
Шурышкарский	13

Накануне войны число школ несколько увеличилось. Теперь их насчитывалось 46. По типам школы распределялись следующим образом (табл. 14):

Таблица 14

Школьное образование в Ямало-Ненецком округе в 1940/41 учебном году[77]

Тип школы	Количество	Число учащихся
Начальная	33	1 576
Неполная средняя	10	1 417
Средняя	3	1 466
Всего	46	4 439

[75] Там же. Л. 29.
[76] ГАЯНАО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 21. Л. 72.
[77] Составлена по: ГАЯНАО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 17 а. Л. 202.

Преобладали начальные школы, однако, поскольку все они были малокомплектными, количество учеников в них составляло треть от всего состава учащихся округа. Средние школы были в Сале-Харде, Мужах и Яр-Сале. Успеваемость в школах Ямало-Ненецкого округа была вполне удовлетворительная: Яр-Сале (обычная) — 95%; Яр-Сале (интернат) — 88,8%; Н-Парновская — 79,5%; Пуйковская — 90,1%[78].

Проблемы школ Ямало-Ненецкого округа сводились к следующему: 50% школ не имели стандартных парт, не хватало учебников географии, математики, истории СССР, русского языка[79]. На протяжении 1930-х гг. особо острым был вопрос об отоплении школ[80], интернатов и квартир учителей. Дров или денег на дрова, как правило, хватало только до января. Отрыв детей от семьи, помещение их в условия психологического и температурного стресса побуждал родителей-националов не отдавать своих чад в руки работников образования. К концу 1930-х гг. более половины детей северных народностей Ямальского Севера не были охвачены школьно-интернатской системой.

Особо стоял вопрос с обучением и содержанием в школах-интернатах детей, число которых во второй половине 1930-х гг. увеличилось. Однако интернаты не были готовы принять возросшее количество детей, и в результате эти учебные заведения оказались переполненными (табл. 15).

Таблица 15

Школы-интернаты Ямало-Ненецкого округа в 1938 г.[81]

Название	Всего учащихся	На сколько мест рассчитан интернат
Тамбейская	81	50
Шурышкарская	68	60
Катровожская	78	20
Гыдоямская	40	40
Кушеватская	64	25
Щучьереченская	112	50

[78] ЦДНИОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 2385. Л. 72.
[79] Там же. Л. 106.
[80] Проблема отопления школ была решена лишь в 1960-х гг.
[81] Там же. Л. 32—33.

Обеспеченность кроватями, постельным бельем, одеждой в большинстве случаев была в два-три раза ниже минимально необходимой. Дети вынуждены были спать по два-три человека на одной кровати, мало бывали на свежем воздухе, переохлаждались в помещениях из-за постоянного дефицита дров. Не считая всеобщего педикулеза, в ряде интернатов получили распространение туберкулез, трахома, часотка. Чрезвычайно высока была смертность учащихся, особенно из-за туберкулеза. Это было новым «явлением» для тундры, где до 1930-х гг. туберкулеза врачи практически не встречали. Его распространение в тундре, судя по документам, было вызвано именно функционированием интернатов[82].

На 20 мая 1941 г. в интернатах Ямало-Ненецкого округа обучались 1 031 человек (табл. 16).

Таблица 16

Интернаты Ямало-Ненецкого округа в мае 1941 г.[83]

Район	Количество детей
Приуральский	228
Ямальский	240
Надымский	74
Тазовский	146
Пуровский	84
Шурышкарский	259
Всего	1 031

В школах-интернатах обучалась четвертая часть всех учащихся округа. Доклад о работе школы-интерната на Ямальской культбазе в первой половине 1938/39 учебного года, составленный Колесниковой, содержит подробности жизни учебного заведения и представляет необычайный интерес. «К началу учебного года был произведен ремонт пособий, мебели и помещений. Интернат располагался в отдельном помещении, которое собой представляло одноэтажное вытянутое здание. В интернате имелось 14 комнат,

---

[82] См.: Гриценко В.Н. Из истории становления системы школ-интернатов… С. 107.

[83] ГАЯНАО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 17 а. Л. 237.

из которых спален — 6, которые могут вместить до 60 детей. Имелись кухня и столовая, клубная комната и ряд подсобных помещений. Приобретена одежда для детей (55 учащихся), не хватало зимних шапок, а также костюмов для мальчиков и платьев для девочек. Учителями школа-интернат была укомплектована полностью (19 человек).

Обучение осуществлялось по программе Наркомпроса 1938 года. В школе было 5 классов-комплектов: два первых класса, и по одному — второй, третий, четвертый. Основные учебные принадлежности имелись, но недоставало чернильниц, альбомов для рисования, школьных журналов, табелей и бланков форм отчетности. В летние каникулы школа совместно с работниками Дома народов Севера вела работу среди родителей по разъяснению всеобщего начального обучения, вела учет детей, подлежащих обучению»[84].

Накануне войны отделом образования были проведены обследования интернатов, которые обнаружили серьезные проблемы в их работе и в положении детей. В Приуральском районе была обследована Товопольская школа-интернат. Выяснилось, что школа расположена в помещении с недостаточной площадью, учащиеся в интернате живут в тесноте, нет столовой, дети едят там же, где спят, имеется одна классная комната, где занятия проходят в две смены. Ученики не имеют места для выполнения домашних заданий. Учащихся 39 человек. Учитель живет вместе с хозяевами, пользуясь углом[85].

В докладной записке ЯНО о всеобщем начальном обучении (1941 г.) сообщалось: «Многие интернаты перегружены сверх всяких нор, дети спят по 2 и 3 на одной кровати. В Щучьереченской школе-интернате за 1 месяц умерли 12 детей, мы вынуждены в некоторых случаях сократить количество учащихся и не принимать в школу даже тех, кто учился в этом году. О состоянии школьных зданий можно судить даже по тому, что в Шурышкарском районе нет ни одной типовой школы, в Куновате и Уйтгорте школы-интернаты размещены в юртах — маленьких, сырых, холодных помещениях. Напрашивается даже вопрос

---

[84] Там же. Д. 28. Л. 43—44.
[85] Там же. Л. 98.

о закрытии таких школ, т.к. рисковать здоровьем и жизнью детей мы не имеем права»[86].

Исчерпывающий анализ интернатской формы обучения дан в докладной записке М.Броднева в Ямало-Ненецкий окружком ВКП (б) «О состоянии школ-интернатов в округе», составленной в начале Великой Отечественной войны. Тогда М.Броднев стал заведующим районо и совершил несколько поездок по интернатам. В документе отразил имевшиеся проблемы в их работе: «...отношение к школам-интернатам со стороны райкомов ВКП (б) бездушное, со стороны райисполкомов казенно-бюрократическое, а со стороны райфинотделов и торговых организаций — издевательское. Отношение к ненецким и хантыйским детям со стороны ряда работников народного образования преступно-издевательское, а в ряде случаев антисоветское, контрреволюционное. Обследование многих школ-интернатов, проведенное мною и инспектором окроно, вскрыло чрезвычайно тяжелое положение большинства школ-интернатов»[87].

Обучение одного ребенка в интернате обходилось государству в 2 500 руб. в год. Для выполения плана по наполняемости интерната в него принимали детей оседлого населения, проверки обнаружили, что такие явления имели место довольно часто. Родители, жившие в поселке, были не прочь отдать ребенка на полное государственное обеспечение. М.Броднев писал: «Закон о всеобуче в нашем округе не проводится, родители могут не отдавать детей в школу или брать из школы в течение учебного года и оставаться ненаказанными... Ярсалинский интернат существует 10 лет. Затрачено на него не менее 2,5 млн. руб. Нормально мы должны иметь в Ярсале развернутую ненецкую школу с 1 по 10 класс... но мы не получаем специалистов, а начальную школу окончили единицы. Вот соответствующие цифры по Ярсалинскому интернату: в 5 классе обучается 1, в 6 классе — 2... За 10 лет обучено в пределах 4 классов не более 15 человек (часть из окончивших умерли)... В Кушеватском интернате за 8 лет его существования выпущено трое, окончивших 4 класс... Положение, аналогичное Ярсалинскому интернату, имеется во всех интернатах округа, а это значит, что, если такая практика работы

---

[86] ЦДНИОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 2772. Л. 24 об.
[87] Там же. Л. 236.

интернатов будет продолжаться, мы никогда не подготовим грамотных кадров из ненцев и ханты и будем ежегодно бросать на ветер миллионы государственных средств»[88]. Задаваясь вопросом, почему так происходит, М.Броднев выделил следующие причины: дети, поступая в интернат, в течение всего года не могут пройти нормально курс обучения; в 1—2-х классах во всех интернатах много детей, а в 3—4-х и дальше — очень мало. Родители отдают ребенка в школу, пока он не может быть полезным в хозяйстве, а когда подрастает, его в школу не отпускают; высокая смертность в некоторых интернатах (Щучьереченском, Ярсалинском) также сократила количество детей.

М.Броднев выдвинул конкретные предложения, на его взгляд, способствующие исправлению ситуации:

«Обязательное проведение закона о всеобуче... с применением принудительных мер, особенно к тем родителям, которые берут из школы ребенка, проучившегося 1—2 года;

Вменить в обязанность правления колхозов организованно к началу учебного года доставлять детей с мест кочевий в интернат и доставлять их к родителям после окончания учебного года;

Сделать всеобуч кровным делом сельсоветов и райисполкомов, возложив на них ответственность за полную и своевременную явку детей в школу-интернат»[89].

М.Броднев со всей горечью подчеркивает, что «было бы неправильно обвинять только ненцев и ханты в том, что они не отдают детей в интернат. Отношение к детям во многих интернатах прямо издевательское, антисоветское, и приходится удивляться терпению родителей, которые все-таки держат своих детей в таких интернатах. Большинство руководящих работников не отдали бы своих детей в интернаты и если бы даже дети обречены были вырасти неграмотными». Им приводятся страшные факты, описать которые тяжело, поэтому мы их опускаем. Сообщим лишь о случае массовой гибели детей в Щучьереченском интернате. По вине местных медиков и работников интерната умерли 15 детей.

---

[88] ГАЯНАО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 17 а. Л. 236.

[89] Там же.

Однако и после этой трагедии в организации быта интерната ничего не изменилось. «Дети, моясь в бане, раздевались и одевались в холодном предбаннике, теплая уборная в помещении была закрыта, и дети раздетыми бегали за 50 м. В спальнях ветхие одеяла, тонкие, набитые сеном матрасы. Ночью дети собираются по 2 или 3 человека на одну койку, согреваясь теплом своих тел. Пальто ветхие, и дети мало бывают на улице, а если бывают, то простывают. Питание плохое. Зато мясо, заготовленное школой (12 туш), секретарь райисполкома Архипов у школы отобрал и отдал факториям»[90]. К этому следует добавить, что проверка обнаружила еще ряд безобразий: «кроватей не хватало, и 25 учеников спали по двое; 50% имеющихся одеял — рваные, негодные; не хватает 65 пар белья; у мальчиков не было ремней для брюк, поэтому подтягивались всяким тряпьем; 23 мальчика не имели шапок; 25 человек не имели носовых платков»[91]. Проверка других интернатов выявила схожие проблемы. «В Ново-Портовском интернате на 42 ребенка 36 матрасов, 36 одеял, нет двухсменного нательного и постельного белья. В Кушеватском интернате половина детей не имеет пальто, на 23 человека только 20 старых пар валенок, нет рукавиц, мало шапок. Такое же положение в большинстве интернатов»[92]. М.Броднев писал о плохом питании детей, злоупотреблениях различных начальников, указывал на халатный санитарный контроль и медицинское обслуживание и о многом другом[93].

Интернатская форма обучения для северных народов оказалась несостоятельной[94]. Преподавание в школах основывалось на традиционных европейских методах с преобладанием логико-вербальных способов обучения. Тогда еще не знали, что у народов Севера преобладает пространственно-образный тип восприятия информации, поэтому для них всегда было типичным обучение путем подражания. Не учитывали и тот факт, что коренные жители отличаются специфическими особенностями зрения, на

---

[90] Там же. Л. 236 об.

[91] Там же.

[92] Там же. Л. 237.

[93] См.: Там же. Л. 237—238.

[94] См.: Адаев В.Н. Проблемы образования народов Севера // Словцовские чтения — 96. Тюмень, 1997. С. 112.

которое неблагоприятное воздействие оказывало ограниченное пространство, режимы ближнего зрения и информационной избыточности. Как следствие, почти у всех детей возникало состояние сильного психического напряжения и утомления, сопряженное с отклонениями в развитии различных сфер[95].

Нельзя не упомянуть о тех, кто внес большой вклад в дело воспитания, просвещения и распространения культуры на Обь-Иртышском Севере. Как правило, это были молодые специалисты, приехавшие на Север и отдавшие ему свои лучшие годы. Идеалы и молодость делали свое дело. Так, Лидия Васильевна Кузнецова приехала на Ямал в 1934 г. после окончания Тюменского педучилища. Создала лучший детский сад в округе на консервном комбинате[96]. Антонина Капитоновна Галишникова — учительница начальной школы в Салехарде, которая проработала на Крайнем Севере 17 предвоенных лет. Класс у нее отличался дисциплинированностью, дети хорошо успевали, а сама учительница вела большую общественную и методическую работу. Среди известных людей Крайнего Севера — Прибыльский Николай Пантелеймонович, который с 1932 г. работал в школах Ямало-Ненецкого округа. С 1938 г.— директор Шугинской неполной средней школы, которая под его руководством стала лучшей в округе по успеваемости и постановке учебно-воспитательной работы[97].

Результаты ликвидации неграмотности. Борьба с неграмотностью в 1930-е гг. приобрела новую актуальность. Ежегодно государством выделялись средства на содержание изб-читален, библиотек и на выплаты зарплат избачам и ликвидаторам. Принимали участие в обучении неграмотных культармейцы из среды учащихся школ[98]. В 1937 г. в наркомате просвещения состоялось совещание, которое проводила Н.Крупская, по вопросу ликвидации неграмотности среди народов Севера. Совещание сыграло определенную роль в решении проблемы. В советской историографии распространенным было мнение, что ликвидация негра-

---

[95] См.: Там же.
[96] ГАЯНАО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 17 а. Л. 44.
[97] Там же.
[98] ГАХМАО. Ф. 16. Оп. 1. Д. 11. Л. 28—29.

мотности среди взрослого населения на Обском Севере была завершена к 1940 г.[99] Анализ документов показал, что неграмотность не была ликвидирована в округах к началу войны (табл. 17).

Таблица 17

Результаты ликвидация неграмотности в Остяко-Вогульском округе в 1937 г.[100]

Учтено неграмотных	Количество обученных
Всего неграмотных — 8 168 Из них коренной национальности — 4 443	Всего обучены — 2 986 В том числе аборигенов — 1 599

1 июня 1938 г. оргкомитет Микояновского райисполкома рассмотрел вопрос о выполнении решения оргкомитета о ликвидации неграмотности и малограмотности (табл. 18). В постановлении было записано, что решение оргкомитета выполняется плохо. Подчеркивалось, что ликвидация безграмотности среди русского населения в основном закончена, среди национального — обучено 20%. Точных данных не имелось. Ряд советов (Полноватский, Казымский и Кондинский) до того времени не представили никаких сведений на этот счет.

Таблица 18

Результаты ликвидации неграмотности в Микояновском районе на 1 июня 1938 г.[101]

Всего неграмотных — 1 434	Малограмотных — 712
Обучаются — 392	Обучаются — 163

В районе вопрос о ликвидации неграмотности рассматривался неоднократно. Так, 17 октября 1938 г. оргкомитет принял вновь постановление «О ликвидации неграмотности», однако оно не было выполнено, что нашло отражение в протоколе заседания оргкомитета Микояновского района от 20 февраля 1939 г.[102]

---

[99] См.: Костецкий Ю.В. Культурное развитие автономных округов... С. 47.
[100] ГАХМАО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 81. Л. 25.
[101] Там же. Ф. 337. Оп. 1. Д. 3. Л. 86.
[102] Там же. Д. 5. Л. 1—4.

6 февраля 1940 г. Октябрьский райисполком рассмотрел вопрос о ликвидации неграмотности. Констатировалось, что охват неграмотных обучением составил 34%. Высказывалось нарекание в адрес Казымской культбазы, где совсем не велось обучение взрослых. В принятом постановлении говорилось: «Охватить обучением всех граждан до 50 лет»[103]. План завершения ликвидации неграмотности по району на 1941 г. предусматривал обучить 759 человек неграмотных и 686 малограмотных[104]. Таким образом, в округе делались попытки борьбы с неграмотностью. Однако реальных возможностей, по-видимому, не имелось. К тому времени сеть политпросветучреждений в Остяко-Вогульском округе охватывала 63 избы-читальни и 10 библиотек[105], которые вели работу по обучению грамоте.

В Ямальском округе борьба с неграмотностью проходила с огромными трудностями. Газета «Нарьяна нэрм» от 12 мая 1937 г. писала: «Руководство ликвидацией неграмотности ограничивалось обследованиями и проверками. На днях комиссия поселкового совета проверила состояние неграмотности в Салехарде. Проверка обнаружила вопиющие факты безразличного отношения хозяйственников и профработников к этому делу. В затоне Рыбтреста школа не имеет постоянного пристанища. Кочевать из помещения в помещение учащимся надоело, и поэтому они идут в школу весьма неохотно. Ликвидатор Беломоин уроки проводит неумело, в частности, он не объясняет учащимся непонятных слов. Учебная программа не выполнена. По русскому языку вместо 145 часов пройдено 11. По арифметике только 7 против 123 по программе. В артели «Заполярный строитель» положение с ликвидацией неграмотности еще хуже. К ним послали квалифицированного педагога, а председатель артели отказался оплачивать труд учителя. Тогда предложили ему подыскать культармейца, но Дронзиков заявил: «И культармейца искать не буду, отвяжитесь от меня»[106].

Отдельные предприятия и учреждения обязаны были составлять планы по ликвидации неграмотности и вести соответствующую

---

[103] Там же. Д. 9. Л. 26—26 об.
[104] Там же. Д. 14. Л. 26.
[105] Там же. Л. 25 об.
[106] ГАЯНАО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 23. Л. 11.

работу. По системе Рыбколхозсоюза план был представлен в следующем виде (табл. 19):

Таблица 19

План по ликвидации неграмотности и малограмотности на 1938/39 учебный год в Ямало-Ненецком округе[107]

Район	Подлежат обучению
Приуральский	233 чел.
Пуровский	98 чел.
Тазовский	215 чел.
Шурышкарский	143 чел.

Исходя из данных таблицы, всего подлежали обучению 689 человек.

В декабре 1939 г. руководство Омской области рассмотрело вопрос об итогах ликвидации неграмотности взрослого населения. Констатировалось, что в Ямальском округе неграмотные составляли 17,2%, в Остяко-Вогульском — 16,2%[108]. Сведения являются недостоверными, материалы переписи 1939 г. показали, что взрослое население коренных национальностей округов было почти сплошь неграмотно. Результаты по ликвидации неграмотности были плачевными, однако руководством области умышленно или по незнанию они представлялись достойными восхищения. Стоит обратить внимание, что проблема грамотности в округах оставалась нерешенной до второй половины XX века, а на Ямале и в годы «развитого социализма» она не получила полного разрешения[109].

В переписи 1939 г. большое внимание уделялось грамотности населения в связи с проведением государственной политики по ликвидации неграмотности. В 1939 г. правительство посчитало, что Всероссийское общество «Долой неграмотность» свою основную задачу выполнило, и оно было закрыто. По отношению к 1926 г. уровень грамотности в стране поднялся. Однако село отставало от города, женщины от мужчин. У различных национальностей,

---

[107] Там же. Д. 22. Л. 196.

[108] Из истории культурного строительства… С. 179.

[109] См.: Созонова А.В. Решение проблемы грамотности аборигенов Ямала // Д.И.Менделеев и Сибирь: история и современность. Тобольск, 1999. С. 69—70.

населяющих Россию, уровень грамотности был далеко не одинаковым. «Сплошной», т.е. 100%-ной, грамотности перепись не зафиксировала[110]. Для народов Севера грамотным считался человек, умевший читать по слогам и подписать свою фамилию. По 26 народам Севера, исходя из указанного требования, грамотность была выявлена на следующем уровне (табл. 20):

Таблица 20

Грамотность среди народов Севера по переписи 1939 г. (в %)[111]

9—19 лет	20—49 лет	50 лет и старше	% лиц, имевших высшее образование, на 1 000 человек
70,3	40,5	6,3	0,3

Ханты, манси и ненцы оставались безграмотны в подавляющем большинстве. Среди русского населения ликвидация неграмотности шла более успешно и к началу войны в основном была завершена, что же касается коренного населения, то грамотные составляли не более 15—20%[112].

Выводы по главе

В первой половине 1930-х гг. произошло резкое увеличение численности школ в связи с крестьянской ссылкой. Теперь на фоне многотысячного населения национальных округов коренное население составляло менее четверти и уже не оказывало столь решающего влияния на показатели культурных преобразований, оно постепенно как бы растворилось среди остальной части. Факты отсутствия культурных изменений у них стали не столь очевидны в многочисленных отчетах советских организаций, но желание «окультурить» и подтянуть ханты, ненцев, манси, селькупов, зырян до уровня современной цивилизации не покидало руководителей округов и районов. Создание системы территориальных советов, проведение коллективизации позволили параллельно

---

[110] См.: Всесоюзная перепись населения 1939 года. Основные итоги. Россия. СПб., 1999. С. 205.

[111] См.: Там же. С. 125.

[112] ГАХМАО. Ф. 337. Оп. 1. Д. 3. Л. 86: Д. 14. Л. 26.

начать активные мероприятия по развертыванию культурных учреждений и школ. Основным типом учебных заведений, в которых проходило обучение детей коренных народов, были школы-интернаты. Государство пыталось решить проблему с их обучением наиболее доступным путем. Однако процент охвата детей обучением к началу войны не превысил 50. Половина детей оставалась вне школы. Те же, кто учились, получали начальное образование, а часть детей и начальной школы не заканчивали.

К началу войны в обучении детей коренных национальностей обозначился подход (родившийся в нелегких поисках на практике), состоявший в том, что единственно верным является обучение на родном языке, в основе которого — русская письменность. Дети, приезжая со стойбищ, не владели русским языком, поэтому вести обучение следовало на языке общения. Данное решение стало поворотным в обучении детей коренных народов, поскольку сделало обучение более реальным и доступным. Проблемой в области просвещения была нехватка специалистов, к началу 1930-х гг. с созданием национальных округов стало возможным предпринять попытки по подготовке национальных кадров. Борьба за подготовку национальных кадров, преданных советской власти, велась еще и потому, что они, по мнению партийных и советских функционеров, должны были оказать решающее воздействие на соплеменников и сделать их участниками социалистического строительства.

Глава 3
ПОПЫТКА РЕШЕНИЯ КАДРОВОЙ ПРОБЛЕМЫ И СОЗДАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

3.1. Национальная интеллигенция: реальность или миф?

Обращаясь к вопросам истории культуры и интеллигенции 1920—1930-х гг. в районах Северо-Западной Сибири, следует иметь в виду, что указанные процессы имели здесь ряд существенных отличий по сравнению с другими регионами страны в силу причин объективного и субъективного характера. В относительно развитых культурных центрах профессионально зрелая генерация специалистов имела свой алгоритм социального развития в послеоктябрьский период, который схематично представлялся в виде последовательной смены следующих политических состояний:

а) ступень профессионального сотрудничества с новой властью при сохранении у подавляющей части специалистов нейтрального, а порой и враждебного политического отношения к ней;

б) дополнение профессионального сотрудничества политическим признанием советской власти;

в) восприятие мировоззренческих ценностей социалистического идеала.

Для генерации молодой интеллигенции смена состояний носила существенно иной, хотя и отнюдь не упрощенный, характер. Здесь практически не стоял вопрос о преодолении враждебных Советской власти политических ориентаций, поскольку профессиональные и мировоззренческие установки формировались в новых исторических условиях, в процессе обучения в советских вузах или техникумах и в ходе последующей производственной или творческой деятельности. По облику новое поколение интеллигенции разительно отличалось от предыдущего. По социальным источникам формирования его нельзя было квалифицировать иначе, как преимущественно рабоче-крестьянское. Его мировоз-

зренческие ориентации были связаны с марксизмом-ленинизмом. Так шаг за шагом утверждался один из краеугольных постулатов социальной политики сталинизма: о создании интеллигенции принципиально нового исторического типа — рабоче-крестьянской, народной, социалистической[1]. В начале 1920-х гг. формирующийся режим политической власти в советской республике нуждался в интеллигенции постольку, поскольку только она могла быть носителем и проводником идей большевизма в народ, без ее участия укрепление советской власти было бы весьма затруднительно осуществить.

Проблема формирования национальной интеллигенции рассматривалась в отечественной историографии исходя из утверждения, что только при советской власти была начата работа по ее созданию, увенчавшаяся успехом: у коренных народов Севера возникла своя интеллигенция. Однако хорошо известно, что еще на рубеже XIX—XX вв. царское правительство пыталось создать инородческую интеллигенцию для решения проблем полномасштабной модернизации страны. Представлялось, что интеллигенция из числа коренных народов должна нести в себе минимум образованности и конкретных профессиональных навыков (управленческих, медицинских, педагогических). Под интеллигенцией понимался особый контингент, который мог бы служить культурным посредником между правительственными организациями и аборигенами, а также стать живым и убедительным примером «нового» образа жизни. Трансформированные идеи новой большевистской культуры, носителями которых должна была выступить интеллигенция, призваны были играть в становлении политического режима важную роль[2].

В рамках существовавшей идеологической парадигмы и решения национального вопроса в СССР первостепенной задачей партийно-советских организаций являлась ликвидация культурной отсталости, без которой проблему модернизации обществ северных народов вряд ли можно было решить. Исходя из этого,

---

[1] См.: Красильников С.А. Социальная типология интеллигенции... С. 169—171.

[2] См.: Казанин И.Е. Российская интеллигенция и преодоление кризиса традиционной парадигмы образования советского периода // Культура и интеллигенция сибирской провинции в XX веке. Новосибирск, 2000. С. 156.

на Север требовались прежде всего учителя. Русской интеллигенции выжить в условиях советской школы на Севере было трудно: суровые природные условия, нерешенные проблемы быта, непривычные условия работы, недоброжелательное отношение аборигенов и т.д.— все это требовало от властей начать работу по созданию учительских кадров из числа аборигенов. Первым учебным заведением, начавшим подготовку кадров для туземных школ из числа коренных народов, был Тобольский педтехникум. Рассмотрим его вклад в дело подготовки учителей начальной школы для Севера Западной Сибири.

Решение об открытии в Тобольске отделения для подготовки учителей из туземного населения было принято еще в марте 1924 г.[3] Планировалось, что с нового учебного года туземное отделение начнет работу. Однако отделение не смогло приступить к занятиям в назначенный срок, поскольку учащиеся не прибыли на учебу. Приехал только один зырянин[4]. О.Еремеева считает, что техникум в Тобольске стал базой для подготовки национальных кадров для школ[5]. Однако каково было качество подготовки учителей и их профессиональный уровень? Могли ли они работать в условиях северной школы? Каков процент был из них представителей коренных национальностей? Сколько было подготовлено учителей? На эти вопросы ответ исследовательница не дала.

В 1926 г. в Тобольском педтехникуме открылось подготовительное отделение для молодежи из числа туземцев. Контингент учащихся состоял из числа окончивших или проучившихся несколько лет, а порой и год-два, в обычных (национальных) школах. При наборе осуществлялся принцип целевого направления: каждому северному району бронировалось определенное количество мест в зависимости от численности учеников каждой национальности. На отделение принимались остяки, самоеды, манси и зыряне в возрасте от 12 до 19 лет. Собрать на учебу соответствующий контингент было весьма непросто, поскольку грамотных среди туземцев были единицы, особенно если говорить об отдаленных районах. 4 августа 1927 года председатель Обдорского

---

[3] ТФГАТО. Ф. 695. Оп. 1. Д. 13. Л. 2.
[4] Там же. Л. 33.
[5] См.: Еремеева О. Туземная школа. С. 24.

райисполкома Ануфриев отправил в Тобольское окроно письмо, в котором сообщал: «По разверстке на Север падает доля в высылке учащейся молодежи из нацменов в учебные заведения. Согласно требованиям, ученики должны хорошо говорить по-русски, иметь знания не ниже 4-х классов или школы 1-й ступени. С такими знаниями в Обдорском районе мы никогда не сумеем найти лиц, которые бы имели возможность учиться. Во-первых, нацмены, особенно самоеды и остяки, не только не знают грамоту, но и не могут хорошо говорить по-русски, а посему, согласно указанным выше требованиям, конечно, мы никогда не сумеем послать. Прежде всего мы должны устроить интернаты и проводить учение среди нацменовской молодежи и через три-четыре года только сумеем направлять учеников согласно требованиям учебных заведений, а иначе все представляемые места для нацменов Севера будут оставаться незаполненными»[6].

Правила приема в техникум были доведены до руководства районов и напечатаны в окружной газете. Районам давалась следующая разверстка по обеспечению набора в техникум: Обдорский — 2 места; Березовский — 5; Кондинский — 5; Самаровский — 2; Сургутский — 1. Итак, на подготовительное отделение планировалось принять среднюю группу в количестве 15 человек. Разверстка по младшей группе предусматривала: Обдорский — 8; Березовский — 10, Кондинский — 10; Самаровский — 8; Сургутский — 2. Всего предполагали набрать 35 человек[7]. Таким образом, туземное отделение начало первый учебный год осенью 1927 года. На заседании Тобольского Комитета Севера от 19 октября 1927 г. рассматривался вопрос «о состоянии туземного приготовительного отделения». К тому времени не был определен срок обучения (2 или 3 года), а также обсуждалась проблема содержания интерната, т.к. вопрос о его финансировании оставался нерешенным[8]. Первые месяцы работы отделения обнаружили массу проблем, прежде всего материально-бытового характера. На обучении находились 36 учащихся, а в интернате было только

[6] ГАЯНАО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 108. Л. 250.
[7] Там же. Л. 256.
[8] ТОЦДНИ. Ф. 30. Оп. 1. Д. 607. Л. 25.

24 кровати, не хватало столов, обуви, белья, платья[9]. В материальном плане учащиеся Севера в первый год обучения находились, можно сказать, в кризисном положении. В течение длительного времени они не были обеспечены ни теплой одеждой, ни обувью. В смете Уральского областного отдела народного образования на 1926/27 учебный год было заложено в числе хозяйственных расходов и вещевое довольствие. На одного человека предполагалось закупить: тулуп (1 шт.), шапка (1 шт.), валенки (1 пара), рукавицы (1 пара), сапоги (1 пара), белье (3 пары), чулки и носки (по 4 пары), зимний костюм (1 шт.), летний костюм (2 шт.), пальто (1 шт.), полотенце (2 шт.), носовой платок (6 шт.), фуражка (1 шт.). Заведующая интернатом Анастасия Петровна Мелиновская ходила вместе с ребятами в магазин и выбирала им одежду, однако выделенных средств не хватало — учащиеся терпели большую нужду.

Стипендия первоначально составляла 12 руб. 50 коп. в месяц, но впоследствии она была сокращена до 10 руб. «Отпускаемые по областному бюджету 10 руб. на человека стипендии недостаточны, не дают возможности питаться так, как привыкли они с детства: преобладающая в их обычном рационе рыба почти отсутствует, и при высоких на нее ценах иметь в Тобольске рыбный стол нельзя, кое-как хватает на мясную пищу. Из-за недостатка питания у нацменов Севера происходит упадок энергии и здоровья. Поэтому необходима дотация к стипендии». Размер стипендии учащимся подготовительного отдела в феврале 1928 года был увеличен до 15 руб. По решению Тобольского комитета Севера некоторым студентам в случаях острой необходимости выдавали единовременное материальное пособие, предоставляли курортные путевки. В праздничные дни стол учащихся отделения народов Севера был более калорийным, в рационе преобладали мясные и молочные блюда. Учебные занятия в такие дни сокращались до двух часов. Не свойственное организму коренных жителей Севера питание пагубно сказывалось на здоровье учащихся. От недоедания и отсутствия теплой одежды многие заболевали и отправлялись на длительное лечение. Были случаи и с летальным

---

[9] Там же.

исходом. Так, от скоротечной чахотки умер остяк Г.Ленгин. Большинство ребят страдали малокровием[10].

На одном из заседаний Комитета Севера в 1927 г. в протоколе отмечалось: «Необходимо интенсивное развертывание работы отделения народов Севера при Тобпедтехникуме с интернатом для туземцев, но ввиду замечающегося развития среди учащихся туземцев тузтехникума алкоголизма и болезней (туберкулез), отрыва их от родной среды, желательно поставить вопрос об организации отделения народов Севера в Березове»[11].

Наряду с решением проблем социально-бытовой неустроенности, требовалось решать вопросы процесса обучения: каковы должны быть структура, программы, средства и методы обучения? В структуре подготовительного отделения было определено три группы: младшая, средняя и старшая. Для младшей подготовительной группы объем знаний ограничивался 2—3 годами обучения в школе 1-й ступени, для средней — подготовкой за курс школы-четырехлетки, для старшей — не ниже семилетки. За это время учащиеся проходили курс, рассчитанный в русских школах на 4—5 лет. Затем учащиеся подготовительного отделения могли поступить на основной курс техникума, сдав экзамены по арифметике, русскому языку, туземному языку, физике, географии. Предпочтение в любом случае отдавалось детям бедняков и середняков.

Так, в списке учеников Цингалинской школы 1-й ступени Самаровского района, направленных для поступления на подготовительное отделение народов Севера в 1927 г., значились: Исакова Антонина, 11 лет, середнячка; Салтанов Федор, 15 лет, бедняк; Салтанов Тихон, 13 лет, бедняк; Салтанова Дарья, 13 лет, бедняч-ка. Для третьего года обучения: Киселев Валентин, 12 лет, сирота; Кулаков Григорий, 13 лет, бедняк; Исакова Нина, 13 лет, бедняч-ка; Мамокаев Михаил, 13 лет, бедняк. Поскольку эти ребята умели читать и писать, их зачислили во вторую группу — группу 2-го года обучения.

Учебный план на отделении включал дисциплины: русский язык, математику, остяцкий, самоедский, вогульский языки,

---

[10] См.: Еремеева О. Туземная школа. С. 24.

[11] ТОЦДНИ. Ф. 30. Оп. 1. Д. 607. Л. 120.

рисование, ручной труд, физвоспитание, естествознание, физику, химию, обществоведение, географию. Иностранный язык изучали только в старшей группе. Обязательным для всех был остяцкий язык. Учащиеся других национальностей изучали, кроме того, еще и родной язык. Туземцы были обеспечены учебниками и письменными принадлежностями. Для посещения кинотеатра выдавалось по 2 рубля на человека в месяц. В своих воспоминаниях А.П.Мелиновская писала, что «советская власть дала им все необходимое для учебы и культурного роста»[12].

Учеба на подготовительном отделении давала право последующего поступления в средние профессионально-технические учебные заведения различных специальностей без экзаменов. Некоторые учащиеся переводились на первый курс педтехникума. Так, в 1930 г. были переведены успешно закончившие подготовительное отделение: А.Валеева, Р.Витязева, Н.Исакова, П.Онин, М.Соколова, Д.Филиппова. Учащиеся, которые имели неудовлетворительные оценки по отдельным предметам, могли за лето их исправить. Кроме того, для них три раза в неделю проводились вечерние занятия в интернате. А студенты четвертого курса педагогического техникума взяли над туземцами шефство, что значительно способствовало повышению культурного уровня учащихся Севера.

На отделении народов Севера функционировало методическое совещание, которое состояло из преподавателей и представителей от учащихся. На его заседаниях решались вопросы учебно-воспитательного характера: организация воспитательной работы, обсуждение производственных планов и программ, преподавание различных предметов, организация досуга учащихся, приобретение игр, литературы, организация музыкальных групп и т.п. Те программы, которые не утверждались на методическом бюро, подлежали доработке. С этой целью создавалась специальная комиссия из представителей техникума, общества изучения края и окружного методического бюро.

Подготовительное отделение в 1928/29 учебном году располагало широкой сетью вспомогательных учреждений: интернатом, опытной школой, а также учебным хозяйством, расположенным

---

[12] Цит. по: Еремеева О. Туземная школа. С. 25.

в девяти верстах от города. Проблема комплектования туземного отделения оставалась актуальной в течение всего периода второй половины 1920-х гг. Так, 2 октября 1929 г. в постановлении президиума Тобольского окрисполкома по вопросу о туземном техникуме обращалось особое внимание на комплектование туземного отделения, поскольку набрать учащихся из числа коренных народов оставалось проблемой. Найти желающих, выделить средства на отправку в Тобольск — все это ложилось на районное руководство[13]. В 1931 г. количество учащихся отделения народов Севера увеличилось до 210 человек[14].

Вот как вспоминает и описывает свое обучение и пребывание в Тобольске ветеран педагогического труда И.Каскин: «Школа народов Севера — трехгодичное подготовительное отделение при Тобольском педтехникуме. В 1928—29 г. в отделении было три группы. В 1930—31 г. выпускная третья группа состояла из 17 человек. В 1931—32 г. автор поступил на 1 курс Тобольского педтехникума. Сидели по 5—6 человек за одним столом. Обучение было бригадным. Учитель проводил вводную беседу. Затем мы разбирали тему самостоятельно по учебнику и другим материалам. Заканчивалось изучение темы собеседованием. По активности каждой бригады учитель выставлял оценки.

После окончания 1 курса нас перевели на учебу в Остяко-Вогульск. После окончания каникул, в августе, на 2-й курс педтехникума вернулось только четверо. Из-за малого контингента второй курс не стали открывать. Директор техникума С.Ф.Пестов направил нас в распоряжение окружного отдела народного образования, который определил нас на 6-месячные курсы учителей, проходивших в Самарово. Мы приехали, когда учиться оставалось 3 месяца. Закончили учебу в декабре. Так в 17 лет мы стали учителями»[15].

Помимо учебных занятий, почти все учащиеся состояли в различных кружках и добровольных обществах. Большинство ребят посещали физкультурный кружок и кружок рукоделия, чуть меньше — авторский. В вечернее время в интернате работали

---

[13] ГАХМАО. Ф. 16. Оп. 1. Д. 8. Л. 30.

[14] См.: Еремеева О. Туземная школа. С. 25.

[15] Каскин И. Как мы стали учителями. С. 27.

кружки по изучению остяцкого языка, математический, политический. Кроме того, учащиеся состояли в различных комиссиях: санитарной, хозяйственной, культурной, революционной, Красного Креста и в редакционной коллегии.

На отделении народов Севера была создана четкая система самоуправления. Высшим органом власти в интернате являлось исполнительное бюро. Еженедельно проводились собрания, на которых решались жизненно важные вопросы. Через каждые шесть месяцев происходили перевыборы членов исполнительного бюро. Наиболее серьезные вопросы выносились на обсуждение общего коллективного собрания. Уже в 1927/28 учебном году в культурной работе исполнительного бюро интерната имелись большие достижения: были организованы клуб, пионерский отряд, санитарная и библиотечная комиссии, создана местная стенгазета и т.д. В интернате царила строгая дисциплина. Круглосуточно дежурили члены исполнительного бюро, с 6 до 8 часов вечера — преподаватели[16].

При педтехникуме проводили ускоренные курсы для подготовки учителей. Вспоминает А.Иванов, ветеран педагогического труда: «Нас было семеро 16—17-летних юнцов, когда мы в июле 1931 г. прибыли в распоряжение Сургутского районо со свидетельствами на руках. В них было отмечено, что мы ускоренно закончили семимесячные курсы при Тобольском педагогическом техникуме. При этом изучали следующие предметы: пятилетний план народного хозяйства, политэкономию, экономполитику, радиотехнику, математику, основы индустриального и политехнического воспитания и образования, естествознание и эволюционную теорию, сельское хозяйство и сельхозхимию, педагогику и педологию, анатомию и гигиену, русский язык, основы краеведения и военное дело. Ознакомлены и с методиками родного языка, арифметики, естествознания, труда, рисования, пения, физкультуры, обществоведения, комплексно-проектного преподавания.

Мы, то есть я, А.Силин, И.Кайдалов, А.Шахов, П.Лаверков, К.Пак, Н.Загайнова и Д.Туполева, несмотря на такую обширную науку, указанную в свидетельстве, на самом деле ничего не знали и не были готовы к работе в школе. Такая наука, как педология,

---

[16] См.: Еремеева О. Туземная школа. С. 25.

была осмеяна, комплексно-проектная система отменена. О практикумах и краеведении и мечтать не приходилось. Особенно в национальных школах, где мне пришлось работать»[17]. Вот такая интеллигенция выходила из педтехникума в школы. Собственно, это были даже не выпускники техникума, а учащиеся, закончившие подготовительное туземное отделение. Конечно, назвать их интеллигентами ни по каким признакам нельзя. Однако нельзя не отметить значение опыта работы по созданию и организации отделения народов Севера в Тобольском педагогическом техникуме, который был впоследствии использован для организации самостоятельных национальных педагогических техникумов и училищ в Обдорске и Остяко-Вогульске. К сожалению, не удалось установить количество выпускников туземного отделения, продолживших обучение в техникумах. Полагаем, что первые специалисты со средним специальным образованием могли выйти из стен учебного заведения не ранее 1935 года. Таким образом, роль туземного отделения и техникума в подготовке педкадров для школ Севера в те годы весьма скромная, было положено лишь начало работе по подготовке кадров для начальной школы.

Другим учебным заведением, которое в середине 1920-х гг. организовало обучение молодежи из туземцев, было северное отделение в Ленинграде. Все советские североведы восторженно писали об Институте народов Севера и его роли в подготовке национальной интеллигенции из коренных народов. Рассмотрим, как обстояло дело в реальности. Предыстория института связывалась с началом подготовки кадров и, по единодушному мнению советских исследователей, уходила в 1925 год, когда при рабфаке Ленинградского университета была организована северная группа. Ч.М.Таксами писал, что «планомерная и организованная подготовка через учебные заведения началась в 1925 г., с момента создания первого в истории специального Института для народов Севера»[18]. Количество первых слушателей трудно установить. Так, В.А.Зибарев и А.Г.Базанов считали, что их было 26[19],

---

[17] Иванов А. Школа в моей судьбе. С. 32.

[18] Таксами Ч.М. Основные принципы и вопросы... С. 158.

[19] См.: Зибарев В.А. Советское строительство... С. 88; Базанов А.Г. Первые шаги советской власти... С. 41.

Ч.М.Таксами писал о 21 учащемся[20]. Е.Кузакова указала, что первая группа студентов из числа народов Севера была сформирована в составе 19 человек[21]. Д.В.Герасимова внесла определенную ясность в данный вопрос. Она пишет, что в 1925 г. на рабфак приехали 19 северян и 7 представителей других сибирских и поволжских народностей. В 1926 г. был организован рабфак Ленинградского института живых восточных языков, куда включили и студентов, приехавших в 1925 г.[22]

В 1927 г. открылся Северный факультет Ленинградского Восточного Института имени А.С.Енукидзе. Правила приема включали обширный перечень требований к абитуриенту[23] (см. приложение 9). В северные окружкомы для поступающих была выслана специальная анкета, которую следовало заполнить для поступления на факультет (содержание «Анкеты для поступающих на Северный факультет Ленинградского Восточного Института им. А.С.Енукидзе в 1929—30 учебном году» см. в приложении). Срок обучения на северном факультете был 4 года. Однако учеба часто продолжалась 5—6 лет из-за слабой общеобразовательной подготовки северян[24]. На факультет из северных районов Тобольского округа было командировано в период с 1926/27 учебного года по 1928/29 учебный год 23 человека (табл. 21).

Таблица 21

Количество учащихся, отправленных на Северный факультет Ленинградского Восточного Института им. А.С.Енукидзе в 1926/27 — 1928/29 учебных годах[25]

Год	1926/27	1927/28	1928/29
Количество учащихся	8 человек	8 человек	7 человек

[20] См.: Таксами Ч.М. От таежных троп до Невы. С. 27.

[21] См.: Кузакова Е. Факультету народов Крайнего Севера — 70 лет // Югра. 1999. № 10. С. 28.

[22] См.: Герасимова Д.В. Факультет народов Крайнего Севера — традиции и современность // Обские угры на пороге третьего тысячелетия. Ханты-Мансийск, 2001. С. 98.

[23] ЦДНИТО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 87. Л. 26.

[24] См.: Таксами Ч.М. От таежных троп до Невы. С. 29.

[25] ТОЦДНИ. Ф. 30. Оп. 1. Д. 848. Л. 23 об.

Опыт деятельности северного отделения привел к созданию другого учебного заведения, которое начало осуществлять подготовку кадров по нескольким направлениям. Речь идет об Институте народов Севера (ИНСе). В советской историографии устойчиво преобладало мнение о той большой роли, которую он играл в подготовке интеллигенции для Крайнего Севера, являясь в 1930-е гг. своего рода, по мнению ученых, «кузницей кадров». Так, В.Н.Увачан оценивал деятельность ИНСа как «колоссальную в подготовке кадров малых народностей Севера»[26]. Ф.Кронгауз писал: «Большую роль в просвещении народов Севера, в приобщении их к социалистической культуре великого русского народа сыграл Институт народов Севера»[27]. Л.В.Хомич отметила, что в ИНСе стала вестись подготовка кадров для северных школ[28]. Обратившись к документам Центрального государственного архива г.Санкт-Петербурга (Ф. 9471. Институт народов Севера им. Смидовича. Оп. 1.) и к документам, извлеченным из Центра документации новейшей истории Омской области, можно не только поспорить с утвердившимся мнением о большой роли ИНСа в подготовке кадров национальной интеллигенции в 1930-х гг., но и пересмотреть ее.

Свою официальную историю ИНС отсчитывает с 1930 года. Институт был организован на базе северного факультета Ленинградского института живых восточных языков, находился в ведении ЦИК. Задачи учебного заведения были определены в «Положении», утвержденном Ученым комитетом ЦИК СССР 18 марта 1932 г., и сводились они к работе по подготовке из среды коренного населения специалистов средней квалификации. Кроме того, институт был призван проводить переподготовку кадров средней и высшей квалификации по советско-партийному и культурному строительству, кооперативно-колхозной работе, промышленному делу для Севера, а также готовить кадры научных работников[29].

---

[26] Увачан В.Н. Великая Октябрьская социалистическая революция и малые народы Севера // Просвещение на Крайнем Севере. Л., 1967. Вып. 15. С. 21.

[27] Кронгауз Ф.Ф. Основные проблемы... С. 137.

[28] См.: Хомич Л.В. Ненцы. С. 305.

[29] См.: Таксами Ч.М. От таежных троп до Невы. С. 30.

Структура ИНСа планировалась в виде четырех подразделений: подготовительный сектор (1—2 года обучения); основной четырехгодичный сектор, состоящий из трех отделений: советско-партийного, педагогического и экономического; Северо-Азиатский семинар с трехгодичным сроком обучения; научно-исследовательская ассоциация[30]. Однако в практической жизни и деятельности учебного заведения структура несколько видоизменилась и была представлена следующим образом:

1. Одногодичное подготовительное отделение, готовившее к поступлению на первый курс техникума;

2. Техникум с отделениями: советско-партийным, кооперативно-колхозным и педагогическим.

С момента возникновения в техникум и на подготовительное отделение принималась молодежь в возрасте от 16 до 28 лет. Поступающие должны были владеть русской речью, уметь читать и писать, а также знать четыре действия арифметики. Перечисленные требования приравнивались по уровню знаний к программе начальной школы, однако и эти требования для аборигенов Северо-Западной Сибири являлись высокими. Сплошная неграмотность среди коренных жителей не позволяла им поступать в ИНС. Трудности набора учащихся вынуждали резко снижать уровень требований, предъявлявшихся к поступавшему. Иногда приходилось принимать абсолютно безграмотных туземцев, с которыми работали по программе школ ликбеза[31].

Институт Народов Севера по объему и содержанию программ, а также по структуре учебного процесса нельзя отнести к высшим учебным заведениям, а можно лишь говорить о том, что он выступал в качестве школы и техникума. В 1939 г. в структуре ИНСа произошли изменения. Был создан учительский институт (срок обучения — 3 года) и педагогический институт (срок обучения — 5 лет). Рассмотрим набор и выпуск ИНСа в 1930-е гг. на основе списков личного состава указанного института, извлеченных из Центрального Государственного архива г.Санкт-Петербурга (табл. 22).

---

[30] См.: Кронгауз Ф.Ф. К истории советской школы... С. 40.

[31] См.: Там же. С. 41.

Таблица 22

Число обучавшихся в Ленинградском Институте народов Севера в 1931—1937 гг.[32]

Год	Число обучавшихся	В том числе из Ямальского и Остяко-Вогульского округов	Число окончивших ИНС	В том числе из Ямальского и Остяко-Вогульского округов
1931	сведений нет	34	16	ни одного
1932	сведений нет	34	17	3
1933	114	50	14	2
1934	155	7	31	3
1935	сведений нет	сведений нет	18	3
1937	291	48	сведений нет	8

Приведенные сведения позволяют сделать вывод: за пять лет — с 1931 по 1935 гг.— из стен учебного заведения вышли всего 11 человек, которые были направлены на работу в Ямало-Ненецкий и Остяко-Вогульский округа с образованием, приравненным к среднему специальному. Докладная записка по Ямальскому округу (1936 г.) дополняет картину набора в ИНС. «За время с 1931 г. (по 1936 г.— *Л.А.*) в Институт народов Севера направлено всего 22 человека ненцев и ханты, из них 14 человек на продолжительное обучение и 8 человек на краткосрочные курсы. Институт пока окончила только одна ненка»[33]. Первой выпускницей ИНСа была Е.Д.Хатанзеева, которая в 1931 г. получила распределение в свой округ[34]. «С 1931 по 1936 гг. краткосрочные курсы окончили 7 человек — представители Ямало-Ненецкого округа»[35]. «Десять мест, предоставленные в текущем году (1935 г. — *Л.А.*) для ИНСа, остались незаполненными. Остались незаполненными также два места, предоставленные в Московский институт

[32] Таблица составлена по: ЦГАСПб. Ф. 9471. Оп. 1. Д. 3. Л. 2; Д. 5. Л. 27; Д. 8. Л. 4—15; Д. 13. Л. 3—4; Д. 17. Л. 1—23.

[33] ЦДНИОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 980. Л. 51.

[34] ЦАГСПб. Там же. Д. 13. Л. 4. См.: Кузакова Е. Факультету народов Крайнего Севера — 70 лет. С. 28—29

[35] ЦДНИОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 980. Л. 51.

советского строительства»[36]. «Такое же затруднение испытывает округ и при комплектовании своих учебных заведений»,— указывалось в окружных отчетах[37]. Таким образом, с 1930 по 1937 гг. в ИНСе из Ямальского округа обучались всего 12 человек![38] В 1932—1933 гг. не было ни одного выпускника для Ямала. В 1934 г. выпустили 2 человека. Лишь в 1937 г. 8 человек из коренных жителей закончили ИНС и поехали работать на Ямал.

На одном из заседаний Микояновского райисполкома (5 сентября 1937 г.) рассматривался вопрос о посылке учащихся в Ленинградский ИНС на Центральные курсы советского строительства. Было решено отправить на учебу сроком на 1 год Лазареву Лидию Ивановну, председателя Больше-Атлымского совета[39]. Вышеизложенные факты позволяют заключить, что преувеличивать роль ИНСа в подготовке кадров для отдаленных северных районов в 1930-е гг. не стоит. Тем не менее следует заметить, что несмотря на столь незначительное число учащихся, прошедших обучение в ИНСе в 1930-х гг., пребывание последних в течение нескольких лет в центральном учебном заведении, общение с преподавателями и сама жизнь в Ленинграде все же накладывали свой неизгладимый отпечаток на этих первых представителей так называемой национальной интеллигенции. Очевидно и другое: то количество выпускников, обучившихся в ИНСе в различных его структурах и приехавших на работу в округа, не могло решить кадровую проблему и тем более не могло рассматриваться как факт создания национальной интеллигенции. Ни один из выпускников-северян, представителей коренных народов, до войны не получил высшего образования.

Нельзя не сказать о филиале Северного факультета, который был открыт в Томске и носил название «рабфак Северного факультета», о котором сведений в научной литературе не представлено[40]. В информационном письме ответственного секретаря

---

[36] Судьбы народов Обь-Иртышского Севера (Из истории национально-государственного строительства. 1822—1941 гг.). Тюмень, 1994. С. 251.

[37] ЦДНИОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 980. Л. 51.

[38] ЦАГСПб. Там же. Д. 3. Л. 2.

[39] ГАХМАО. Ф. 337. Оп. 1. Д. 1. Л. 15.

[40] Во второй половине 1920-х гг. в Томский округ Сибкрая входила территория Ларьякского туземного района (ныне Нижневартовский район). Район был

Томского окружного Комитета Севера Мягкова в Александровский райком ВКП (б) от 23 августа 1929 г. сообщалось, что у Комитета Севера есть 6 свободных мест на Северное отделение Томского рабфака. Там же перечислялись требования к кандидатам, которые были аналогичны требованиям, предъявляемым в Ленинградском Восточном институте[41]. Прием осуществлялся с 15 августа по 1 сентября. «Проезд за счет местных средств. С момента зачисления на Северное отделение Рабфака студент пользовался бесплатно общежитием и получал стипендию — 25 рублей в месяц. Одежда и белье были свои. При посылке кандидат должен был запастись соответствующими документами[42]. Из переписки Томского Комитета Севера с Александровским райкомом видно, что набрать на рабфак слушателей из числа остяков было сложно, имелась всего одна отвечающая требованиям кандидатура.

Таким образом, предоставление мест в центральные, областные и окружные учебные заведения, соответствующие уступки в плане подготовленности абитуриентов не позволяли укомплектовать эти заведения туземцами. В Ямальском округе «основной бедой при подборе людей для направления в учебные заведения и на всякого рода курсы было отсутствие грамотного резерва. По этой причине за последнее время посылка националов в учебные заведения за пределы округа почти прекращена»[43]. В феврале—

отдаленным и труднодоступным, а весной и осенью связи с районом не было вообще. Проблема кадров для него была особенно актуальна, поэтому подразумевалось, что туземцы северных территорий могли учиться здесь, т.е. значительно ближе, чем в Ленинграде.

[41] Кандидат, поступавший на рабфак, должен отвечать следующим требованиям: «быть туземцем, хорошо знающим свой язык, происходить из трудовой семьи, иметь возраст от 16 до 28 лет, владеть русской речью, читать и писать по-русски, знать четыре действия по арифметике, не страдать заразными болезнями, а также не иметь других физических недостатков, не страдать психическими или нервными заболеваниями». См.: ЦДНИТО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 87. Л. 74.

[42] Справка от местных организаций о социальном положении; командировочное удостоверение; справка об учебной подготовке; справку об общественной работе, если таковая производилась; справку о возрасте; врачебное свидетельство о состоянии здоровья; справка о принадлежности к той или иной социальной группе». См.: Там же. Л. 74—74 об.

[43] Судьбы народов Обь-Иртышского Севера. С. 251.

марте 1932 г. состоялся первый Ямальский национальный съезд советов, на который были приглашены туземцы, уехавшие учиться. Каждому из присутствовавших было предоставлено слово. Так, учащийся ИНСа Айваседа говорил: «Мы, ненцы, уехав в Ленинград учиться, ждем и не можем дождаться, что туземная беднота и батрачество пошлют учиться своих детей. Не можем дождаться, может быть, потому, что боятся ненцы не увидеть своих выучившихся детей. Это неверно. Выучимся и вернемся работать в тундру. Беднота и батрачество должны отдать в учебу своих детей для того, чтобы ковать свои национальные кадры, ... работников для преобразования тундры»[44].

В начале 1930-х гг. со всей очевидностью проявилась невозможность осуществить массовую подготовку кадров для северных районов в удаленных городах. Содержание учащихся требовало больших затрат, а самим учащимся тяжело было жить вдали от родных мест в течение длительного времени. Школьное строительство тормозилось отсутствием учительских кадров, поэтому как только в национальных округах оформились управленческие структуры, была начата работа по открытию национальных педтехникумов. Педагогические училища должны были подготовить из коренного населения учителей начальных школ народов Севера. В 1932 г. была начата работа по открытию педагогических училищ в Обдорске и Остяко-Вогульске. Первоначально педучилище в Остяко-Вогульске называлось туземным техникумом. В 1932 г. набрали 112 человек: 74 мужчины, 38 женщин, из числа учащихся 109 человек были нерусской национальности. По возрасту учащиеся были от 15 до 20 лет. В 1933 г. на подготовительное отделение взяли 18 человек, а на 1-й курс — 15, из них 13 были аборигенами[45]. Полный курс обучения составлял три года. По разным причинам учащиеся не всегда его оканчивали и приступали к работе.

А.Иванов учился в Остяко-Вогульском педучилище в 1934/35 учебном году, о пребывании в нем он оставил свои впечатления: «Летом 1934 года на курсах усовершенствования в Ханты-Мансийском педучилище директор Пестов Степан Филиппович

---

[44] ГАЯНАО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 5. Л. 4.

[45] ГАХМАО. Ф. 42. Оп. 1. Д. 1. Л. 6—15.

предложил мне и Могилевой Нине Ивановне сдать экзамены за два курса и поступить на очное отделение педучилища. Так к осени мы стали студентами выпускного третьего курса. Одновременно с учебой я преподавал рисование на первом и втором курсах. Это позволяло мне жить безбедно. Весной 1935 года состоялся первый (исторический) выпуск училища (техникума). Я получил назначение в Сургутский районо инспектором по национальным школам. Это назначение также было первым в истории района»[46].

В Остяко-Вогульском педучилище с 1935 по 1938 гг. наблюдалось ежегодное увеличение числа учащихся (табл. 24).

Таблица 24

Численность учащихся в педучилище Остяко-Вогульска в 1935—1938 гг.[47]

Год	1935/36	1936/37	1937/38
Число учащихся	78	122	159

Училище в Остяко-Вогульске с 1935 по 1940 гг. выпустило 80 учителей начальной школы, из них 37 — коренной национальности[48]. В 1938 г. выпуск составил 18 человек; из 160 учащихся представители коренных народов составляли 80 человек[49]. Материалы об Остяко-Вогульском училище в предвоенные годы представлены паспортом и отчетом за 1939—1941 гг. На основе их изучения удалось конкретизировать и прояснить ряд существенных моментов в положении учебного заведения. Педучилище располагалось в деревянном двухэтажном здании вместе с вечерней школой, имелось общежитие, в котором проживали 128 учащихся, 36 человек жили на частных квартирах. В 1939 г. на первых трех курсах было сформировано по 2 группы учащихся, на четвертом — одна. В училище было два отделения с числом учащихся в 1939 г.— 166, в 1940 г.— 156 человек (табл. 25).

---

[46] Иванов А. Школа в моей судьбе. С. 34.
[47] ГАХМАО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 81. Л. 22 об.
[48] См.: Патрикеев Н. Первые шаги… С. 38.
[49] ГАХМАО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 81. Л. 23.

Таблица 25

Число обучавшихся на национальном и русском отделениях в Остяко-Вогульском педучилище в 1939—1940 гг.[50]

Отделение	1939 г.	1940 г.
Национальное	67	62
Русское	99	94

Успеваемость была на уровне 80%. Так, за 1940/41 учебный год успеваемость составляла 80,7%[51]. Учащиеся получали стипендию, при назначении которой учитывались показатели учебы и материально-бытовые условия. Библиотека содержала 1 468 экземпляров художественной литературы и 1 117 экземпляров литературы педагогической. Кроме этого, библиотека располагала 3 976 учебниками и 282 детскими книгами. Остро стояла проблема с учебниками по истории (их просто не было) и с подпиской на журналы «Начальная школа» и «Советская педагогика»[52]. Училище было оснащено самой необходимой мебелью: двухместные парты, шкафы, столы, стулья и даже два дивана. В училище имелась гармонь, гитара, 6 мандолин, патефон и 30 пластинок, 3 киноаппарата. Работали 14 преподавателей, 9 из них имели высшее образование. Директор училища Иван Петрович Игнатов окончил Ленинградский пединститут в 1937 г.; кроме него, еще трое были выпускниками этого вуза. Три педагога окончили Омский пединститут и два — Тюменский. Половина преподавателей были довольно молодыми людбми (окончили вуз в 1936—38 гг.). Национальные языки преподавали учителя, не имевшие высшего образования. Язык манси преподавала Анисимова Мария Ивановна (окончила Высшие курсы при Ленинградском пединституте в 1932 г.), язык ханты преподавал Петр Яковлевич Хамзаров (окончил Ленинградский техникум народов Севера в 1938 г.)[53].

В отчете о работе училища за 1940/41 учебный год, обнаруженном в окружном архиве, подчеркивается, что «грамотность учащихся еще не соответствует требованиям, предъявляемым

[50] Там же. Д. 149. Л. 1.
[51] Там же. Л. 1.
[52] ГАОО. Ф. 1272. Оп. 1. Д. 102. Л. 1. Л. 2—7.
[53] Там же. Л. 1 об. — 2 об.

приказом Наркомпроса. Выпускники не получали в полной мере навыков воспитательной и учебной работы»[54]. Можно констатировать, что в предвоенные годы деятельность Остяко-Вогульского педучилища стабилизировалась[55] и учебное заведение стало регулярно выпускать учителей начальной школы. Тому в немалой степени способствовала принятая в 1938 году Наркомпросом РСФСР специальная инструкция по применению положения о педтехникумах народов Севера. В документе выделялись следующие моменты:

1. Срок обучения устанавливался 4-летний (не считая подготовительного отделения).

2. Комплектование предлагалось проводить только из числа лиц, знающих туземный язык и самих туземцев.

3. Структура педтехникума предполагала наличие трех отделений: школьного, дошкольного и политико-просветительного с 2—3-летним подготовительным отделением.

4. Язык преподавания — русский, родной язык преподается в качестве предмета.

5. Интернат при педтехникуме предоставлялся учащимся из числа народов Севера.

Предложение об открытии педтехникума в Ямало-Ненецком округе прозвучало в решениях первого Съезда советов, где подчеркивалось, что с осени 1932 г. необходимо открыть подготовительное отделение[56]. Л.Е.Киселев писал, что первый набор был осуществлен в Обдорское училище в 1932/33 учебном году (33 человека), однако после окончания учебного года учащиеся выехали на каникулы и обратно не вернулись (остался только один учащийся)[57]. В новых источниках, обнаруженных нами, указывается, что учеба началась в 1933/34 учебном году[58]. Большой «отлив» наблюдался и в последующие годы. Удалось восстановить деятельность Обдорского техникума лишь в 1935 г. Его комплектованию во многом способствовало разрешение о принятии на

---

[54] ГАХМАО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 149. Л. 1.

[55] См.: Кронгауз Ф.Ф. К истории советской школы… С. 48—49.

[56] ГАЯНАО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 5. Л. 35.

[57] См.: Киселев Л.Е. Партийное руководство… С. 170.

[58] ЦДНИОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 980. Л. 51.

учебу детей спецпереселенцев. В сентябре 1936 г. в докладной записке по Ямальскому округу сообщалось: «В нацпедтехникуме обучаются 60 человек. Первый выпуск будет не ранее 1937 г. Грамотность студентов 1-го основного отделения хорошая, насколько можно судить по просмотренным тетрадям отдельных студентов (Хатанзеева Елена учится два года, кончила до поступления в техникум три класса начальной школы)»[59].

В 1938 г. В Салехардском педучилище из 130 учащихся представители коренных национальностей насчитывали 43 человека[60]. О положении училища накануне войны можно судить по годовым отчетам за 1938/39 и 1939/40 учебные годы[61]. Училище располагалось в деревянном одноэтажном здании. Неоднократные попытки директора училища решить вопрос о строительстве нового здания не имели успеха. Так, 19 марта 1940 г. им была направлена докладная записка в Наркомпрос и Омское облоно «О необходимости постройки здания для педучилища». В документе сообщалось: «С внешней стороны — исключительно печальное зрелище. Одноэтажное, низкое здание, поддерживаемое скреплениями, так как строилось в свое время без всяких технических правил. Общее количество классных комнат — пять, и одна комната отведена под физкультурный кабинет»[62]. Типового общежития не было. «Теснота в общежитиях ужаснейшая, нет возможности поставить столы для подготовки к занятиям»[63].

Учащиеся (109 человек в 1939 г. и 140 — в 1940 г.) жили в пяти—шести приспособленных домах. Нуждались в общежитии еще 40 учащихся. На подготовительном отделении было сформировано 4 группы: на 1-м курсе — по две, на 2-м и 3-м в 1939 г.— по одной, а в 1940 г. одна и две соответственно, на 4-м курсе группы не были сформированы. Занятия проходили в две смены. 1-я смена — старшие классы (с 8.30 до 15.05), 2-я смена — подготовительное отделение (с 15.20 до 21.00). 1939/40 учебный год начался вовремя — 1 сентября. Здание училища и интернаты в

---

[59] Там же. 1796. Л. 11.
[60] Там же.
[61] ГАОО. Ф. 1272. Оп. 1. Д. 102. Оп. 1. Д. 101. Л. 7—11.
[62] ГАЯНАО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 23. Л. 14.
[63] Там же. Л. 15.

летний период были приведены в порядок (побелка, покраска полов, парт, досок, коридорных дверей). Училище было оснащено партами в количестве 80 штук, несколькими шкафами, столами и стульями.

Обучение проходило по четвертям. Методика преподавания была следующей: изложение учителя, самостоятельная работа, повторение и упражнения на уроке и дома. Успеваемость зафиксирована на уровне 73—78% .

В предвоенные годы набор учащихся увеличивался (табл. 26).

Таблица 26

Количество учащихся в Салехардском училище в 1938/39—1939/40 учебных годах[66]

Учебный год	Количество учащихся
1938/39	194
1939/40	233

В 1940 г. обучались 230 учащихся. Выпуск составил 20 человек, набор — 60. Учащиеся проходили педпрактику, которая предполагала наблюдение за работой учителя и пробные уроки. Педсоветы собирались 2 раза в месяц: 1-го и 15-го числа[64].

В августе 1940 г. училище было обследовано бригадой инспекторов Омского облфо и облоно (табл. 26). Проверка показала, что 50% от состава учащихся составляли русские. С 1938 по 1940 гг. всего было выпущено 55 человек. Учащиеся получали стипендию от 60 до 140 руб. в зависимости от класса и группы. У ненцев стипендия составляла от 90 до 110 руб.[65]

Проверка обнаружила проблему укомплектования училища учащимися из коренного населения и низкий уровень знаний этих учащихся. Так, на подготовительном отделении изучали программу 6—7-х классов средней школы. Не хватало специальной педагогической литературы, газет и журналов. Библиотечный фонд училища был представлен в основном учебной литературой (табл. 27).

---

[66] Там же.
[64] ГАОО. Ф. 1272. Оп. 1. Д. 102. Оп. 1. Д. 101; Там же. Л. 6—6 об., 30, 36, 39.
[65] Там же. Л. 44—44 об.

Таблица 27

Библиотечный фонд Салехардского училища в 1939—1940 гг.[67]

Год	Всего книг	Учебники	Педагогическая литература
1939	3 630	2 900	17
1940	6 620	4 389	318

В училище было 13 преподавателей. 7 преподавателей имели высшее образование. Директором училища был Борис Моисеевич Годисов (выпускник Пермского пединститута). В училище проводилась воспитательная работа с учащимися: организовывались вечера самодеятельности, просмотры кино, читались доклады, лекции[68].

Таким образом, лишь в конце 1930-х гг. стали поступать в начальные школы Севера Западной Сибири учителя, получившие образование в национальных педучилищах. Вывод очевиден: перелома в обеспечении школ кадрами не произошло. Училища в два предвоенных года выпускали не более 40 человек в год. За период с 1935 по 1941 гг. училища выпустили около 150 специалистов средней квалификации. От общего числа учителей Обь-Иртышского Севера это составило 20%. В 1940 г. количество учащихся в обоих окружных педучилищах составляло 344 человека, из них 128 были представителями коренных национальностей (табл. 28).

Таблица 28

Количество учащихся в окружных педучилищах в 1940 г.[69]

Название педучилища	Количество учащихся	В том числе представителей коренных национальностей
Ханты-Мансийское	164	58
Салехардское	180	70

[67] ГАОО. Ф. 1272. Оп. 1. Д. 101. Л. 45, 63, 67.
[68] Там же. Л. 2 об., 70.
[69] См.: Кронгауз Ф.Ф. К истории советской школы... С. 49.

Однако учителя первых выпусков имели крайне слабую подготовку. В качественном составе учителей улучшения почти не наступило. Многочисленные примеры подтверждают это. Так, окружной слет учителей-отличников, проходивший в Салехарде в 1936 г., «показал совершенно неудовлетворительное состояние работы школ округа». «Большинство учителей не имеют достаточной квалификации»,— отмечалось в материалах слета[70]. В январе 1938 г. на заседании оргкомитета Микояновского района указывалось: «Половина учителей не имеют соответствующего образования»[71].

Изучение опыта подготовки национальных педагогических кадров в местных учебных заведениях показало, что в них несколько легче решались проблемы комплектования учащимися и преподавателями из лиц коренного населения, чем в центральных и областных учебных заведениях. В близости расположения окружных педучилищ от места жительства учащихся состояло, возможно, главное преимущество этих учебных заведений.

Наряду с подготовкой учителей, которая к началу войны, можно констатировать, сложилась в национальных округах, требовалось решить для Севера проблему со специалистами в области медицины и ветеринарии. Здесь дело обстояло значительно хуже. В марте 1931 г. на заседании оздоровительной комиссии Комитета Севера при ВЦИК ставился вопрос о выработке плана подготовки кадров медицинских работников для северных районов. Никто толком не знал, сколько человек работает, в каких условиях. Поэтому вопрос был отложен для выяснения ситуации. Решили запросить местные Комитеты Севера на предмет учета кадров[72]. Приезжие медики, которых регулярно вербовали для работы на Севере, отработав год или два по договору, спешили уехать. Нерешенные проблемы быта, плохие условия труда, низкая зарплата — все это играло плохую роль, и кадры не задерживались. Поэтому самым верным способом было наладить подготовку на местах путем создания медицинских училищ в округах. Ханты-Мансийское медучилище начало работу в 1934 г. Тогда

---

[70] ТОЦДНИ. Ф. 135. Оп. 5. Д. 20. Л. 57.
[71] ГАХМАО. Ф. 337. Оп. 1. Д. 3. Л. 5.
[72] Там же. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1. Л. 5.

оно называлось Остяко-Вогульской фельдшерско-акушерской школой. Комплектование школы происходило с большими трудностями. В первые годы основной контингент пытались во что бы то ни стало скомплектовать из представителей местного национального населения. В 1934 г. был сделан первый набор из 34-х человек. Материальная база к началу открытия учебного года не была подготовлена. Не хватало необходимых принадлежностей, не говоря уже о лабораторном оборудовании.

В.Г.Карцов писал, что в 1936 г. в Остяко-Вогульском медицинском техникуме обучались 47 ханты и манси[73]. С 1935 по 1939 гг. число учащихся в этом учебном заведении росло (табл. 29).

Таблица 29

Число учащихся в Остяко-Вогульском медицинском училище с 1935 по 1939 гг.[74]

1935	1936	1937	1938	1939
48	62	84	146	196

Однако сведения по числу учащихся существенно расходятся. Документы окружного отдела образования содержат иные данные по числу учащихся в медучилище за 1935/36—1937/38 гг.[75] Первый выпуск медучилища состоялся в 1938 г. Были подготовлены 12 человек с квалификацией «фельдшер». В 1939 г. выпустили 18 фельдшеров. В 1940 г. — 26 фельдшеров и 23 акушерки[76]. Таким образом, общее число специалистов со средним образованием, подготовленных училищем, составило накануне войны 79 человек.

На 1 октября 1940 г. в учебном заведении обучались 192 человека. Среди педагогов квалификация распределялась следующим образом: с высшим образованием — 11 человек, с незаконченным

---

[73] См.: Карцов В.Г. Очерки истории народов Северо-Западной Сибири. М., 1937. С. 129.

[74] Там же. Д. 58. Л. 22.

[75] Число учащихся в Остяко-Вогульской фельдшерско-акушерской школе за период с 1935/36 по 1937/38 учебные годы выражалось показателями: 37; 52; 82 соответственно. См.: ГАХМАО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 81. Л. 22 об.

[76] Там же. Ф. 8. Оп. 1. Д. 58. Л. 22.

высшим — 2; со средним образованием — 2[77]. Можно констатировать, что кадры для того времени были достаточно квалифицированными. Однако нетрудно заметить, что набор и выпуск медучилища количественно существенно различаются. Выполняя решения местных органов власти о привлечении к обучению коренных народов, формируя группы и начиная учебный процесс, очень скоро обнаруживалось, что учиться молодежь коренных народов не может по причинам отсутствия знаний (принимали после окончания начальной школы), а также по причинам материальным, физического здоровья и прочим. Поэтому с 1935 г. в связи с известным постановлением о принятии на учебу детей спецпереселенцев ситуация несколько улучшилась, однако, как правило, заканчивали училище лишь 25—30% учащихся от проведенного набора.

Попытка подготовить медперсонал из числа коренных жителей большого успеха не имела, да и не могла иметь. В газете «Ханты Манчи Шоп» от 20 марта 1933 г. была помещена коротенькая заметка под заголовком «Туземца Пузина не учат», в которой содержалось следующее: «В Остяко-Вогульском окрздраве работает около года в качестве практиканта туземец — товарищ Пузин. Вся его работа заключается в том, что он ходит по баракам рабочих и заставляет последних ходить в баню. Никто не учит его работе и вообще им не интересуется»[78]. В Ямало-Ненецком округе медицинское училище накануне войны открыто не было, там в основном работал «завозной» медперсонал. Таким образом, если в Остяко-Вогульском округе накануне войны была налажена подготовка медицинских кадров средней квалификации, то в Ямальском округе такая подготовка отсутствовала.

Многочисленные хозяйственные, кооперативные и бюджетные организации требовали специалистов с экономическим, строительным и другим специальным образованием. Вопрос о подготовке кадров для финансовых отделов начал обсуждаться лишь со второй половины 1930-х гг. Упор делался на подготовку финансовых работников из числа коренных народов. Между тем проблема действительно стояла весьма остро. Из 12 сотрудников

---

[77] Там же. Ф. 202. Оп. 1. Д. 1. Л. 5—6.

[78] Ханты-Манчи Шоп. 1933. 20 марта.

Остяко-Вогульского окружного финансового отдела среднее образование имели 3 человека, а остальные — начальное. В 1936 г. финотдел принял решение отправить на курсы в Ленинградский финансово-экономический институт 14 человек, в Пермский финансово-экономический техникум — 1 человека. Из общего числа отправленных на учебу русских было двое, остальные — националы[79]. Таким образом, своих учебных заведений по подготовке специалистов для промышленности и сельского хозяйства в округах не имелось.

Ветеринарные кадры для Севера с его оленеводческим хозяйством играли исключительно важную роль, но их подготовка налажена не была. В 1929 г. ветврачей насчитывалось 4; ветфельдшеров — 6, т.е. всего 10 специалистов, которые работали в трех ветпунктах и на четырех участках[80]. Число кадров ветработников на Обь-Иртышском Севере было столь незначительно, что влияния на санитарную обстановку в крае они не оказывали. Стоит подчеркнуть, что в Уральской области в 1932 г. обеспеченность кадрами ветеринаров составляла всего 23%, а зоотехников — 6,2%[81], что уж говорить о северных районах! По некоторым данным, некомплект ветврачей составлял 66%, веттехников — 33%[82], однако думается, что эти сведения не отражают истинного положения дел, исходя из контекста общеуральской обстановки с кадрами.

Стоит оговорить, что руководство Уральской области было весьма озабочено состоянием кадров специалистов в сельском хозяйстве — оно предприняло попытку увеличения числа учебных заведений к концу первой пятилетки, однако проблема была решена в регионе лишь к концу 1960-х гг.[83] В 1932 г. в Уральской области было 5 институтов, 21 техникум, 28 совхозных училищ, которые начали подготовку зооветперсонала, а также агрономов и счетных работников для сельского хозяйства[84].

---

[79] ГАХМАО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 116. Л. 1—5.

[80] ТОЦДНИ. Ф. 30. Оп. 1. Д. 848. Л. 20.

[81] ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 10. Д. 156. Л. 233.

[82] ТФГАТО. Ф. 695. Оп. 1. Д. 165. Л. 26.

[83] См.: Алексеева Л.В. Сельскохозяйственное производство Уральской области в годы первой пятилетки (1928—1932 гг.). Дисс. ... канд. ист. наук. Курган, 1998. С. 128—129.

[84] См.: Там же.

Поскольку поголовье оленей было сосредоточено в Ямало-Ненецком округе, то было принято решение начать подготовку кадров для оленеводства из числа коренного населения. По решению Омского обкома ВКП (б) Салехардский оленеводческий техникум планировали организовать в 1935 г. Предполагалось, что срок обучения будет составлять 4 года[85]. Однако из-за отсутствия набора открыть учебное заведение не удалось. Открытие техникума перенесли на 1 октября 1936 г.[86] В 1937 г. в оленеводческом техникуме обучались 35 человек. Из них ненцев — 5, зырян — 7, ханты — 3[87]. В 1938 г. в Салехардском олентехникуме обучались 2 ненца, 3 ханты и 48 детей спецпереселенцев[88]. По другим данным, в 1938 г. в техникуме обучались 155 человек[89]. В первом полугодии 1940/41 учебного года на подготовительном отделении было 36 учащихся, всего обучались 188 человек[90]. До войны не было сделано ни одного выпуска. Таким образом, ситуация с набором учащихся в олентехникуме была почти такой же, как и в других средних учебных заведениях — в туземных педагогических техникумах и в медучилище. Количество учащихся из коренного населения, принятое на учебу, было весьма незначительным, и не все из них доучивались до конца. Набор в средние специальные учебные заведения в округах обеспечивался во второй половине 1930-х гг. за счет детей трудпоселенцев.

К началу Великой Отечественной войны в округах Северо-Западной Сибири не была создана национальная интеллигенция, что подтверждается проведенным исследованием. Не было ни одного специалиста с высшим образованием! Кадры учителей и медиков, подготовленные через систему среднего специального образования в 1930-х гг. (в числе которых аборигены составляли не более 3—5%), не могут рассматриваться как факт создания у народов Севера специалистов высшей квалификации. Мы можем говорить лишь о предпринятых партийными и советскими орга-

---

[85] ЦДНИОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 2756. Л. 1.

[86] Там же. Д. 980. Л. 51.

[87] См.: Петрова В.П., Харючи Г.П. Ненцы в истории Ямало-Ненецкого округа. Томск, 1999. С. 90.

[88] ЦДНИОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 1796. Л. 16.

[89] ГАЯНАО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 17 а. Л. 28.

[90] ЦДНИОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 2756. Л. 1.

нами настойчивых попытках подготовить кадры. Однако к началу Великой Отечественной войны эти попытки дали очень скромные результаты. Большая часть населения не была охвачена профессинальным обучением.

3.2. Краткосрочная подготовка кадров

Кадровый прорыв требовал от руководства области и округов скорейших мероприятий по его ликвидации. Поэтому одним из путей решения проблемы виделась система краткосрочных курсов, которая позволяла в очень сжатые сроки дать азы специальных знаний курсанту и направить его на рабочее место. В постановлении бюро Тобольского окружкома ВКП (б) от 23 ноября 1930 г. подчеркивалось: «С начала 1931 хозяйственного года выделить существующие первые и вторые туземные школьные курсы при Тобольском педтехникуме в самостоятельный туземный педтехникум... Обязать райкомы партии и фракции РИКов северных районов принять решительные меры по вербовке учащихся в техникумы, школы-интернаты и подготовительные группы ШКМ, возложив за выполнение этой работы ответственность на одного из членов бюро райкома»[91].

Первые курсы были организованы в 1931 г. В Остяко-Вогульском округе через краткосрочные курсы (1 — 4 месяца) прошли 237 человек, из них туземцы составляли 66 человек. Израсходовали на эти цели 91 837 руб.[92]

1932 год можно рассматривать в Уральской области как рубежный в подходе к решению вопроса о национальных кадрах. 16 ноября 1932 г. Уралобком принял постановление «О подготовке и переподготовке национальных северных кадров»[93]. В документе отмечалось, что с момента проведения национального районирования Севера не были приняты надлежащие меры по подготовке кадров из коренного населения. Неудовлетворительным было комплектование учащимися-туземцами всех имевшихся учебных заведений, в которых предоставлялись места: Ленинградского Института народов Севера, Березовских курсов туземного актива

---

[91] Кронгауз Ф.Ф. Основные проблемы... С. 140.
[92] ТФГАТО. Ф. 695. Оп. 1. Д. 165. Л. 29.
[93] Бюллетень Уралобкома ВКП (б). 1932. Декабрь. № 2—3.

и подготовительных отделений рыбопромышленного, медицинского, педагогического, ветеринарного техникумов в г.Тобольске.

В 1932 г. в таких государственных организациях, как Рыбтрест и Уралпушнина туземное население составляло около 19% работающих, в системе Уралохотсоюза — 25%. Руководящими работниками Уралобласти делался акцент на привлечение туземного населения в аппараты хозяйственных контор, чтобы тем самым показать социальную активность туземцев.

Для скорейшей ликвидации кадрового голода руководством Уральской области принимается решение об организации системы краткосрочных курсов (2—3 месяца). Предполагалось, что курсы для нацкадров будут скомплектованы по подразделениям: Уралохотинтегралсоюз, Уралпушнина, Облисполком, УралОНО, Облздрав, Управление связи, ОблФО, облсуд, школьная подготовка. В ноябрьском постановлении Уралобкома подчеркивалось, что необходимо определить точное количество курсантов, обеспечить финансирование и учебно-методическую часть курсов. Независимо от местонахождения курсов снабжать курсантов по северным нормам, применительно к условиям их домашнего питания. На курсы в 1933 г. должно было быть отправлено 478 ненцев, 938 ханты, 376 манси (всего 1 792 человека). Однако на деле провести курсы оказалось крайне сложно. План курсовых мероприятий по Остяко-Вогульскому округу был выполнен на 30%, по Ямальскому — на 21%. Для национальных педагогических кадров в Екатеринбурге летом 1932 г. намечалось организовать областные курсы. Планировалось, что из Остяко-Вогульского округа прибудут 60 человек, а из Ямальского — 20. Однако о дальнейшей судьбе этих курсов ничего неизвестно[94].

В 1932 г. руководство Уральской области, понимая всю сложность ситуации с медицинскими и педагогическими кадрами, пошло на привлечение специалистов из числа ссыльной интеллигенции[95]. На 10 февраля 1932 г. спецпереселенцев обслуживали 217 медиков из числа ссыльных (всего медработников было 285). Тогда же стали привлекать и учительскую интеллигенцию из

---

[94] См.: Культфронт Урала. 1932. № 1—2. С. 70.

[95] Разрешение на использование в спецпоселках ссыльных врачей и фельдшеров было дано еще раньше постановлением СНК СССР от 16 августа 1931 г.

числа ссыльных, однако занимать руководящие должности они не имели права[96].

Анализ курсовой подготовки за 1932/33 учебный год был дан в очередном постановлении Уральского областного комитета партии. В постановлении Уралобкома ВКП (б) «О состоянии подготовки и переподготовки национальных кадров в Ямальском и Остяко-Вогульском округах» от 18 декабря 1933 г. подчеркивалось, что 1932/33 учебный год по восьми стационарным средним и низшим учебным заведениям начался с недокомплектом учащихся из национальностей Севера на 134 человека.

Среди причин, повлекших за собой невыполнение постановления 1932 г., указывались причины объективного характера:

— в большинстве учебных заведений не было учебных планов и программ;
— преподаватели не владели национальными языками (из 47 человек только двое знали язык);
— учебные пособия на родном языке составляли лишь 30% от необходимого числа;
— учебные здания не были приспособлены для занятий;
— помещения интернатов требовали капитального ремонта; оборудование интернатов (одеяла, матрацы, топчаны и пр.) требовало полной замены;
— отдых учащихся не был организован;
— медицинское обслуживание и санитарно-профилактическая работа отсутствовали;
— бюджетные нормы на содержание учебных заведений оставались крайне низкими.

В постановлении указывалось «на неудовлетворительное выдвижение националов на руководящую работу в советских, хозяйственных, кооперативных и других организациях Севера». В Ямальском округе от общего числа руководящих работников туземцы составляли 19%, в Остяко-Вогульском — 17%[97]. Приоритет,

---

[96] См.: Загороднюк Н. Роль спецпереселенцев на Обском Севере // Югра. 1996. № 10. С. 35.

[97] О состоянии подготовки и переподготовки национальных кадров в Ямальском и Остяко-Вогульском округах // Бюллетень Уралобкома ВКП (б). Декабрь. 1933. С. 33—36.

отдававшийся в подготовке кадров представителям коренных национальностей,— главная черта кадровой политики тех лет (табл. 30).

Таблица 30

Сведения о коренизации в Ямальском округе на 1 апреля 1933 г.[98]

	Общее число сотрудников	Ненцы	Ханты	Всего националов
Окрисполком	71	9	1	10
Райисполкомы	53	15	2	17
Нацсоветы	35	19	2	21
Здравотдел	67	6	—	6
Окрсуд	15	3	1	4
Обьтрест	24	11	3	14
Интегралкооперация	сведений нет	18	5	23
Уралпушнина	21	4	—	4
Милиция	сведений нет	7	1	8
Почта	сведений нет	1	—	1
Редакция	11	1	—	1
Госбанк	7	1	—	1

Из общего числа работников хозяйственных, советских, кооперативных и прочих организаций (237 человек) туземцы составляли 110 человек. В большинстве случаев представители коренных народов занимали должности в советах, кооперации и Обьтресте.

В том же документе приводились сведения об отправленных на учебу представителях коренных национальностей в различные учебные заведения и на курсы (табл. 31).

Таблица 31

Сведения о количестве направленных на учебу аборигенов Ямальского округа на 1 апреля 1933 г.[99]

Название учебного заведения или курсов	Ненцы	Ханты	Всего
Педтехникум	31	1	32
Курсы советского строительства (г.Ленинград)	5	1	6

[98] ГАЯНАО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 38. Л. 17.

[99] Там же.

Курсы советского строительства (г.Свердловск)	5	6	11
Институт народов Севера	9	1	10
Медтехникум (г.Тобольск)	1	1	2
Институт охраны материнства и младенчества (г.Москва)	1	1	2

Всего учились, таким образом, 63 человека.

Учительские кадры, как уже отмечалось, были в центре внимания кадровой политики на Севере. Прошедшие через систему краткосрочных учительских курсов либо годичных подготовительных при туземном техникуме учителя-«недоучки» в обязательном порядке во время летних каникул должны были проходить обучение на курсах повышения квалификации в окружном центре. Некоторые из них поступали на заочные отделения педагогических училищ, чтобы приобрести среднее педагогическое образование. Те же, кто имел уже среднее педагогическое образование и работал в неполных средних школах (НСШ), поступали на заочные факультеты пединститутов, но таких учителей было немного. Однако при недостатке квалифицированных профессиональных кадров это было крайне необходимо.

А.Иванов вспоминал о курсах переподготовки: «Мне вручили предписание быть в начале июля в Самарово на курсах переподготовки молодых учителей. На курсах я встретился со своими однокашниками. Рассказам не было конца. Оказалось, что я попал в самые неблагоприятные условия. Все удивлялись и задавали один и тот же вопрос, как я это выдержал. На курсах проходили занятия в Самаровской средней школе, а жили мы на берегу Иртыша в пологах. Я был привычен к таким условиям, и мне даже нравилась такая обстановка, чего не разделяли мои товарищи. Как по заказу, весь июль стояла хорошая и теплая погода. Мы с удовольствием после занятий валялись на травке-муравке или бултыхались в воде. Помнится, что мы изучали не методики, а общеобразовательные предметы: математику, физику, естествознание и т.д.»[100].

---

[100] Иванов А. Школа в моей судьбе. С. 33.

По мере укрепления аппарата управления в округах окружные организации стали уделять большее внимание подготовке кадров. Вторая Ямало-Ненецкая окружная партийная конференция (январь 1934 г.) постановила: «Подготовка кадров в условиях национального округа является центральной задачей всей работы партийной организации»[101]. В протоколе второго очередного пленума Ямало-Ненецкого окрисполкома (декабрь 1934 г.) нашел отражение вопрос «О выращивании советских и хозяйственных национальных кадров». По вопросу было принято постановление, в котором отмечалось: «Подготовка национальных кадров проходит неудовлетворительно. Советский аппарат коренизирован на 14,7%. У национальных кадров низок культурно-политический уровень. Установить для каждой организации план подготовки кадров из местного населения. Контролировать его выполнение. Считать нецелесообразным выдвигать неподготовленных националов на ответственные работы в аппаратах в качестве практикантов с выплатой зарплаты, создающей иждивенческие настроения и лишающей работников стимула к росту на практической работе»[102].

Председатель Ямальского окрисполкома Давыдов в представленной записке в Омский облисполком о кадрах в округе писал: «За истекшие 1932—34 гг. через разного рода курсы пропущено свыше 500 человек (счетоводы, секретари нацсоветов, медсестры и т.д.)»[103]. Однако представителей коренных национальностей среди курсантов было очень немного. Это подтверждается и списком окроно о работниках, направленных из округа для обучения в вузы и на центральные курсы в течение 1931—1935 гг. В этом списке из 23-х человек одна только зырянка, остальные — русские[104].

Бюро Обско-Иртышского обкома ВКП (б) в октябре 1934 г. приняло постановление: «В целях систематической подготовки низовых советских кадров из трудящихся северных национальностей

---

[101] Клещенок И.П. Исторический опыт КПСС по осуществлению ленинской национальной политики среди малых народов Севера. М., 1972. С. 197.

[102] ГАЯНАО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 7. Л. 404 об.

[103] ЦДНИОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 980. Л. 50.

[104] Там же.

открыть с 1 октября при окружных совпартшколах специально постоянно действующие отделы для подготовки и переподготовки председателей и секретарей нацсоветов в Ямало-Ненецком округе на 20 человек, в Остяко-Вогульском округе — на 25 человек»[105].

Таким образом, попытка организовать быстро подготовку работников для различных сфер местного хозяйства, управления, партийной и советской деятельности в первой половине 1930-х гг. характеризуется как неудавшаяся. Проблема национальных кадров оставалась актуальной долгие годы. С переходом Обь-Иртышского Севера в Омскую область вопросы подготовки национальных кадров приобрели новое звучание.

В 1936 г. в докладной записке по Ямальскому округу по вопросу о состоянии кадров был сделан весьма правильный и смелый вывод: «Школа не дает и не даст в ближайшие несколько лет национального контингента в техникумы и вузы. Поэтому наряду с мерами по дальнейшему охвату школой, необходима организация систематического обучения грамоте взрослых, прежде всего советского и колхозного актива и молодежи»[106].

Омский обком в 1936 г. констатировал, что «Ямальский окружком и окрисполком совершенно недостаточно руководили подбором и подготовкой кадров для учреждений и хозяйственных организаций и не проявляли необходимой заботы об улучшении для них культурно-бытовых условий, недооценивали политического значения этой работы и особенно работы по выдвижению и подготовке национальных кадров, допустив во всех этих вопросах самотек»[107]. В конце 1936 г. о работе по «выращиванию» национальных кадров было представлено в политуправление ГУСМП политдонесение, в котором сообщалось: «Казымская культбаза организовала специальные курсы председателей колхозов в количестве 10 человек, мотористов — 3, бригадиров-плотников — 4, медсестер — 4, бригадиров-охотников — 8 человек. Все курсанты — ханты. Участие культбаз в организации краткосрочных подготовительных курсов во второй половине 1930-х гг. было весьма распространенным явлением.

---

[105] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 3306. Л. 47.
[106] ЦДНИОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 980. Л. 52.
[107] Там же. Л. 53.

В докладной записке «О состоянии и мероприятиях по дальнейшему развитию хозяйства Ямало-Ненецкого округа» (сентябрь 1936 г.) подчеркивалось, что «коренным вопросом создания национальных кадров является прежде всего ликвидация неграмотности среди выдвинувшегося уже советского и колхозного актива. Товарищи из националов, окончившие обучение в годичных школах советского строительства и пр., остаются еще малограмотными, если не закрепляют знаний регулярным чтением и упражнением в письме».

Далее в документе отмечалось: «Систематической работы по ликвидации неграмотности среди национального советского актива и даже среди националов, выдвигаемых в советский аппарат в качестве практикантов, не организовано. В результате национальный актив растет медленно. Практиканты годами остаются без продвижения по работе. Задача решения коренного вопроса в деле создания национальных кадров не ставилась и не разрешалась, и опыта такой работы нет.

Невнимание к «выращиванию» национальных кадров находит отражение в постановке дела подготовки националов через учебные заведения и разного рода курсы. А если спросить, где и как используются люди, пропущенные через курсы, то никакого ответа не получим. Можно сказать только одно, что из всех курсантов в округе работают единицы»[108].

В документе приводились конкретные примеры о судьбе курсантов, закончивших учебу и не работавших по специальности. «Несколько человек националов окончили Свердловские курсы советского строительства, но часть окончивших курсы на советской работе не использована, например, товарищ Хатанзеев направлен практикантом в контору Государственного Управления Северного Морского пути (далее — ГУСМП), Ненянг Мария — член Тазовского нацсовета, работает на рядовой работе в колхозе, Ненянг Василий работает ловцом в колхозе, Сераско Александра — член Ямальского райисполкома, ведет домашнее хозяйство.

Имеет место явно неправильная посылка людей на учебу. Хатанзеев Георгий окончил курсы советского строительства в Свердловске, но в текущем году снова послан на такие же курсы

[108] Там же.

в Ленинград. Чаев Степан окончил советско-партийную школу (далее — СПШ — *Л.А.*) с отличной аттестацией: на работе остался неиспользованным и снова послан на курсы советского строительства в Ленинград. В самом округе систематическая подготовка национальных кадров ведется через СПШ и нацпедтехникум.

В национальном отделении СПШ обучаются 29 человек. Первый выпуск будет в июле-августе 1936 г. Уровень знаний, приобретенных одним из хороших учеников — товарищем Ядне, обучающимся с апреля 1934 г., остается невысок (прочитанное понимает плохо)»[109]. В кратком обзоре хозяйственного и культурного развития округов за 1938 г. указывалось, что в окружном аппарате Ямало-Ненецкого округа работали только 4 ненца, а из 1 167 рабочих и служащих Остяко-Вогульского округа — 261 человек из коренного населения[110].

По итогам проверки округов в 1938 г. бригадой Омского обкома партии была представлена различная отчетная документация. В одном из докладов — сводная информация по Остяко-Вогульскому округу в вопросе подготовки кадров. В таблице 32 указаны учебные заведения (курсы), где прошли обучение лица, которых готовили к работе в советском, партийном аппаратах и в хозяйственных организациях (или которые на момент проверки продолжали учиться). Однако таблица не по всем позициям позволяет выявить продолжительность обучения и предполагаемую специальность (должность и т.п.).

Таблица 32

Обучение кадров по Остяко-Вогульскому округу в 1936—1938 гг.[111]

Учреждение (курсы)	1936	1937	1938	Всего
Краткосрочные курсы	32	25	40	97
Одномесячные курсы секретарей		20		20
Окружная совпартшкола	30	74	72	146
Окружная школа нацсовактива		47	28	75
Институт народов Севера	9	26	23	79

[109] ЦДНИОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 980. Л. 51.
[110] Там же. Д. 1796. Л. 16.
[111] Там же. Д. 1797. Л. 133.

Центральные курсы советского строительства в Ленинграде		8	3	20
Семинары секретарей, инструкторов, председателей советов	71	16	104	120
Итого		216	270	557

Во второй половине 1930-х гг. с усилением политического и экономического руководства со стороны ГУСМП проблема коренизации аппарата в округах обозначилась с новой силой. В 1938 г. в политдонесении от 9 июня 1938 г. констатировалось, что работа по коренизации только начата[112]. Недостатки коренизации аппарата руководящих работников отчетливо видны из сведений таблицы 33, составленной на основе упомянутого документа.

Таблица 33

Коренизация аппарата в Ямало-Ненецком округе (июнь 1938 г.)[113]

Наименование отрасли	Общее число работников	Из них коренного населения
Пушное хозяйство	180	44
Торговое дело	900	146
Сельское хозяйство	340	177
Культбазы	180	34

Очевидно, что на культбазе меньше всего было работников из числа коренных жителей, что вполне закономерно, поскольку специфика деятельности культбазы требовала кадров достаточно высокой специализации, и аборигены, как правило, использовались на должностях младшего или рабочего персонала.

В том же документе сообщалось, что в текущем году планировалось организовать на Севере ряд школ и курсов по обучению коренного населения. В описываемый период работало две школы, одна (школа торгового ученичества) — в Салехарде, а другая (промтехшкола) — в Ярсале. В них обучались 115 человек[114].

---

[112] Там же. Д. 1804. Л. 40 об.— 41.

[113] Составлена по: Там же.

[114] Там же. Л. 42.

Поголовная безграмотность коренных жителей не позволяла отправлять их на учебу, те немногие, кто прошел через краткосрочное обучение, не способны были осуществлять возлагаемые на них производственные поручения из-за низкой квалификации. Обучение на краткосрочных курсах создавало видимость подготовки кадров, на деле же окончившие их не имели специальных знаний, не ориентировались в решении производственных проблем, нуждались в постоянном инструктировании и руководстве сверху.

Выводы по главе

1. Проведенный анализ обозначенной проблемы позволяет подвести некоторые итоги. Важнейшим из них представляется тот, что мы не разделяем сложившуюся точку зрения в советской отечественной историографии, состоящую в том, что в 1920—1930-е гг. у коренных народов Северо-Западной Сибири сложилась национальная интеллигенция. Можно говорить о предпринятой попытке (которая не могла по объективным причинам быть успешной) в вопросе подготовки из среды туземцев высокообразованных людей. В довоенный период из их числа не было ни одного человека с высшим образованием и имелось всего несколько десятков человек, окончивших средние учебные заведения[115]. Следовательно, можно говорить (но и то с большой натяжкой) лишь о начале этого процесса. Кадры учителей в Остяко-Вогульском округе в 1936 г. составляли 552 человека, из них только 29 человек были из числа коренных народов, в 1938 г. учителей было 568, из них коренной национальности — 31. Среди учителей-аборигенов среднее специальное образование имели всего 5 педагогов, общее среднее — 1, остальные — ниже среднего[116]. Таким образом, в Остяко-Вогульском округе из числа коренных национальностей специалистов, имевших среднее образование, было всего шесть человек!

---

[115] ЦДНИОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 1796. Л. 16.
[116] ГАХМАО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 81. Л. 22 об.

2. Недостаток квалифицированных кадров заставлял руководство области и округов предпринимать активные меры по организации различных курсов, которые носили краткосрочный характер и могли дать минимальные представления о характере и содержании той или иной деятельности.

3. Кадровый дефицит повлек за собой привлечение к службе в государственные и хозяйственные учреждения специалистов из числа ссыльных.

4. Большое внимание в подготовке кадров уделялось коренизации — продвижению представителей коренных народов к участию в управлении и к выполнению общественных обязанностей в различных организациях и учреждениях.

Глава 4
УЧРЕЖДЕНИЯ КУЛЬТУРЫ

Трудности социально-экономических и культурных преобразований, с которыми встретились советские и партийные активисты, побуждали к поиску таких форм и учреждений, которые бы способствовали распространению культурного влияния среди коренных жителей. В печати тех лет высказывались мысли как советскими работниками, так и учеными на предмет создания на Севере специфических опорных пунктов для распространения новой культуры, которые в условиях малой плотности населения были бы привлекательны для аборигенов и сочетали бы в себе культурно-просветительные функции. На Крайнем Севере возникло несколько типов учреждений такого рода. В их числе: дома народов Севера, дома туземцев, красные чумы и красные лодки, а также культурные базы.

4.1. Красные чумы, дома народов Севера и другие пункты культуры

Красные чумы формировались как опорные очаги распространения идей советской власти и культурных начал в отдаленных и труднодоступных районах тундр и тайги. Распространенное в советской историографии утверждение, что красные чумы являлись проводниками советской культурной политики, не подкреплялось в трудах В.А.Зибарева, Л.Е.Киселева, М.Е.Бударина конкретными фактическими примерами, а ограничивалось лишь констатацией. Новые источники позволяют более пристально рассмотреть деятельность красных чумов, хотя стоит заметить, что источниковая база по изучению деятельности названных учреждений, весьма специфических и характерных только для Севера, невелика. В различных архивах Урала и Сибири почти не обнаружено документов, касающихся деятельности красных чумов, исключение составили Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий окружные архивы, откуда удалось извлечь любопытные документы. Ни один из исследователей советского времени не обозначил точное время появления красных чумов, цели их деятельности и содер-

жание работы, не говоря уже об их проблемах и трудностях. Удалось обнаружить наказ руководителю экспедиции «Красный чум», который позволяет предположить, что, возможно, отсюда и пошло их название. Зарождение красных чумов было характерно вначале для Остяко-Вогульского округа. Тобольским Комитетом Севера было дано задание Интегральному товариществу совершить поездку в глубь Назыма с целью проникновения к туземцам и установления с ними хозяйственных контактов. Самаровское интегральное товарищество организовало экспедицию на Тобольский Север, формирование которой относится к осени 1930 г.

«Основная цель экспедиции Красного чума — приблизить необходимые товары к туземному населению, а главным образом, к бедноте»,— указывалось в «Наказе»[1]. Кроме этого, давались рекомендации следующего характера: «выявить настроения туземцев, их вопросы, какие товары им нужны; собрать все необходимые материалы о быте туземцев, кочевках, промыслах, заготовках; выявить, какой урон нанесли волки оленьему стаду; разъяснить значение кооперации»[2]. Экспедиция планировала приобрести 12—15 нарт, первую из которых предполагалось украсить красным флагом. Таким образом, в данном случае «Красный чум» — это название экспедиции, которая совершалась к кочевому населению с хозяйственными целями. 1 сентября 1931 г. на имя председателя Уральского Комитета Севера из Москвы (ЦК Севера) было отправлено письмо, в котором сообщалось, что в 1930—1931 гг. Тобольским окрисполкомом был организован и направлен для обслуживания туземного населения Сургутского района красный чум. Выделялось на содержание чума 10 тыс. руб., однако получил чум только 2 000. Не имея средств, заведующий чумом вынужден был распустить работников и оставить только практиканта-переводчика и передвигаться собственными силами. Рекомендовалось выяснить все обстоятельства дела и принять меры[3].

Таким образом, организация и работа первого красного чума прослеживается с осени 1930 г. Однако первые мероприятия по

---

[1] ГАХМАО. Ф. 16. Оп. 1. Д. 8. Л. 17.
[2] Там же. Л. 17 об.
[3] Там же. Ф. 5. Оп. 1. Д. 26 а. Л. 61.

их созданию, возможно, начались чуть раньше. Инициативу в их создании мы относим на счет Тобольского Комитета Севера и Тобольского окрисполкома. 26 октября 1929 г. из Сургута в Комитет Севера и окроно была отправлена телеграмма, в которой сообщалось, что «организация чума задерживается, поскольку не было хорошего работника — знатока тундры и туземного наречия, отсутствуют материалы и учебные пособия. Шлите требуемые материалы, акушерку и медичку». Предполагалось, что чум возглавит один из местных работников — Уженцев, однако в телеграмме от 26 ноября говорилось, что его кандидатура снимается[4].

Нами обнаружены документы, которые свидетельствуют о том, что вопрос о создании красных чумов впервые получил обсуждение 1 марта 1930 г. в Тобольске на заседании комиссии УТБ. В протоколе заседания комиссии отражена необходимость создания красных чумов не только в Среднем Приобье, но и на Дальнем Севере. Решение, принятое комиссией, гласило:

«1. Организацию красных чумов на Ямале возложить на Госторг, беря за основу смету Обдорского РИКа в 7 587 руб., с включением медработника;

Два сезонных стационарных чума в Обдорском и Сургутском районах поручить организовать Рыбтресту;

В Полновате и Няксимволе организацию двух стационарных чумов поручить организовать интегральной кооперации;

За счет средств Наркомпроса (3 000 руб.) организовать стационарный чум в Тром-Югане-Агане Сургутского района и таковой именовать «Красный чум 8 марта»;

Все материалы, сметы и решения о выделении средств представить в комиссию УТБ к 10 марта и данное постановление провести через президиум окРИКа»[5].

На том же заседании было утверждено положение о красном чуме.

Предположительно в июне 1930 г. вновь обсуждался вопрос о чумах, где конкретно распределялись организации, обязанные организовать чумы. Планировалось открыть 8 красных чумов. План представлял собой разбивку по районам с указанием места создания чума (табл. 34).

---

[4] Там же. Л. 232.

[5] Там же. Л. 211—212.

Таблица 34

План создания красных чумов на Тобольском Севере[6]

Район	Количество чумов	Место создания
Обдорский	4	река Сынь; Северный Урал; Гыдоямский полуостров; Ямальский полуостров.
Березовский	1	река Сосьва
Сургутский	3	река Юган; река Аган; река Пур

Предполагалось, что на средства Комитета Севера и окроно будут создаваться чумы: Ямальский, Североуральский, Юганский и Пур-Пякуто-Нямто. Рыбтрест должен был создать чум по реке Сыни, а Госторг — на Сосьве. Интегралсоюзу также предписывалось формирование чума по рекам Тром-Юган и Аган[7]. 12 июня РИКам была отправлена директива о выдвижении заведующих красными чумами[8].

22 июля 1930 г. на заседании президиума Тобольского окрисполкома рассматривался вопрос о невыполнении окружными организациями постановления президиума окРИКа от 2 марта 1930 г. об организации красных чумов. В постановлении отмечалось, что «Интегралкооперация, Госторг, Рыбтрест не выполнили ни в коей мере постановления окРИКа, а окроно проявило пассивность в данном вопросе, не сумев направить деятельность хозяйственных организаций». В постановлении констатировалось, что поскольку «в настоящем году момент организации чумов пропущен, то предложить окроно и окрорганизациям приступить к подготовительной работе по организации красных чумов, наметив соответствующие мероприятия, и отпустить средства»[9].

В июле 1930 г. Сургутскому, Березовскому и Обдорскому РИКам было переведено по 4 000 рублей на расходы, предназначенные

[6] Там же. Л. 217.
[7] Там же. Л. 233.
[8] Там же.
[9] Там же. Л. 217.

для покупки оленей, нарт и упряжи, необходимые для снаряжения чумов. «1 августа на заседании в окроно указывалось, что сведений по израсходованию этих средств не имеется»[10]. 24 июля Интегралсоюз информировал председателя Тобольского окрисполкома и заведующего окроно о выделении им 8 тыс. руб. для организации чумов в Полновате и Няксимволе и высказывал мысль, что непосредственную организацию чумов должно проводить окроно[11]. 31 августа 1930 г. Тобольский Комитет Севера направил в окроно письмо, в котором сообщал, что «перед хозяйственными организациями, работающими на Севере, поставлен вопрос о принятии на их счет с 1930/31 г. оборудования и содержания красных чумов. Комитет Севера просит о составлении сметы и предоставлении ее в ближайшее время»[12]. Примерная сумма, из которой исходили, составляла 5 650 руб. на один чум.

Таким образом, мы видим, что органы исполнительной власти Тобольского округа пытались прорабатывать вопросы, связанные с организацией чумов, однако деятельность по налаживанию и обеспечению работы чумов не была отрегулирована. Документы подтверждают наличие неразберихи, которая имела место вокруг создания красных чумов в 1930—1931 гг. Не имея указаний насчет деятельности чумов, Уральский Комитет Севера сделал запрос в центральный Комитет о выделении средств на содержание красных чумов в 1931 г., на что был получен ответ: «По смете на 1931 г. на красные чумы никаких средств не отпущено. Наркомпрос совместно с хозяйственными и общественными организациями организует фонд специально на передвижную политпросветработу среди отдаленных народностей. Насколько будет удовлетворена Ваша заявка из этого фонда, сейчас сказать невозможно. Необходимо начать работу при помощи местных хозяйственных организаций и сообщить нам смету на содержание чумов»[13]. Таким образом, инициатива по созданию чумов исходила от тоболяков, однако необходимыми средствами Комитет Севера и окроно не располагали, поэтому рассчитывали на помощь

[10] Там же. Л. 233 об.
[11] Там же. Л. 251.
[12] Там же. Л. 235.
[13] Там же. Л. 190.

хозяйственных организаций. В 1931 г. Комитетом Севера совместно с окружными отделами образования планировалось открыть 3 чума: по одному в Обдорском, Сургутском и Березовском районах[14].

Вероятно, одним из первых чумов был Сургутский. О начале работы чума сообщается в письме И.Л.Худякова (заведующего Сургутским красным чумом) заведующему Тобольским окроно от 22 марта 1931 г. В письме автор описал прибытие в Сургут и сообщал, что им получено 1 500 рублей на содержание чума. И.Л.Худяков просил прислать смету расходов по содержанию чума и спрашивал о форме отчетности. Там же автор оговаривал возможность поездки по реке на Аган и Тром-Аган, для чего было необходимо приобрести лодку, о покупке которой он предварительно договорился, сторговав ее за 270—320 руб.[15] 19 апреля 1931 г. И.Л.Худяков отправил информационное письмо в Тобольский окроно, в котором сообщал о выезде к туземному населению Балыко-Пимского туземного района. С ним была акушерка Венчерская. В письме сообщалось о проблеме снабжения работников чума продуктами питания[16].

20 мая 1931 г. И.Л.Худяков предоставил отчет о работе Сургутского красного чума. Заведующий сообщал, что в Сургуте им был получен груз для чума и проведена поездка на Большой Салым и Балык в период с 31 марта по 26 апреля[17]. Второй отчет он отправил в окружком (о работе за время со 2 марта по 1 мая 1931 г.). В отчете И.Л.Худяков подробно и интересно описал поездки по отдаленным селениям, демонстрацию кинокартин и те впечатления, которые были у туземцев от таких зрелищ. Он высказывал мысль о необходимости картин по вопросам санитарии и гигиены, а также фильмов с участием туземцев. После просмотра картины на следующий день совершался обход юрт, где раздавались лекарства, объяснялось их употребление, проводились обучающие мероприятия по наведению чистоты и порядка в жилище. Стригли волосы, выводили коросты; вызывала интерес

---

[14] Там же. Л. 57.
[15] Там же. Л. 27.
[16] Там же. Л. 14—14 об.
[17] ГАХМАО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 4. Л. 2.

механическая машинка для стрижки волос, особенно у детей. Получив помощь и почувствовав облегчение, туземцы направляли своих родичей и требовали стрижки и смазывания головы. И.Л.Худяков писал о проведении бесед (к которым туземцы проявляли интерес) о родовспоможении, оказании помощи новорожденному ребенку и о правилах ухода за ним. Отмечал высокую смертность среди женщин, особенно по Салыму, поскольку отношение к ним мужчин было скверное. По Балыку же, напротив, говорил, что к женщинам отношение лучше и их смертность ниже[18].

Затем Сургутский чум был переименован в Тром-Аганский, о работе которого имеется отчет за период с 1 мая по 1 ноября 1931 г. В тот период И.Л.Худяков совершил поездку на Аган. В отчете он высказал свое отношение к проблеме создания красных чумов. «Вполне правильно поставлен вопрос Комитетом Севера об организации красных чумов: интегральных культурных баз, потому что при последнем должна проводиться не только политпросветработа, но и он должен дать понятие о культурных навыках»[19]. Далее автор высказал мысль о том, что нет типа культурного чума, который бы был приспособлен к постоянному кочеванию и оборудование которого учитывало бы особенности туземной жизни. «Туземца не убедишь трехчасовой речью, если не показать полезность того или иного культурного навыка»[20].

В письме в оргбюро Остяко-Вогульского округа от 8 июля 1931 г. И.Л.Худяков сетовал на то, что им высланы финансовые отчеты в несколько организаций, но ответа ни от кого не было. Он задает вопросы о дальнейшем существовании чума: будет он продолжать работу или нет? В каких размерах будет финансироваться? «Выехать в тундру не имею средств. Тогда как отпуск продуктов хозорганизации делают только за наличный расчет. Если к 1 августа ответа не дождусь, то буду реализовывать имущество красного чума. Сам уйду на другую работу. Это не работа, а испанская инквизиция»[21].

---

[18] См.: Отчет о работе Сургутского красного чума за время со второго марта по первое мая 1931 г. (фрагмент) // Югра. 1994. № 10. С. 18—20.

[19] ГАХМАО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 4. Л. 56.

[20] Там же. Л. 57.

[21] Там же. Д. 26 а. Л. 46.

В письме от 18 июля 1931 г. (неизвестному адресату.— *Л.А.*) И.Л.Худяков пессимистично писал: «Из этого дела ничего не выйдет. Судя по опыту тобольских (коллег.— *Л.А.*), им еще на десять лет бы хватило организовать чумы... Я немедленно ушел бы со службы, но разбазарить с трудом нажитое оборудование и оставить район без культурных учреждений нельзя»[22]. Последнее письмо из Сургута датировано 10 декабря 1931 г. и предназначалось для Самаровского оргбюро Остяко-Вогульского округа. В нем И.Л.Худяков писал о трудностях продвижения, незнании остяцкого языка и запрашивал оргбюро на предмет существования чума в 1932 г.[23] И.Л.Худяков писал об очевидной необходимости организации красных чумов, подчеркивал, что хозорганизации не оказывают никакого содействия. «Нужно бы осознать за 13 лет революции, что дело государственных организаций не только торговать, но и просвещать, а тем более отсталую часть членов советского Севера — туземного населения»,— мудро рассуждал И.Л.Худяков[24].

Красный чум, возглавлявшийся И.Л.Худяковым, вскоре стал называться Аганским. Обслуживал этот чум остяков Сургутского района. Иван Лаврентьич Худяков предстает человеком незаурядным, старательно выполнявшим свои обязанности; нередко он проявлял предприимчивость, чтобы обеспечить работу чума. В своем письме от 2 апреля 1934 г. в обком Обско-Иртышской области И.Л.Худяков описал ситуацию на Агане в 1932—1933 гг.: неповиновение местных «кулаков», их поддержку казымцам, действия властей по наведению порядка, безобразия, творимые уполномоченным ГПУ, интриги вокруг заведующего красным чумом, что вынужден был выехать с Агана, поскольку опасался за свою жизнь[25].

В отчете о деятельности Аганского красного чума за 1936 г. содержатся подробные сведения о его работе. В документе подчеркивалось, что «вся работа чума сводится к выполнению хозяйственных государственных планов, к перестройке быта и к

---

[22] Там же. Л. 45.
[23] Там же. Л. 17.
[24] Там же. Л. 58.
[25] ЦДНИОО. Ф. 3057. Оп. 1. Д. 13. Л. 20—23.

перевоспитанию отсталых национальностей»[26]. Особым достижением в деятельности чума была вербовка детей в школу. В 1932 г. ни один остяк школу не посещал, в 1936 г. в ней учились 35 детей местного населения[27].

Проводимые Аганским красным чумом мероприятия носили культурно-просветительский и пропагандистский характер. Наиболее распространенными формами работы были собрания и беседы (табл. 35).

Таблица 35

Основные мероприятия Аганского красного чума за 1936 г.[28]

Мероприятие	Количество	Охват населения (чел.)
Беседы	5	600
Собрания	18	450
Громкие читки газет	10	150
Коллективное радиослушание	15	80
Просмотр кинокартин	10	250
Постановки	18	400
Беседы о Конституции	2	50
Общие собрания о Конституции	2	50
Беседы о стахановском движении	20	230
Беседы о переустройстве Севера	23	360
Выпуск стенгазет	5	14
Проведено выездов	15	сведений нет

Документы подтверждают повсеместное развертывание деятельности чумов на Обь-Иртышском Севере к середине 1930-х гг. О деятельности **Березовского** красного чума известно из его отчета за период весенне-летней путины с 12 июля по 1 октября 1931 г. Чум был организован 14 апреля 1931 г. для обслуживания районов верховий Сосьвы и Ляпина, деревень: Сартынья, Саранпауль, Няксимволь. Летом обслуживанию подлежали рыбацкие пески и юрты, а зимой — кочевое население. Задачи работы чума были сформулированы следующим образом:

---

[26] ГАХМАО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 59. Л. 104.

[27] Там же. Л. 103 об.

[28] Составлена по: Там же. Л. 102—102 об.

— поднятие культурного уровня туземца, ликвидация его неграмотности;
— оказание первой лечебной помощи;
— пропаганда и непосредственное участие в деле перестройки северного хозяйства по пути коллективизации;
— поднятие политической сознательности и активности в деле осуществления мероприятий советской власти;
— повышение производственных знаний туземцев в области производственной деятельности;
— решительная борьба за раскрепощение туземки;
— проведение политических, хозяйственных кампаний.

В составе красного чума имелось два работника: заведующий и фельдшер, хотя по штату полагалось еще иметь технического работника и переводчика. Средства чума регулировались в отчетный период ориентировочной сметой и составляли 17 481 руб. 87 коп. За время путины чум сделал три рейса по воде:

Сартынья — Игрим;

Сартынья — Няксимволь;

Сартынья — Саранпауль.

Для проведения общественно-массовой работы чум объединился с Сосьвинской избой-читальней. Основными формами работы были доклады и лекции, с которыми выступали на различные темы работники чума, а также ставили спектакли и концерты. Медицинский работник оказывал медпомощь. Всего им были осмотрены 324 человека. Одновременно проводились санитарно-гигиенические мероприятия: стрижка кос и бритье бород[29]. В дальнейшем Березовский красный чум стал называться Сосьвинским. В годовом отчете чума за период с 1 января по 31 декабря 1934 г. содержатся разнообразные сведения о деятельности чума не только за истекший год, но и за период с 1932 г. Из сведений таблицы 36 можно заключить, что преобладала устная пропаганда, показ кино и санитарные мероприятия.

---

[29] Там же. Д. 26 а. Л. 203—203 об.

Таблица 36

Основные мероприятия Сосьвинского чума за 1932—1934 гг.[30]

Вид деятельности	1932	1933	1936
Собрания	60	100	115
Беседы	62	75	95
Создано колхозов	1	3	4
Завербовано в ликпункты (человек)	4	91	114
Открыто красных уголков	2	3	5
Собрания женщин	9	10	15
Санитарной работой охвачены (человек)	535	870	1 740
Кинообслуживание (человек)	2 385	2 900	5 000
Стрижка волос (человек)*	—	—	65
Вечера самодеятельности*	—	—	19

Примечание: * Данный вид деятельности представлен обобщенным показателем за 3 года.

Четко были сформулированы задачи работы чума:

— проведение политпросветработы, направленной на более быстрое поднятие культурного уровня, экономического благополучия туземцев;
— организационно-хозяйственное укрепление имеющихся простейших объединений, уставных артелей и колхозов;
— вовлечение в социалистическое строительство женщин-туземок;
— антирелигиозная работа;
— санитарная работа;
— всемерное содействие школам и ликпунктам в деле вовлечения детей и взрослых в обучение[31].

В отчете Сосьвинского красного чума в разделе «Предложения» содержались следующие идеи: «Увеличить отпуск средств до 45 тыс. руб.; приобрести мотор; подготовить туземные кадры для работы в чуме; решить вопрос о создании жизненных условий работникам — построить жилой дом»[32].

---

[30] Там же. Д. 59. Л. 44—46.
[31] Там же. Л. 42—43.
[32] Там же. Л. 48.

С момента создания Сосьвинской культбазы — во второй половине 1930-х гг.— местоположение Сосьвинского чума было определено в ее составе. В отчете о его работе за первую половину 1935 г. содержится интересная информация. Полное название чума звучало так: Сосьвинско-Тапсуйский-Мансийский. Работники чума вели разнообразную работу. Проводили собрания в Ломбовоже (24) и Няксимволе (16), беседы (41), организовали 2 артели, вели вербовку в Институт народов Севера, собирали на занятия по ликбезу (129 человек), вели работу среди женщин, занимались санитарными обработками, проводили вечера самодеятельности, оказывали помощь в составлении справок и заявлений туземцам[33]. В отчете базы за 1938 г. сообщалось, что заведующим красным чумом был Алексей Владимирович Хатанзеев. К сожалению, других сведений о чуме не представлено[34].

Красный чум при Казымской культбазе начал работу в феврале 1934 г. Базировался чум в Помуте, где была оборудована бывшая ясачная юрта, впоследствии к ней был сделан пристрой, где в одной половине работал и жил фельдшер, а в другой была устроена чайная[35]. «Первое время к чуму относились с недоверием,— писал в отчете за 1934 г. заведующий культбазой Иваненко, но впоследствии он превратился в ближайшего помощника в хозяйстве ханты». Чум занимался не только политмассовой работой, но и ремонтировал ружья, чайники, оказывал медпомощь[36].

Известно, что в мае 1937 состоялось общее собрание работников культбазы, на котором в числе других вопросов рассматривалась работа красного чума. Собрание отметило, что работа красного чума, направленная на обслуживание в основном кочевого населения, недостаточна, и выдвинуло задачу перестройки работы красного чума на обслуживание кочевого населения. При этом помимо культурно-просветительной работы, красный чум должен был активно участвовать в жизни колхозов и простейших производственных объединений (ППО), помогая им: вести борьбу за санитарное состояние чумов кочевников, оказывать медицин-

---

[33] Там же. Л. 2—4.
[34] Там же. Ф. 355. Оп. 1. Д. 16. Л. 22.
[35] Там же. Ф. 5. Оп. 1. Д. 46. Л. 64.
[36] Там же. Л. 63.

скую, ветеринарную и зоотехническую помощь путем периодических приездов в красный чум соответствующих работников базы (специалистов), оказывать помощь слесарно-кузнечными и другими работами, а также иметь «Красного коробейника» (по согласованию с ближайшей факторией)[37].

В 1940 г. аппарат красного чума включал 4-х человек: заведующего, медработника, парикмахера, массовика. Формы работы чума: читка газет, доклады, беседы, лекции, вечера самодеятельности. При красном чуме имелись: гармонь-баян, патефон с пластинками, киноаппарат-передвижка, парикмахерская, библиотека. Передвигался чум на оленях, летом — на лодке. Появление чума было событием, и жители ближайших юрт собирались, чтобы понаблюдать или поучаствовать в мероприятиях. В 1940 г. чум провел ряд мероприятий (табл. 37).

Таблица 37

Мероприятия красного чума Казымской культбазы в 1940 г.[38]

Мероприятие	Количество	Охват населения
Производственные совещания	14	183
Собрания членов артелей	15	290
Групповые беседы	255	1 600
Киносеансы	17	433
Читка газет	53	142
Санобработка	—	61
Выпуск стенгазет	6	

Таким образом, основные мероприятия сводились к собраниям, беседам и чтению газет.

Толькинский красный чум был сформирован в 1933 г. в Тольке Ларьякского туземного района. Чум был сформирован по решению окружкома партии. Руководителем назначили Леонида Мироновича Райшева. Расстояние в тысячу километров от Остяко-Вогульска до Ларьяка он, врач Галина Николаевна Оносова и киномеханик Лазарь Кузнецов проделали за несколько недель на лошадях с немалыми трудностями. В Ларьяке к ним присоединились

[37] См.: Кронгауз Ф. К истории советской школы… С. 29.
[38] См.: Из истории культурного строительства… С. 187—188.

будущие работники тузсовета Евгений Александров и Иван Тугаскин, учительница Людмила Александрова, радист Иван Кошкаров, переводчик Кузьма Натускин, санитарка Наталья Сегильетова и несколько строителей во главе с Д.Роговским.

За короткое время построили дом, в котором разместили школьный класс, медпункт, общежитие, избу-читальню и радиорубку. Помещение было очень холодное и темное, отапливалось железными печами. Сотрудники красного чума должны были организовать работу тузсовета, школы-интерната, избы-читальни, наладить медицинское обслуживание, вести культурную и советско-партийную пропаганду. Толькинские юрты были самые отдаленные в Ларьякском районе. К концу ноября 1933 г. с большим трудом удалось собрать 15 детей ханты в школу-интернат. Время организации чума совпало с волнениями остяков Толькинской тундры, но периодические выезды милиции в Тольку и рассеивание повстанцев сохранили чум[39]. В конце января 1935 г. заведующим чумом стал Александр Иванович Паршуков. В докладной записке в Остяко-Вогульское окроно он писал, что Ларьякский район отказал в принятии учителя для красного чума, и теперь чум остался без учителя, поскольку секретарь Толькинского совета уехал из Тольки совсем и увез свою семью, его жена была учительницей. В письме автор указывал, что возвращает картину «Обломов», так как она совершенно не подходит для туземного населения. «Товарищи, пишите нам, держите с нами связь, ведь мы оторваны от вас»,— писал Паршуков 4 февраля 1935 г.[40]

Из отчета за второе полугодие 1936 г. узнаем, что к тому времени заведующим был М.И.Калинин, а медиком — А.Я.Шагитулин, учителем — Г.Л.Чагоров, киномехаником — В.Е.Штольц, переводчиками — С.В.Прасин и О.Сегильетов, техничками — Ю.С.Конева и А.Ф.Волкова. Данная группа сотрудников к работе приступила 30 марта 1936 г. К тому времени чум располагал домом, баней, библиотечкой из 500 книг, кинопередвижкой, 9 оленями. Районом обслуживания являлась Толькинская тундра, расстояние от Ларьяка составляло 1 000 км. Начали работу новые

---

[39] См.: Галкина К. Первенец культуры на далеком Севере — Толькинский Красный чум // Югра. 2000. № 7—8. С. 44—45.

[40] ГАХМАО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 59. Л. 12 об.

сотрудники с комплектования школы[41]. Толькинский красный чум был единственным учреждением культуры в данной местности. Большим подвигом можно назвать его создание, поскольку выдержать хотя бы год было нелегким испытанием для его работников. Находясь в глуши, не имея в достаточном количестве продуктов питания, связи, переживая холод и бытовые неустройства, работники чума часто менялись, поэтому чум работал с перебоями.

Сведения о **Шурышкарском красном чуме** почерпнуты из отчета чума за второе полугодие 1934 г., что позволяет предположить, что работа была развернута не ранее весны 1934 г. В составе чума работали три человека: заведующий, медик и культработник. Цель деятельности красного чума была сформулирована следующим образом: «развертывать культурно-массовую работу колхозов и трудящихся единоличников, оказывать медпомощь и прорабатывать постановления партии и правительства»[42]. В отчете были перечислены основные мероприятия чума: собрания (8), совещание техруков, производственные совещания с пастухами (5), работа по ликбезу, оказание медпомощи (298 человек). Авторитет медика Рогачева был весьма высок. Чум совершал выезды в туземные советы: Сынский, Шурышкарский, Мужевский, Кушеватский. Ощущался недостаток в работниках. Требовался ветзоотехник и переводчик. Анализируя работу чума, автор отчета писал, что нужно, чтобы чум работал круглый год, имел личное стадо для передвижения, конкретный план работы и границы обслуживаемой территории. У красного чума отсутствовали наглядные пособия, плохо обстояло дело с оборудованием. Не хватало самого необходимого: палаток, кинопередвижки, фотоаппарата, бинокля и др.[43]

В отчете о культурно-бытовой и санитарно-просветительной работе за 1933 г. содержатся незначительные сведения о деятельности **Салымского красного чума**. Указывается на трудности ведения санитарной работы среди туземцев. «Гигиенические навыки после разъяснения прививаются. Сами просят стричь волосы.

---

[41] Там же. Л. 81.
[42] Там же. Л. 16.
[43] Там же. Л. 16—20.

Сделаны перевязки при экземах. Беседы с женщинами о правильном воспитании ребенка. Некоторые разрешали обмыть ребенка и надеть чистую рубашку». В отчете сообщалось, что местные жители с большим доверием относятся к медику. Женщины обращаются за родовспоможением. Открыли специальную юрту для этих целей: «Мань-кож» (родильная)[44].

В отчете за первое полугодие 1935 г. содержатся сведения о работе **Красного чума Пимского совета**. Чум обслуживали 4 работника: заведующий, переводчик, культработник и пастух. В 1934 г. чуму не были выделены средства, в первом полугодии 1935 г. ситуация повторилась: «Денег нет ни копейки»[45]. Из отчета видно, что разнообразием работа не отличалась и сводилась к редкому показу фильмов (14 сеансов, присутствовали 528 человек).

Таким образом, деятельность чумов сводилась к просветительским мероприятиям, санитарным обработкам, распространению навыков культуры быта. Преобладающими были формы устной работы, носившие агитационно-пропагандистский характер. У чумов существовали различные материальные проблемы: несвоевременное финансирование, недостаток средств, отсутствие необходимого оборудования.

Число чумов было невелико (табл. 38), приблизительно по одному на район, поэтому, естественно, они не могли оказать решающего влияния на развитие культуры на обслуживаемой территории.

Таблица 38

Число красных чумов в Остяко-Вогульском округе в 1931—1940 гг.[46]

1931	1932	1933	1934	1935	1936	1937	1938	1939	1940
2	2	4	5	6	5	4	4	5	5

Как обстояло дело с красными чумами в Ямальском округе? Обнаруженные документы не позволяют в полной мере прояснить ситуацию в вопросах создания, финансирования, состава

[44] Там же. Л. 49.
[45] ГАХМАО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 59. Л. 51.
[46] Там же. Ф. 184. Оп. 1. Д. 4. Л. 15.

кадров и деятельности этих учреждений в Ямало-Ненецком округе. Имеющиеся сведения представлены отрывочно, фрагментарно, однако общие тенденции выделить можно. **Ямальский красный чум**, вероятно, был первым в Обдорском районе. По решению Тобольского окрисполкома, Ямальский чум планировался к созданию летом 1930 г. Ориентировочная смета на организацию чума и годичное его содержание для обслуживания Обдорской тундры составляли 11 820 руб.[47] Другая смета для этого же чума, но составленная чуть позже, отпускала больше средств и исчислялась 16 тыс. руб.[48] Однако обещанные деньги в обозначенный срок не поступили, о чем имеется тревожная телеграмма из Обдорска за подписью заведующего Ямальским красным чумом Сергеева. В «молнии», адресованной в Тобольский окрисполком и окроно, сообщалось, что нет сведений о штате и ставках работников чума. Выделенные 10 тыс. руб. все еще не поступили, что ставило под срыв запланированный выход чума[49]. В ответной телеграмме окрисполкома в Обдорск говорилось, что окроно переводит 2 тыс. руб. на содержание красного чума, и предлагалось найти виновных в задержке выезда чума в тундру. В телеграмме содержалась информация о том, что штатное расписание было предоставлено еще в марте 1930 г., упоминалось, что ранее были переведены деньги для чума, поскольку сообщение о его готовности поступило в октябре 1930 г. Фактически деньги были, по-видимому, истрачены, однако чум деятельность так и не развернул[50]. Решением Тобольского окроно от 27 сентября 1930 г. для Ямальского чума выделялась кинопередвижка[51]. Тогда же осенью в Свердловск в Совкино был командирован Тихомиров для решения вопроса о прокате и подборе кинофильмов для красных чумов Тобольского Севера. Так, в списке фильмов для кочующих красных чумов были следующие картины: «По дебрям Уссурийского края», «Тунгус с Хенычара», «Пасынки солнца», «Алкоголь», «Венерические болезни»[52].

---

[47] Там же. Ф. 5. Оп. 1. Д. 26 а. Л. 214.
[48] Там же. Л. 188.
[49] Там же. Л. 189.
[50] Там же. Л. 191.
[51] Там же. Л. 226.
[52] Там же. Л. 224.

На I Ямальском съезде советов (февраль—март 1932 г.) планировалось организовать 6 красных чумов в округе[53]. В «Положении о кочевых советах», рассмотренном на II пленуме Ямальского окрисполкома в 1933 г. (в связи с развертыванием деятельности советов), упоминалось, что все красные чумы направлены в тундру для обслуживания кочевого населения, но вот сколько их было в действительности — об этом информации нет[54]. Можно предположить, что в первой половине 1930-х гг. в округе не удалось развернуть повсеместно работу чумов, что вытекало из политической ситуации. Во второй половине 1930-х гг. в связи с развертыванием коллективизации и созданием системы советов, а также открытием Ямальской культбазы, возникали условия и для создания красных чумов.

При Ямальской культбазе чум начал работу с 5 апреля 1938 г., до этого культбаза красного чума не имела. Районом деятельности красного чума являлась Южно-Ямальская тундра Ямальского района. В состав чума входили: заведующий чумом Хайкин, врач Савраткин, массовик-переводчик Яков Сметанин, пастух Вануйто Маку, чумработница Вануйто Варвара[55]. Красный чум имел 100 голов транспортных оленей и оборудование на сумму 5 тыс. руб. В отчете заведующего культбазой за 1938 г. говорилось: «Состояние работы красного чума и его обеспеченность оборудованием из-за отсутствия связи и материалов определить нельзя»[56].

Накануне войны при Ямальской культбазе функционировало два красных чума. «Они круглогодично кочевали с оленеводами, с ними всегда направлялись медицинский работник, ветеринарный или зоотехнический работник и инструкторы по колхозному строительству или массовой работе... Красные чумы проводили производственные совещания, беседы, организовывали праздничные торжества. В первый же год работы выяснилось, что многие ненцы обращаются в красный чум с жалобами на некоторых торгово-заготовительных работников или просят разобрать спор между самими ненцами. Решили, что надо обеспечить постоянное

---

[53] ГАЯНАО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 5. Л. 35.
[54] Там же. Оп. 3. Д. 35. Л. 13 об.
[55] Там же. Оп. 1. Д. 21. Л. 43.
[56] Там же. Л. 47.

нахождение в красном чуме представителя власти, и с чумом стали кочевать работники райисполкома или кочевого совета...»[57].

В источниках упоминается **Ныдинский красный чум**, но известно о нем крайне мало. В 1936 г. его возглавлял Алексеев, который обучал в нем детей грамоте[58].

В Приуральском районе накануне войны действовал красный чум. В одном из отчетов Ямальского окружкома Омскому обкому ВКП (б) сообщалось относительно этого: «Красный чум — 1, который обслуживает коренное население во время каслания по плану работы. Однако в настоящее время даже место пребывания этого чума неизвестно»[59]. В 1938 г. работал **Северо-Ямальский** красный чум, который возглавлял Городилов, однако где он размещался и какую территорию обслуживал, не ясно[60]. В связи с передачей Ямало-Ненецкому округу Шурышкарского района (ранее входившего в Остяко-Вогульский округ) этому округу был передан и красный чум[61].

С 1931 по 1940 гг. число красных чумов в Ямало-Ненецком округе возросло (табл. 39).

Таблица 39

Число красных чумов в Ямало-Ненецком округе в 1931—1940 гг.[62]

1931	1932	1933	1934	1935	1936	1937	1938	1939	1940
1	3	4	5	5	6	7	8	8	8

Всего накануне войны в Ямало-Ненецком округе было 8 красных чумов. Таким образом, количество чумов в Ямальском округе было несколько больше, чем в Остяко-Вогульском. Очевидно, что чумы при культбазе были лучше оснащены и лучше обеспечены кадрами.

Ямальский окрисполком в отчете о культурной работе в округе за 10 лет писал: «Красные чумы ведут свою работу в гуще кочевого населения. Они передовые форпосты культуры в тундре.

---

[57] Из истории культурного строительства... С. 169.
[58] ЦДНИОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 980. Л. 52.
[59] Там же. Д. 2385. Л. 95—96.
[60] ГАЯНАО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 21. Л. 15.
[61] Там же. Оп. 3. Д. 144. Л. 16.
[62] Там же. Оп. 1. Д. 21. Л. 42.

В этом их огромная политическая роль и значение. Санитарно-гигиенический минимум, обучение грамоте, пропаганда школы и вербовка детей, постановка кинокартин, проведение докладов и бесед на политические и общенаучные темы — вот далеко не полный перечень работы красных чумов»[63].

В одном из отчетов о деятельности культурных учреждений Омский обком ВКП (б) констатировал: «Работа красных чумов стоит на низком уровне, т.к. этой работой, начиная от районо и кончая порторганизацией, никто не руководит»[64]. Однако преувеличивать деятельность красных чумов, по-видимому, не стоит. В большей степени она носила пропагандистский характер, не оказывала большого влияния на население, поскольку охватывала своей работой незначительную его часть. Тем не менее работники чумов старались донести наряду с политикой минимум культурно-просветительских навыков, что способствовало распространению культурных начал в быту коренного населения.

Очагами распространения новой культуры были **дома народов Севера**. Иногда они носили название «Дом туземца». В Ямало-Ненецком округе в крупных населенных пунктах были созданы дома ненцев. В местах активной торгово-заготовительной деятельности народные дома возникли уже в начале 1930-х гг. Так, в 1930 г. (18 ноября) на партсобрании Ларьякской ячейки обсуждался вопрос о работе нардома. В частности, говорилось об оживлении работы правления нардома и красного уголка, а также о найме сторожа на период ярмарки. Нардом являлся своего рода и гостиницей, и местом для отдыха, а также в нем можно было узнать все новости[65].

Сведений о народных домах не так уж много, но в источниках они упоминаются регулярно. Более подробно пишет И.Каскин о доме народов Севера на Казымской культбазе. Вообще этот удивительный человек, оставив воспоминания, позволил прояснить некоторые детали, о которых до сих пор мы знали очень мало. Так, он подчеркивает, что все организации, имевшиеся на культ-

---

[63] Там же. Л. 43.
[64] ЦДНИОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 2385. Л. 7.
[65] ЦДНИТО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 97. Л. 69.

базе, и все учреждения возглавлялись исключительно москвичами, в том числе и народный дом[66].

И.Каскин проработал на Казыме с 1938 г. по июль 1940 г. Вот что он пишет о доме народов Севера: «Дом народов Севера использовался не только как клуб, но и как гостиница. Здесь пользовались ночлегом ханты, приезжающие на оленях из дальних селений (Нумто, Юильск, Хуллор, Кислор, Выргим) для закупки продовольствия в магазинах рыбкоопа и «Омпушнины». Сдав пушнину, рыбу, ягоды, они отоваривались мукой, солью, сахаром, чаем, мануфактурой, швейными изделиями, охотничьими припасами. Дом народов Севера был очагом культуры не только в поселке, но и во всей округе. Здесь часто ставили спектакли, концерты. Проводили различные спортивные соревнования, обязательно приурочивая их к отчетным собраниям колхоза, рыбкоопа, совета, культбазы. Вся культмассовая работа лежала на плечах Чекмарева (Сергея Сергеевича.— *Л.А.*), ни один концерт или спектакль не обходился без него»[67].

В отчете культбазы за 1940 г. отмечалось, что в доме народов Севера была сосредоточена вся культурно-массовая и политико-воспитательная работа по обслуживанию приезжего национального населения, служащих, проживающих на культбазе. «Работа в клубе проводилась через сеть разнообразных кружков ликвидации неграмотности и малограмотности в летний период. Формы культурно-массовой работы были очень разнообразны: и индивидуальные беседы с отдельными ханты, и проведение лекций на разные темы, докладов, киносеансов, кружковой работы, вечеров самодеятельности и т.д. … Посетили дом народов Севера за 1940 г. 1850 человек, обслужены ночлегом — 800 человек. Проведено лекций и докладов 29, на которых присутствовали 2 026 человек. В том числе ханты — 300[68].

Дом народов Севера имелся при Сосьвинской культбазе. Он был хорошо оборудован, состоял из 11 комнат. Там были зрительный зал и сцена, где выступала молодежь с различными

---

[66] См.: Каскин И. Пути-дороги. С. 41.
[67] Там же.
[68] См.: Из истории культурного строительства… С. 187.

постановками. Дом располагал комнатой для приезжих и столовой[69].

В 1938 г. в Ямало-Ненецком округе насчитывалось 5 домов ненца[70]. Чем занимался дом ненцев? Главное развлечение — показ кино, а также кружки по интересам; как правило, действовал и кружок ликбеза. Работники дома и советские активисты организовывали выступления с лекциями, беседами, а также концерты[71]. В конце 1930-х гг. при доме ненца в Салехарде работали кружки: драматический (15 постановок, обслужены 5 976 человек), хоровой (18 человек, дано 2 концерта, обслужены 875 человек), духового оркестра (17 человек). Киносеансов — 300, которые посетили 31 200 человек[72].

При Ямальской культбазе также существовал дом народов Севера. Накануне войны деятельность дома народов Севера осуществлялась достаточно активно, что хорошо представлено и прослеживается в отчете его заведующей — Н.Колесниковой[73]. Теперь дом осуществлял работу не только стационарно, а его сотрудники выезжали в рыболовецкие колхозы во время промыслов прямо на пески. Основной задачей являлось проведение культурно-массовой работы и организация школ неграмотности. Для этой цели были организованы красные уголки в колхозе «Харп», а также в коллективных хозяйствах им. Сталина, им. 2-й пятилетки, им. Смидовича. Каждый уголок имел патефон, пластинки, шашки, шахматы, литературу, все необходимое для проведения занятий по ликвидации неграмотности. Уголки находились в Варне, Лае, Наричах. Работники дома выезжали регулярно на красной лодке к рыбакам, в красных уголках проводили беседы на политические, бытовые, медицинские темы, а также кампании по подписке на заем, вербовке детей в школу и др. Н.Колеснико-ва указывала, что беседы шли на пользу, особенно в части санитарии и гигиены. В чумах становилось чище, женщины регулярно мыли полы, начинали использовать мыло, просили сшить белье и

---

[69] См.: Кронгауз Ф. К истории советской школы... С. 30.
[70] ТОЦДНИ. Ф. 135. Оп. 8. Д. 1. Л. 108.
[71] Там же. Оп. 5. Д. 20. Л. 1—9.
[72] ЦДНИОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 2385. Л. 95—96.
[73] ГАЯНАО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 21. Л. 30—32.

одежду (костюмы), разрешали остричь волосы[74]. «Массовик-ликвидатор неграмотности Алеша Капшев каждый выходной день в уголке открывал парикмахерскую. Бывали дни, когда он брил 8—9 человек и постригал до 10»[75].

Публичные читки газет и беседы на политические темы также давали результаты: некоторые колхозники обращались с просьбой написать в газету по той или иной проблеме. Так, в «Правду тундры» было написано 5 заметок[76]. Работники дома народов Севера показывали кино. Среди картин были следующие: «Ленин в Октябре», «Мы из Кронштадта», «Королевские матросы», «Новый Гулливер». Просмотр сопровождался переводом содержания и заканчивался беседой. «Картины пользовались большим успехом»,— отмечала Н.Колесникова[77]. На песках выпускались стенные газеты.

Дом народов Севера в 1938 г. базировался в поселке, размещался в одноэтажном помещении площадью 567 м^3. Помещение было приведено в порядок, ему был придан соответствующий культурный вид, однако требовался ремонт печей и побелка. Зрительный зал был рассчитан на 80 человек. Имелась библиотека (507 экземпляров книг), бильярдная, комната для кружковой работы, квартира для уборщицы. Накануне войны было установлено звуковое кино и приобретено пианино — это было событие неимоверного значения. Кроме этого, имелись гармонь, 2 балалайки, 4 гитары, 3 мандолины. Проводились вечера, а также работали курсы по подготовке ликвидаторов неграмотности[78]. За первое полугодие 1938 г. дом народов Севера проделал следующую работу (табл. 40):

---

[74] См.: Там же. Л. 32.
[75] Там же. Л. 31.
[76] Там же.
[77] Там же.
[78] Там же. Л. 32.

Таблица 40

Мероприятия дома народов Севера на Ямальской культбазе в 1938 г.[79]

№	Мероприятие	Приняли участие (человек)
1.	Обслужены ночлегом	86
2.	Юридическая помощь, заявления и жалобы	19
3.	Беседы, лекции, доклады (50)	4 174
4.	Слет стахановцев (2)	сведений нет
5.	Киносеансов (18)	1 394
6.	Постановки и концерты (18)	1 677
7.	Стенгазеты (6)	—
8.	Читателей в библиотеке	195
9.	Ликбез	38
10.	Кружки (3)	сведений нет

Сведения, приведенные в таблице 40, свидетельствуют о разнообразной работе, которую проделали работники дома народов Севера, оказывая различную помощь, предоставляя ночлег, проводя развлекательные мероприятия, ликбез и т.д.

Красные уголки упоминались довольно часто в ряду учреждений культуры. В протоколе заседания Ларьякской ячейки ВКП (б) от 3 апреля 1928 г. рассматривался вопрос о слиянии красных уголков при Доме охотника. Один из коммунистов — Булыгин — отмечал: «У нас развелось много углов, а работы никакой. Слить все уголки в один, где будет больше продуктивности в работе». Дербенев подчеркивал: «У нас есть распоряжение из Томска, в котором говорится, чтоб во время ярмарки у нас был свой красный уголок при доме охотника»[80]. В конце 1930-х гг. размещение красных уголков осуществлялось на всех предприятиях, в колхозах и совхозах. Так, смета на оборудование красного уголка в Ямальском окружном рыбацко-колхозном союзе предполагала приобретение бюста вождя, портретов руководителей государства, а также приобретение мебели, радиолы с пластинками, шахмат, наглядных пособий[81].

---

[79] Составлена по: ГАЯНАО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 21. Л. 31.

[80] ЦДНИТО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 75. Л. 14.

[81] ГАЯНАО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 22. Л. 197.

В числе культурно-просветительских учреждений были **красные лодки** — явление, характерное только для Крайнего Севера. Под «красными лодками» выступали плавучие средства, которые в летнее время использовались культбазами, домами народов Севера, красными чумами для того чтобы попасть в отдаленные юрты, пески и провести там соответствующие культурные и политпросветительские мероприятия. Известно, что в летнее время на Сосьвинской культбазе работала плавучая культбаза, которая проводила культмассовую работу среди населения[82]. Красная лодка имелась на Ямальской культбазе, которая работала во время летнего рыбного промысла. На лодке находился медицинский работник, работники дома народов Севера, работники школы, корреспондент газеты «Правда тундры». Весной и летом 1938 г. основная задача лодки состояла в организации медицинского обслуживания колхозников и единоличников, проведении санитарно-просветительской работы, помощи в организации социалистического соревнования, проверке и оказании помощи массовикам-ликвидаторам неграмотности[83]. Культлодка имелась на Казымской культбазе. Весной и летом сотрудники базы выезжали на ней к аборигенам и проводили соответствующие мероприятия[84].

Клубы как культурные учреждения также имелись, но их было мало. Так, в Самарово работал рабочий клуб с 1935 г. За помещением следили плохо. Везде была грязь, стоял холод. Работала изба-читальня; сотрудники клуба проводили лекции, собрания, однако в целом клуб не был центром культуры. К этому не располагал ни его внешний вид, ни материальная база, ни его работники. В Приуральском районе накануне войны функционировало 2 клуба: в Оксакарке и в Щучьем («планов работы клубов нет, вся работа организуется от случая к случаю»), изб-читален — 3, райбиблиотека (1 334 экз. книг), красных уголков — 4[85].

В 1940 г. в Ямало-Ненецком округе имелось 8 клубов, 8 красных чумов[86], 6 библиотек, 13 изб-читален. Весь книжный фонд

---

[82] См.: Кронгауз Ф. К истории советской школы... С. 30.
[83] ГАЯНАО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 21. Л. 32.
[84] ГАХМАО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 46. Л. 43.
[85] Там же. Д. 59 а. Л. 2—18; ЦДНИОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 2385. Л. 95—96.
[86] Там же. Л. 7.

составлял 33 700 экземпляров. Имелось всего 5 киноустановок[87]. В Остяко-Вогульском округе накануне войны имелось 3 дома культуры, 6 клубов, 14 библиотек. Таким образом, культурные учреждения округов находились в стадии начального развития, их сеть не позволяла охватить все население края[88]. Следует также иметь в виду, что основная масса культучреждений размещалась в окружных и районных центрах.

Театральная жизнь не была яркой, активной. И.А.Горюшкина исследовала проблему становления и развития театров Сибири, описав театральную жизнь гг.Новосибирска, Томска, Омска, не затронув вопроса театрального искусства на Севере Западной Сибири[89]. Своих театров и театральных коллективов в округах не было. Самодеятельность имела место, а вот общение с профессиональными труппами стало возможно только со времени вхождения в состав Омской области, что подробно нашло отражение в работах искусствоведа А.Иванова[90]. Ближе к 1940-м гг. активизировалась деятельность театральных трупп в Остяко-Вогульском округе, чего нельзя сказать об Ямало-Ненецком. Знаменательным событием культурной жизни Остяко-Вогульска стало проведение первого летнего театрального сезона 1937—1938 гг. Осенью 1937 года Омский облисполком направил в Остяко-Вогульск труппу 3-го колхозно-совхозного театра. В ее составе были: художественный руководитель и главный режиссер А.Бердичевский, артистки К.Гринева, Е.Елисеева, Н.Казанская, Е.Усольцева, артисты Г.Гринев, И.Егоров, Н.Зикунов, С.Зозуля, А.Иванов, М.Казанский (он же режиссер), И.Прокаев, П.Рябов, Г.Стрючков и другие. До нового года были показаны пьесы: «Слава» В.Гусева (на открытии сезона 11 сентября), «Горькая судьбина» А.Писемского, «Люди в белых халатах» С.Кингсли, «Очная ставка» братьев Тур и

---

[87] ТОЦДНИ. Ф. 135. Оп. 8. Д. 1. Л. 108.

[88] ГАХМАО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 4. Л. 15.

[89] См.: Горюшкина И.А. Театры Сибири (краткий обзор становления и развития) // Сибирь в XVI—XX вв. Экономика, общественно-политическая жизнь и культура. Новосибирск, 1997. С. 251—300.

[90] См.: Иванов А. Любители продолжают, профессиналы начинают // Югра. 2000. № 2. С. 59—61; Он же. Последние предвоенные сезоны (1937—1941 гг.) // Югра. 2001. № 3. С. 50—52.

Л.Шейнина, «Разбойники» Ф.Шиллера, «Чужой ребенок» В.Шкваркина, «Без вины виноватые» А.Островского, «Дальняя дорога» А.Арбузова, «Похищение Елены» Л.Вернейля, «Платон Кречет» А.Корнейчука. Кроме классических произведений, репертуар состоял из современных советских и западных пьес, заслуживал одобрения их идейно-художественный уровень.

Пьесы ставились на сценах дома народов Севера и Самаровского клуба рыбников, а также артисты в конце ноября на семь дней с восемью спектаклями выезжали в Белогорье для культурного обслуживания комбината и колхозников. Зимой артисты не раз выезжали в села Самаровского района, помогали художественной самодеятельности.

К сожалению, Омский облисполком не сумел организовать в Остяко-Вогульске зимние театральные сезоны, ограничившись лишь летними. В 1939 г. он направил в Остяко-Вогульск, Салехард, Новый Порт коллектив 2-го колхозно-совхозного театра Омской области в количестве 32 человек. С 26 мая по 15 июня 1939 г. театр работал в Остяко-Вогульске и Самарово, показывая спектакли на сценах дома народов Севера и клуба рыбников.

Летом 1940 г. для обслуживания Крайнего Севера был послан коллектив недавно созданного Тарского окружного драматического театра (директор — Красиков, художественный руководитель — Корвич, художник — Андриевский). В труппе были артисты: Акимова, Волконская, Версальская, Гуринович, Гуров, Гурова, Далль, Забелин, Зорин, Злобина, Клинков, Кобзелева, Медведева, Обухов, Райков, Смирнов. В репертуаре: классика («Последняя жертва» А.Островского, «Тартюф» Мольера, «Хозяйка гостиницы» К.Гольдони), современная советская драматургия («Падь Серебряная» Н.Погодина, «Вторые пути» А.Афиногенова, «Страшный суд» В.Шкваркина, «Платон Кречет» А.Корнейчука), одноактные пьесы и инсценировки, в том числе «Злоумышленник» А.Чехова. Вообще современный репертуар Тарского театра не удовлетворил зрителей (как и игра многих исполнителей), и они выразили пожелание, чтобы облисполком строже подходил к формированию трупп, посылаемых на Север. Это еще одно свидетельство роста эстетических запросов северян.

Не удовлетворяла их и своя театральная самодеятельность, основным средоточием которой являлись дом народов Севера

и клуб рыбников. Работа руководителя драматического коллектива режиссера В.Павлова и директоров обоих клубов не раз подвергалась критике. И все же театральная самодеятельность округа в 1930-е гг. стала необходимым подспорьем профессиональному искусству. Она раскрывала природные таланты самих участников, способствовала в какой-то мере развитию художественных вкусов пусть немногих жителей пока еще глухого края.

Репертуар драматических кружков мало чем отличался от афиши провинциальных театров. В нем была и классика, и современная драматургия, и даже пьесы местных авторов, в том числе аборигенов (например, упомянутая ранее пьеса Григория Лазарева «Под маской колхозника»). С осени 1937 г. до начала войны только в Остяко-Вогульске были поставлены: «Женитьба» Н.Гоголя, «Бедность не порок», «Бесприданница», «За чем пойдешь, то и найдешь» А.Островского, «Женитьба Фигаро» Бомарше, «Шторм», «Жизнь зовет» и «Пограничники» В.Билль-Белоцерковского, «Падь Серебряная» и «Джиоконда» Н.Погодина, «Мы идем» В.Гора (о борьбе испанского народа с фашизмом, постановка С.Зозули), «Квадратура круга» В.Катаева, «Шестеро любимых» А.Арбузова, «Павел Греков» Б.Войтехова и Л.Ленча, «Сережа Стрельцов» В.Любимовой (о школьной жизни) и другие пьесы[91].

Салехардский окружной дом ненца был центром культурной жизни Ямало-Ненецкого округа. Его работники мастерски ставили спектакли. Работал кружок духовых инструментов под руководством Б.В.Манн. Большую работу проводили районные дома ненцев.

Деятельность всех культурных учреждений края велась по таким приоритетным направлениям, как ликвидация неграмотности, агитационно-пропагандистская деятельность, политпросвет. О развитии культуры в широком смысле слова вопрос не стоял. Литература, искусство, воспитание потребностей приобщения к духовной культуре почти не имели места. Декларировалась необходимость развивать национальное искусство и литературу, однако накануне войны были предприняты лишь первые шаги в

---

[91] См.: Иванов А. Последние предвоенные сезоны... С. 50—52.

этом направлении и опять же больше в политических целях, нежели в целях культурно-просветительских и культурно-воспитательных.

4.2. Культурные базы как комплексные учреждения новой культуры

Специфическими учреждениями культуры на Крайнем Севере, действовавшими вдали от крупных населенных пунктов, являлись культбазы. В советской исторической литературе исследованию роли культбаз в приобщении народов Севера к внедряемой новым политическим режимом советской культуре уделялось значительное внимание[92]. Общей для трудов являлась однозначно положительная оценка деятельности данных учреждений, стремление представить культбазы как явление всеобщее и значительное для жизни Севера. Как правило, в работах исследователей замалчивалось реальное количество баз; лишь вскользь упоминалось о существовавших в их деятельности проблемах, причина которых, по мнению авторов, крылась в сопротивлении кулаков и шаманов культурным преобразованиям в крае.

Культурных учреждений, как уже было показано в предыдущем параграфе, имелось незначительное количество, но вот их типы были весьма различны и специфичны. Среди культурных учреждений придавалось особо важное значение культбазам, особенно при организации культурно-просветительной работы среди туземцев. Впоследствии культбазы сосредоточили в себе некоторые из указанных типов культурных учреждений (чум, дом туземца, школа и др.) и стали как бы культурными комплексами.

Так что такое культбаза? Как мыслились ее функции? Какая роль ей отводилась в социокультурных преобразованиях в крае? В чем значение ее деятельности? Ответы на эти и другие вопросы предстоит дать в данном разделе книги.

---

[92] См.: Карцов В.Г. Очерки истории народов Северо-Западной Сибири. С. 130; Меляков Н.И. Ленинская национальная политика и просвещение народностей Севера // Летопись Севера. М., 1977. Т. VIII. С. 39; Зибарев В.А. Большая судьба малых народов. Новосибирск, 1972. С. 82—85; и др.

Первым документом, в котором отражен вопрос о строительстве культбаз, являлся протокол совещания № 1 комиссии по созданию культурных советских северных баз Центрального Комитета Севера от 28 февраля 1925 г., в котором были сформулированы функции баз: продовольственно-кооперативная; врачебно-ветеринарная; культурно-просветительская; научно-исследовательская[93].

В протоколе № 2 совещания комиссии от 4 марта 1925 г. рассматривался вопрос о примерном штате баз. Указывалось, что «заведующий базой — лицо, политически достаточно компетентное». Относительно количества учащихся на культбазе высказывалась мысль, что в ближайшие годы их будут единицы. Расширение должно идти очень медленно, и полный комплект учеников будет не ранее чем через 4—5 лет (предполагалось, что будет 45 учащихся)[94]. В протоколе от 20 марта 1925 г. вновь рассматривался вопрос о базах, где были уточнены представления об их продовольственной функции. Предусматривалось, что на базе будет работать снабженческий магазин, по преимуществу торгующий хлебопродуктами, кооперативная ячейка, ячейка опытно-показательных и хозяйственных начинаний[95].

Вопрос о создании учреждений законодательно был оформлен в мае 1925 г. постановлением Комитета Севера, который считал целесообразным в наиболее отдаленных районах Крайнего Севера создать культурные базы. Решение было принято на расширенном пленуме Комитета Севера, состоявшемся 11—12 мая 1925 г., и гласило следующее: «Признать устройство культурных баз вполне целесообразным и наиболее рациональным методом работы для культурного подъема, развития самостоятельности, выработки основ национального самоопределения и вовлечения туземных племен в советское строительство, а также для оказания немедленной экономической и культурной помощи туземцам». В протоколе № 8 от 29 мая 1925 г. отражен подготовительный этап работы по вопросу о культбазах. В частности, указывалось, что разработка постановления по созданию культурных северных баз

---

[93] ГАРФ. Ф. 3977. Оп. 1. Д. 19. Л. 32.

[94] Там же. Л. 30—32.

[95] Там же. Л. 25.

поручалась Комитетом Севера Яновичу и Львову[96]. В протоколе № 10 от 4 июля 1925 г. содержались сметы расходов на 1925/26 г., которые отпускали средства на разведовательные партии по выбору мест для культбаз в размере 18 тыс. руб. и на первые работы по их организации — 25 тыс.[97] Тогда же наметилось расширение функций культурных баз. «Основными признаками баз признать намеченное в них Комитетом соединение кооперативной, хозяйственной, просветительной, врачебной, ветеринарной и научно-исследовательской работы. Считать содействие постройке и организации баз важнейшей, ударной, первоочередной задачей местных Комитетов Севера»[98].

Первые две базы на Севере были возведены уже в 1927 г., однако не на Обь-Иртышье. В 1927 г. Комитетом Севера была разработана инструкция для заведующих культбазами[99], а профессором Б.Э.Петри был представлен проект культбазы для малых народов Севера. Он видел в культбазе одно из средств устранения недостатков в современном быте туземцев. Профессор считал, что база должна быть создана: в центре обитаемой территории; удалена от русских поселений и изолирована; размещаться на реке; вблизи летних выпасов оленей; в удобном месте при наличии достаточного земельного фонда. Он считал, что культбаза должна стать административным центром, где разместится резиденция тузсовета. При культбазе должна быть школа, налажена выпечка хлеба. Он указывал, что идея кочевой школы оказалась неосуществленной. Обязательно предусматривалось наличие медпункта на культбазе, который должен был не только оказывать медицинскую помощь, но и вести санитарно-просветительскую работу[100].

К 1928 г. Комитетом Севера было разработано «Положение о туземных культбазах Севера», которое включало следующие основные идеи:

---

[96] Там же. Л. 44—45.

[97] Там же. Л. 40.

[98] Клещенок И.П. Исторический опыт КПСС... С. 161.

[99] ГАРФ. Ф. 3977. Оп. 1. Д. 374. Л. 1.

[100] Там же. Л. 5—8.

«1. Образуются в целях всесторонней культурной помощи. В задачи культбазы входит всемерное содействие данной народности по организации территориально-административно-судебных учреждений, по укреплению туземного хозяйства, улучшению форм туземного быта.

2. Культбазы организованы как учреждения комплексного типа, где на одной территории под единым руководством объединены ряд учреждений, в обязанности которых входит оказание туземцам культурно-просветительной, врачебно-санитарной, ветеринарной, продуктово-кооперативной помощи, всестороннее изучение района обитания обслуживаемой культбазой народности.

3. На культбазе сосредотачиваются больница, ветпункт, школа, изба-читальня, кооперативно-снабженческий магазин, оленное стадо, зверовой питомник, заводы по переработке местного сырья, ремесленные мастерские.

4. Руководящий персонал приглашает местный Комитет Севера.

Общее руководство возлагается на заведующего, утвержденного Комитетом Севера при ВЦИК.

Сметы на содержание составляются заведующими учреждениями базы при участии зав. культбазой, препровождаются в Комитет Севера при ВЦИК»[101].

К «Положению» прилагалась объяснительная записка, в которой еще раз почеркивалось, что культбазы — образцовые пункты всесторонней помощи туземному населению, что они должны охватывать все стороны туземной жизни[102]. Таким образом, в 1928 г. достаточно четко была выведена теоретическая модель базы. Тогда же была разработана специальная инструкция для ее заведующего.

«Временная инструкция» заведующего культбазой гласила: «Заведующий культбазой — лицо, которое осуществляет руководство деятельностью, административно-хозяйственное управление. Заведующий культбазой назначается местными окружными, краевыми, областными исполкомами и утверждается Комитетом Севера при ВЦИК. Заведующий обязан содействовать наиболее успешному проведению (работы.— *Л.А.*) отдельных учреждений

---

[101] Там же.

[102] Там же. Л. 47.

культбазы; заботиться о полном и своевременном снабжении материалами, регулировать распределение продуктов, топлива и т.д.; устанавливать правила внутреннего распорядка; участвовать в проработке смет; предоставлять годовой отчет Комитету Севера при ВЦИК; собирать не реже 1 раза в месяц совет ответственных сотрудников базы и представителей туземного населения; распоряжаться кредитами»[103].

В начале 1930 г. в районах Крайнего Севера функционировало 6 культбаз, на строительство которых было затрачено 2,5 млн. руб. 28 марта 1930 г. комиссией по делам строительства культбаз Комитета Севера были уточнены задачи этих специфических учреждений. «Культбазы имеют целью ускорить и облегчить привлечение малых народностей северных окраин к общей работе трудящихся республики по строительству советской культуры и социалистической реконструкции народного хозяйства в условиях национального самоопределения. В будущем культбазы должны стать политическими и культурными центрами данной народности. Главными направлениями в работе культбаз на пути к достижению этих целей являются: всестороннее обслуживание коренного населения по определенному плану при одновременном укреплении национальных органов власти, которые в дальнейшем должны стать во главе этого обслуживания; оказание всесторонней помощи в целях поднятия хозяйства и улучшения жизни коренного населения в культурно-просветительском, медико-санитарном, хозяйственном, кооперативно-продовольственном и административно-правовом отношениях; создание из среды самих малых народностей культурного, воспитанного в духе идей нашей партии актива без отрыва его от местного быта и от масс коренного населения, владеющего научно-техническими навыками в области местных промыслов и ремесел; ведение научно-исследовательской и краеведческой работы, имеющей целью всестороннее изучение природы, быта и хозяйства населения, обслуживаемого базой»[104].

---

[103] Там же. Л. 49—50.

[104] Клещенок И.П. Исторический опыт КПСС... С. 163.

С учетом этих задач Президиум Комитета Севера 5 октября 1932 г. утвердил новое положение о культбазах[105]. На них возлагались функции организации не только культурно-просветительской, но и хозяйственной деятельности среди коренного населения. Культбазы мыслились как центры, в которых будут сконцентрированы все важнейшие учреждения, необходимые для осуществления хозяйственной, политической и культурной жизни на определенной территории. Для выполнения поставленных задач прежде всего необходимо было создать саму культбазу. Культбазы создавались целенаправленно, поэтому проводилась первоначальная работа по выбору места для их сооружения, и задача эта была не из легких; обследовать огромную территорию за короткий промежуток времени было невозможно как по погодным условиям, так и по материальным соображениям. Л.Набокова и В.Белобородов опубликовали недавно новый документ, касающийся поездки комиссии Уральского Комитета Севера (1929 г.) для выбора места под строительство культбазы на Тобольском Севере. В отчете комиссии по выбору места для постройки культбазы освещались следующие вопросы: описание района, занятия и промыслы, описание возможных пунктов постройки базы, конструкция культбазы, маршрут, дневник и выводы[106].

2 апреля 1932 г. Уральский Комитет Севера вынес постановление, в котором указывалось, что исходя из факта национального районирования и создания национальных райисполкомов, признать необходимым: построить культбазы в одном месте с районными центрами, учитывая, что культбаза в условиях кочевого населения сможет охватить своей деятельностью население лишь при наличии передвижных форм работы. Однако данное постановление не было выполнено, реальная обстановка показала, что базы целесообразнее возводить в отдаленных местах, где проживало коренное население, не охваченное советскими преобразованиями[107]. Документы свидетельствуют, что вопрос о строительстве баз в местах расположения районных центров рассматривался и раньше. К примеру, в тезисах к докладу об организации

---

[105] См.: Советский Север. 1932. № 5. С. 151—152.

[106] См.: Югра. 2000. № 6. С. 61—64.

[107] ТФГАТО. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 1. Л. 213.

культбазы на Томском Севере от 14 февраля 1929 г. говорилось о проекте создания культбазы в Ларьяке: «Местом для культбазы должно являться село Ларьяк как центр района, населенный наиболее компактно туземной массой (оседлыми и полуоседлыми остяками), имеющей свои туземные органы управления»[108]. При культбазе планировалось создать школу-интернат на 50 мест, больницу на 15 коек, ветпункт с манежем, зоотехнический пункт, помещение для тузРИКа[109].

В письме секретаря Александровского РК ВКП (б) Перепелицина в Томский окружком от 30 ноября 1929 г. также содержится информация по данному вопросу: «В сентябре месяце настоящего года выехала комиссия от ОКРЗУ в лице инженера строителя Фижмана, рыбоведа Неймана и заместителя ОКРЗУ Рытова, но по случаю отозвания Рытова мне пришлось самому выехать, потому что такие вопросы, как определение построек культбазы на сумму 180 тыс. руб. и предъявление проекта туземного района — вопросы очень важные... Эту работу нам удалось провести без особых затруднений, но важно то, что между этими двумя спецами шла все время грызня. Фижман — парень горячий и суетлив, он все старается ускорить работу, а в особенности передвижение. Нейман — это человек со спокойной и обломовской душой, а отсюда и получилось: один старается ускорить работу, а другой ходит переваливается с ноги на ногу... Сейчас перед нами стоит вопрос такого характера: место под культбазу отвели, планы разбили из расчета на 180 тысяч (руб.— *Л.А.*) постройки, а к заготовкам леса до сих пор не приступили, а также нет никаких директив со стороны ОИКа и ОКРЗУ»[110]. Однако культбаза в Ларьяке не была создана.

По предположениям органов государственной власти, а также Центрального Комитета Севера культбазы были призваны решить весь комплекс задач, охватывающих важнейшие сферы жизни аборигенов; кроме того, деятельность культбаз должна была способствовать советизации. В.А.Зибарев указывал, что в 1930 г.

---

[108] Там же. Ф. 695. Оп. 1. Д. 142. Л. 4.
[109] Там же.
[110] ЦДНИТО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 85. Л. 11.

на всем Севере России было сформировано 8 таких баз. Ф.Ф.Кронгауз писал, что с 1927 по 1935 гг. на Севере России было построено всего 19 баз. Столь незначительное число их можно объяснить как географической удаленностью от крупных административных центров, так и трудностями строительства, оборудования и содержания. Применительно к Северо-Западной Сибири в 1930-е гг. в опубликованных работах и извлеченных из архивов источниках есть информация лишь о четырех базах. Это Казымская, Ямальская, Тазовская и Сосьвинская. Причем о Тазовской культбазе сведений практически нет. Н.И.Меляков утверждал, что имелось 5 баз, которые были построены с 1927 по 1935 гг.: Хоседа-Хард (Большеземельская тундра), Ярсале (Ямал), Хальмер-Седэ (Таз), Сосьвинская и Казымская[111]. Приведенная ниже таблица 41 дает общие сведения о трех опорных культбазах Обь-Иртышского Севера.

Таблица 41

Культбазы Ямало-Ненецкого и Остяко-Вогульского округов в 1930-е гг.

Название и местонахождение	Время строительства и формирования	Состав учреждений базы
Казымская — на реке Казым в 270 км от Березова (по реке), Остяко-Вогульский округ.	март 1930 — декабрь 1931 гг.	Больница, школа-интернат, ветзоопункт, краеведческий пункт, хозяйственная часть, 2 торговые организации, дом туземца, 10 парников, показательная юрта, три жилых дома, баня-прачечная, ледник, кухня, складские помещения, электростанция.
Ямальская — поселок Яр-Сале, Ямальский округ.	1932—1934 гг.	Больница, школа-интернат, ветзоо-охотпункт, краеведческий пункт, агроучасток, дом ненца, столовая, комната для ночлега, два красных чума, мастерские

[111] См.: Меляков Н.И. Ленинская национальная политика... С. 39.

		(швейная, оружейная, сетевязальная), строительная контора, магазин, электростанция.
Сосьвинская — по реке Северная Сосьва, в 300 км от Березова, Остяко-Вогульский округ.	1936 г.	Семилетняя школа, интернат, дом народов Севера, библиотека, ветпункт, электростанция, мастерская, кирпичный завод.

Исходя из сведений, отраженных в таблице, можно сделать вывод, что первой была организована культбаза на Казыме и что все три базы были сооружены в весьма отдаленных районах округов. В структуре всех этих культбаз была сеть культпросветучреждений и хозяйственных организаций.

Источники по истории строительства и деятельности культбаз весьма противоречивы. Так, по другим сведениям, строительство Сосьвинской культбазы в Березовском районе началось в 1931 г. Осенью 1931 г. для работы среди оленеводов Саранпаульского совхоза была организована культпалатка, оснащенная библиотечкой, фотоаппаратом, патефоном, бильярдом. Культработники проводили беседы, громкие читки, выпускали стенгазеты. Относительно подробные сведения мы имеем лишь о работе Казымской, Сосьвинской и Ямальской культбаз. Их деятельность освещалась в советской и партийной прессе тех лет, а также в материалах съездов советов и конференций местных партийных комитетов.

26—28 декабря 1931 г. в Березове состоялась IX районная партийная конференция, на которой Казымская культбаза рапортовала о строительстве, организации и работе: «...К строительству приступлено в марте 1930 г. ...Выстроены 14 строений... Все учреждения культбазы оборудованы. Укомплектованы соответствующим штатом в числе 37 человек, в том числе 5 туземцев... В области массовой работы сделано выездов — 9, проведено бесед по юртам — 9, проведено собраний — 25. Организован культпоход «За грамоту казымских остяков» в составе трех бригад численностью 10 человек, прошедших пешком по лесотундре 330 км, в результате чего школа была укомплектована детьми казымских остяков в числе 17 человек, чем положено начало народному

образованию в Приказымье... Под непосредственным руководством культбазы проведена работа по совместному и кооперативному строительству; выбран и организован первый туземный совет...»[112].

Следует отметить, что по смете Комитета Севера на строительство Казымской базы было выделено 185 247 руб.[113] Казымские остяки и ненцы жили обособленно. Они были независимы, жили по традициям предков, во всем сохраняя многовековой уклад. В конце 1920-х гг. советская власть до них еще не дошла, поэтому, вероятно, одной из причин сооружения здесь культбазы можно рассматривать и ту, которая способствовала бы распространению советских преобразований в крае, поскольку к обозначенному времени остяки лишь принимали участие в заготовительных кампаниях, что же касается политических и культурных преобразований, то здесь пока все оставалось без изменений.

Создание школы на культбазе вызвало большое недовольство у местных жителей, особенно тогда, когда остяки поняли, что детей у них заберут в интернат. В туземном совете находились уважаемые люди рода, которые вели очень мудрую политику. Они не ссорились с вышестоящими приезжими начальниками и делали вид, что со всем согласны, а фактически говорили сородичам, чтобы те детей в школу не отдавали. Об отношении к школе местного населения на Казыме писала газета «Советский Север» 17 февраля 1931 г.: «Учиться не будем, а если будете приставать к нам со школой, мы уйдем в тундру». В первом учебном году на базе обучались всего 7 учеников, занятия с которыми велись в течение 92 дней. Затем, ближе к весне, родители увезли детей. Несколько иначе писал о первом учебном годе на культбазе Ф.Ф.Кронгауз: «Занятия начались 14 ноября 1931 г., а 28 декабря того же года все ребята были увезены из интерната. Ночью приехали на 100 нартах вооруженные люди и увезли ребят». Причины увоза не были сообщены школе, но это было сделано под влиянием и при активном участии кулачества, агитировавшего бедноту, доказывавшего, что «если дети будут учиться, они не захотят

---

[112] ТОЦДНИ. Ф. 107. Оп. 1. Д. 53. Л. 111—112.
[113] ГАРФ. Ф. 3977. Оп. 1. Д. 538. Л. 49.

жить в юртах, а потребуют русские дома, русскую одежду..., осталось в интернате только 6 учеников — дети активистов»[114].

Следующий учебный год совпал с трагическими событиями на Казыме в связи с восстанием казымских остяков зимой 1931—1932 гг., поэтому о просветительской деятельности в тот момент говорить нельзя. Волнения в районе не прекращались и в последующие годы. Тому подтверждением является докладная записка Остяко-Вогульского окружкома от 4 августа 1933 г., в которой сообщалось, что ненцы прогоняют бригаду рыбаков с озера Нум-То, угрожают сжечь культбазу и требуют освобождения четырех своих людей, арестованных в 1932 г.[115] В 1932/33 учебном году в школу удалось заполучить к тем 6 ученикам еще только трех человек. В 1934 г. были привезены 46 детей[116]. Таблица 42 позволяет увидеть охват детей школьным обучением и продолжительность учебного года на Казымской культбазе[117].

Таблица 42

Количество учащихся и продолжительность учебного года в школе на Казымской культбазе в 1931/32—1936/37 гг.

Учебный год	Количество учащихся	Длительность учебного года
1931/32	7	92
1932/33	11	94
1933/34	46	155
1934/35	59	173
1935/36	74	180
1936/37	108	205

Сведения, приведенные в таблице, позволяют увидеть, что учебный год начинался позднее установленных традиционных сроков и заканчивался намного раньше, с началом кочевания семей. Охват детей был также незначительным; по приблизительным подсчетам, он составлял в 1936/37 г. около 20% от численности детей школьного возраста, причем на базе учились дети работников этой базы.

---

[114] Кронгауз Ф.Ф. К истории советской школы... С. 28.

[115] Там же.

[116] Там же.

[117] Там же. С. 29.

Располагая отчетом культбазы за 1934 г., можем детально проследить ее деятельность, проблемы и достижения. 1934 г. был очень тяжелым в связи с отголосками политических событий на Казыме. Главная задача культбазы сводилась к разъяснительной работе в юртовых объединениях, разоблачению кулацко-шаманских выступлений; подробному ознакомлению населения с национальной политикой партии и советской власти. В 1934 г. под руководством базы были проведены выборы в совет, в которых приняли участие 55% населения, в совет избрали 23 человека. В плане весенне-летних мероприятий были выезды ветврача для обслуживания стад; учащиеся старших классов под руководством учителей выехали на рыбалку. Другие учителя и медики объезжали юрты. Лечили туземцев и проводили разъяснительную работу о школе, об интернате и др. Использовали для передвижения красную лодку. Председатель тузсовета также участвовал в объезде. Работа больницы не ограничивалась стационаром, наоборот, больше старались выезжать по юртам и вели санитарно-просветительскую работу. За год оказали медицинскую помощь 2 280 чел. Прививок поставили 435. В процентном отношении посещения среди населения распределялись следующим образом: мужчины — 32,5%; женщины — 22,8%, дети — 44,7%.

Наибольшей проблемой оставалась проблема школьная. В 1934 г. контингент школы составлял 46 человек. Туземцы говорили: «Ребят выучат и увезут на войну», «Ребята выучатся и не будут промышлять», «Наши ребята не способны учиться». Школа-интернат испытывала крайнюю нужду в обуви, верхнем платье, частично — в белье и пальто[118].

В отчете культбазы представлены сведения о работе зооветпункта, которая сводилась к оказанию помощи оленеводам. Проводили обработку оленей по борьбе с кожным оводом, выбраковывали, вели сортоиспытания сельскохозяйственных культур. В отчете представлена деятельность краеведческого пункта, туземного дома и красного чума[119]. Кроме обучения детей, культбаза должна была вести работу по ликвидации неграмотности. В течение 1936/37 г. планировалось ликвидировать неграмотность взрослых.

---

[118] ГАХМАО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 26 а. Л. 39—42.

[119] Там же.

Однако справиться с поставленной задачей не удалось. Только 73 человека обучились грамоте[120].

В 1940 г. Казымская культурная база отмечала свой юбилей. В отчете «О производственной и культурной деятельности базы за 1940 г.» сообщалось: «Культбаза обслуживает Казымский национальный совет, площадь которого равна 35 790 кв. км. Резиденция культбазы вместе со школой, интернатом, больницей, ДНС, электростанцией и др. находится на реке Амня в 17 км от устья, здесь же расположен административный центр (исполком национального Совета), а также торгово-хозяйственные организации с центральными торговыми точками. В школе учатся всего 260 детей, в том числе ханты — 142, манси — 1, ненцев — 2. За первое полугодие успеваемость по школе выражается в 75,3%. Неуспеваемость в основном объясняется национальным составом учащихся, недостаточно усваивающих преподавание на русском языке»[121].

М.Е.Бударин сообщал, что население этого края культбаза разделила на 5 юртовых объединений: Казымское, Амненское, Выргымское, Хулорское, Юильское. Район обслуживания летом составлял по протяженности 400—500 км. Культбаза помогала выявлять ягельники, изучала территорию на предмет полезных ископаемых, доставляла доктора в юрты и стойбища[122]. Ни в одном из документов, характеризующих деятельность базы, не содержится данных о том, сколько всего людей она обслуживала. Данный показатель позволил бы оценить роль культбазы в жизни народов Севера. По сведениям избирательной кампании 1928—1929 гг., в Казымском туземном районе совершеннолетние исчислялись цифрой в 961 человека[123]. С учетом детей можно предположить, что всего в районе могли проживать около 1,5 тысяч человек.

Жизнь на культбазе стабилизировалась во второй половине 1930-х гг. В политдонесении начальника Обдорского политотдела (1938 г.) сообщалось о мероприятиях, проведенных Казымской

---

[120] Там же.

[121] ТОЦДНИ. Ф. 107. Оп. 1. Д. 829. Л. 2.

[122] Бударин М.Е. Путь малых народностей... С. 278.

[123] ТФГАТО. Ф. 695. Оп. 1. Д. 132. Л. 84.

культбазой. В их числе: коллективная читка романа Н.А.Островского «Как закалялась сталь» с охватом 120 человек, ветеринарная лекция (80 человек), 3 спектакля (38 человек) и вечер самодеятельности (160 человек)[124]. На Казымской культбазе в 1938 г. работали 58 человек[125].

Дополнением к информации о деятельности культбазы может служить докладная записка начальника Казымской базы Н.Крыласова Ханты-Мансийскому окружкому ВКП (б) от 29 марта 1941 г. В документе сообщалось, что культбаза в своей работе исходила «из задач партии и правительства по организационно-хозяйственному укреплению колхозов, о проведении в жизнь ленинско-сталинской национальной политики среди народов ханты и ненцев Казыма»[126]. Из документа узнаем, что работники культбазы проводили разъяснительную работу по сселению кочевников в поселки («Работа по сселению в Казыме в полном разгаре, требуется серьезная в этом помощь со стороны района и округа»), а также активно занимались хозяйственной работой («По плану пушных заготовок Казым занимает первое место в районе»). В сферу деятельности базы входило и сельское хозяйство. В 1941 г. по сельскохозяйственному производству намечалось: «Расчистить площадь от леса и кустарника — 31 га, раскорчевать — 14 га, вспахать целины — 14, иметь пашни — 14, посеять — 4,5, из них: картофеля — 3, овса — 1, овощей — 0,5 га... Семена огородные на Казым заготовлены, картофеля нужно 9 т для артелей... Сельхозинвентаря, кроме лопат, в артелях нет, а на культбазе имеется один плуг и несколько борон зиг-заг. Необходимо ускорить заброску инвентаря, так же как и семян картофеля».

В документе сообщалось и о школьных проблемах: «Не изжито еще прежнее бескультурье, имеются еще факты, когда некоторые ребята заходят в шапках в столовую или в свои спальные комнаты, ложатся в одежде на кровать и т.п.», а также о состоянии здравоохранения: «Особо плохим явлением на Казымской базе за последние 10 месяцев было отсутствие врачей, нет также опытного фельдшера. Не работает также рентгенаппаратура,

---

[124] ЦДНИОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 1804. Л. 5.

[125] ГАХМАО. Ф. 355. Оп. 1. Д. 16. Л. 30 об.

[126] Судьбы народов Обь-Иртышского Севера. С. 294.

зубоврачебный и хирургический кабинеты, хотя все оборудование в больнице есть. За 1941 г. больницу посетили 3 344 ханты и ненцев»[127]. Таким образом, за 10 лет своего существования Казымская культбаза укрепила свое материальное положение, расширила степень влияния на местное население, решала вопросы хозяйственной, политической и культурной жизни, но проблем в ее работе было много, самой важной из них была нехватка квалифицированных кадров.

Сосьвинская культбаза фактически развернула свою работу с начала лета 1935 г. Она должна была обслуживать край площадью 5 млн. га, на территории которого размещалось 5 советов. Ф.Ф.Кронгауз, посетивший базу, писал о ней: «В 1937—1938 гг. здесь была развернута большая культурно-массовая работа с мансийским населением, остававшимся до недавнего прошлого изолированным от влияния культуры и находившимся еще на крайне низком уровне своего развития... формы и методы работы учреждений, составляющих культбазу, были правильно намечены и способствовали быстрому культурному росту населения»[128]. Школа при культбазе была построена в 1935 г. как начальная. Классных комнат было 6, но очень небольшие. Здание интерната было рассчитано на 70 учащихся, в 1936/37 г. вмещало 118 человек[129]. В.Белобородов считает, что культурные базы (Казымская и Сосьвинская) были ярким явлением культурной жизни Березовского района в 1930-е гг. Он указывает, что в тот период на культбазах работали высококвалифицированные врачи, учителя, специалисты сельского хозяйства и других отраслей. Одним из таких высококвалифицированных специалистов был Митрофан Алексеевич Воскобойников (1877—1947 гг.) — выпускник Московского университета, экономист и юрист, землеустроитель и крупный специалист по переселенческому делу. На Сосьвинской культбазе он занимал должность краеведа и выполнил обширную программу исследований: вел фенологические наблюдения, обследовал охотничьи и рыбные угодья, ягодники, сенокосы с частичной глазомерной съемкой, составил естественно-историко-

---

[127] Там же. С. 296—298.

[128] Кронгауз Ф.Ф. К истории советской школы... С. 30.

[129] См.: Там же. С. 61.

экономический очерк Сосьвинского края. Одновременно руководимый им краеведческий пункт культбазы много занимался изучением экономического положения местного населения, анализировал бюджеты колхозов, простейших производственных объединений и отдельных мансийских семей, оказывал практическую помощь колхозам, разработал программу мероприятий по устройству охотничьего хозяйства. Краеведческим пунктом был заложен первый опыт выращивания в открытом грунте и парниках огурцов, салата, редиса, моркови, свеклы, мака и других культур, доказавший выгодность огорода в местных условиях. М.А.Воскобойниковым были собраны образцы окаменелостей, почв, растений, предметы быта и промысла манси для музея при туземной школе.

О высоком авторитете М.А.Воскобойникова среди краеведов говорит избрание его членом окружного совета краеведения[130]. В.Белобородов опубликовал отчет[131] М.А.Воскобойникова «Первая олимпиада (смотр) искусств и культуры народа манси (вогулов) 20—22 марта 1936 г. на Мансийско-Сосьвинской культбазе». Автор подробно описывал подготовку к слету: «Решение устроить на Мансийско-Сосьвинской культбазе съезд туземцев манси Сосьвинского края для показа и просмотра имеющихся у них образцов самобытного искусства (музыки, пения, танцев, художественных изделий и пр.) состоялось в первых числах января текущего (1936) года, и в течение двух месяцев специалистами культбазы при проездах по району эта идея всячески разъяснялась туземцам. Время съезда намечалось ориентировочно на вторую половину марта месяца, так как до того времени большинство манси занято охотпромыслом. В начале марта руководство культбазы

---

[130] Во второй половине 30-х годов Митрофан Алексеевич переехал в Ханты-Мансийск, где с 1938 года работал экономистом окрплана, а в 1940—1946 годах — директором окружного краеведческого музея. В трудные военные годы, будучи сам тяжелобольным, он не только сохранил музейные коллекции, но и собрал большой статистический материал, характеризующий изменения в хозяйственной и культурной жизни округа за годы войны, проводил экскурсии, читал лекции, составил библиографический указатель литературы об округе.

[131] Публикуемый отчет был напечатан по рукописному подлиннику, хранящемуся в Государственном архиве Омской области (См.: Ф. 1074. Оп. 1. Д. 156), копия которого была получена В.Белобородовым от краеведа А.М.Хромовой.

разработало подробную диспозицию слета и назначило окончательный срок: 20—22 марта. Закипела работа: спешно провели подготовку помещений для гостей, для общественного питания (хозяйственная комиссия), мобилизовали фотографов базы для обеспечения непрерывной полной засъемки прохождения слета, показа выступлений и создания фотогазеты. Участники музыкально-драматического кружка и массовики базы, занятые подготовкой к празднованию дня Парижской коммуны (18 марта), получили дополнительное задание и по организации слета.

Были посланы из культбазы специальные гонцы для объезда наиболее значительных туземных селений с целью пропаганды задач смотра, приглашения участников и гостей. В более отдаленные части края были посланы радиограммы туземным советам: принять меры к возможно полному оповещению туземного населения о слете, вербовке участников, могущих показать те или иные образчики самобытного мансийского искусства. Такая усиленная массовая подготовка была совершенно необходима и, как, к сожалению, выяснилось после, оказалась недостаточной по причине совершенной новизны небывалого на севере начинания. Отсюда — несколько скептическое отношение к этому начинанию со стороны многих местных советско-партийных и хозяйственных организаций и работников, которые поэтому не оказали культбазе сколько-нибудь заметной помощи. В массе туземного населения более удаленных, глухих селений еще не изжито полностью затаенное опасливое настроение к самой культбазе, подогреваемое исподтишка кулаками и шаманами. Эти настроения при прохладном отношении к олимпиаде местных работников в отдаленных от культбазы тузсоветах Няксимвольском и Анеевском привели к тому, что представителей на слет они не послали...»[132]. В 1938 г. на Сосьвинской культбазе жили и работали 76 сотрудников[133]. Они обеспечивали работу школы (в которой учились 142 человека), больницы на 20 коек, занимались сельским хозяйством: разводили скот, выращивали овощи[134].

---

[132] Белобородов В. Слово о Воскобойникове // Югра. 1999. № 9. С. 33—35.
[133] ГАХМАО. Ф. 355. Оп. 1. Д. 16. Л. 9.
[134] Там же. Л. 15—21.

Ямальская культбаза также была построена в весьма отдаленном месте. Наиболее сложным в ее деятельности был организационный период. В 1932 г. строительство и оснащение базы в основном завершилось. В 1934 г. Комитет Севера при ВЦИК направил на работу в должности заведующего базой М.М.Броднева, которому удалось превратить культбазу в центр хозяйственной и культурной жизни Ямальского района.

Ф.Ф.Кронгауз, посетивший базу в 1936 г., писал: «За год работники культбазы добились больших сдвигов в работе, в особенности по линии коллективизации, организационного укрепления колхозов и организации ППТ: проводили работу непосредственно в тундре, охватывая массовыми мероприятиями даже Северный Ямал, куда до этого времени никогда еще не проникало влияние культуры»[135].

Несколько лет проработал на культбазе М.М.Броднев. Общение М.М.Броднева с ненцами пробудило у него интерес к изучению их прошлого. Он приступил к собиранию и обобщению материалов по истории и этнографии аборигенов Ямала. Служба М.М.Броднева на Ямальской культбазе оборвалась неожиданно. Ему приписали «вредительство», сняли с работы, исключили из партии и отправили в Салехард. Последовал арест. Два года М.М.Броднев находился под следствием в тюрьмах Салехарда и Омска, выдержал угрозы и пытки, не дал оговорить себя и своих товарищей, доказал свою невиновность. После выхода на свободу М.М.Броднев вернулся на Север и служил ему до конца жизни[136].

Во второй половине 1930-х гг. на культбазах Обь-Иртышского Севера были введены должности парторгов. Из политдонесения от 9 июня 1938 г. начальнику политуправления Главсевморпути сообщались сведения о парторгах культбаз[137] (табл. 43).

---

[135] Кронгауз Ф.Ф. К истории советской школы... С. 33.
[136] ЦДНИОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 1804. Л. 11.
[137] Там же. Л. 38 об.

Таблица 43

Сведения о парторгах культбаз

Наименование базы	Фамилия, имя, отчество парторга	Биографические сведения
Сосьвинская	Алексеев Константин Григорьевич	Родился в 1898 г., из рабочих, образование начальное, опыта партработы не имеет.
Казымская	Яснов Петр Васильевич	Родился в 1904 г., из рабочих, образование среднее, имеет двухлетний опыт низовой партработы.
Ямальская	Вайда Степан Лаврентьевич	Родился в 1894 г., из рабочих, образование среднее, имеет двухлетний опыт низовой партработы.
Тазовская	Хозанов Исаак Лазаревич	Родился в 1908 г., из рабочих, имеет двухлетний опыт низовой партработы.

Назначенные парторги были людьми малообразованными, подбирались по классовому принципу и опыту работы в массах. Их прибытие на культбазы совпало с развертыванием репрессивной кампании государства.

Исследователи советского времени положительно и даже восторженно оценивали значение деятельности культбаз. Ф.Ф.Кронгауз считал, что их возникновение имело поворотное значение в подлинной советизации, хозяйственной и бытовой жизни Севера[138]. Изучение деятельности культбаз показало, что административно они подчинялись Комитету Севера при Президиуме ВЦИК, оттуда же осуществлялось и финансирование. Следует отметить, что известные нам культбазы материально оснащались (по тем временам) вполне удовлетворительно. Планирование работы культбаз «спускалось» местными партийными комитетами, перед ними база отчитывалась о своей работе, им и подчинялась. Создаваемые в глухих местах, культбазы своей деятельностью должны были ускорить процесс трансформации традиционного общества

[138] См.: Кронгауз Ф.Ф. К истории советской школы... С. 35.

у коренных народов. Аборигены лишались экономического суверенитета, а значит, и своего традиционного образа жизни. В этом смысле культбазы, деятельность которых хоть и распространялась на небольшое количество людей, свою задачу выполнили. Однако преувеличивать их роль не стоит, поскольку на Обском Севере было всего четыре подобных комплекса. Среди многочисленных функций, которые выполняли культбазы, просматривается важнейшая из них — просветительская. Именно от успеха просвещения зависело все остальное. Проблемы создания школ при культбазах, обучения детей аборигенов во многом решались благодаря тем людям, которые на культбазах работали. Север строго экзаменовал людей на прочность. Здесь приживались те, кто обладал высоким интеллектом, чистой душой, крепким здоровьем. Коллективы показательных баз (и прежде всего Ямальской) объединяли истинных энтузиастов своего дела, прибывших из гг.Москвы, Ленинграда, Омска, Тобольска. Специалисты передвигались по стойбищам, делили с кочевниками кров и хлеб. Взаимопонимание рождало доверие, способствовало решению больших и малых дел. Работники культбаз не ставили под сомнение важность тех мероприятий, проводниками которых они являлись. Их чувства были искренни, они верили в светлое будущее туземцев.

Выводы по главе

Культурно-просветительные учреждения должны были способствовать политическому воспитанию масс. Особое внимание в их деятельности уделялось культурному обслуживанию аборигенов, которые были далеки от политики. Специфические условия проживания народов Севера, дисперсность расселения заставляли создавать культурные учреждения, способные обслуживать кочевое и полукочевое население. Так возникли красные чумы и культбазы. Культурные базы, развернув свою деятельность, стали своего рода культурными центрами в районах обслуживания. Будучи комплексом различных учреждений, культбаза несла в себе мощный по тем временам импульс новой жизни и новых отношений.

Культбазы как созданные на Дальнем Севере специфические многофункциональные учреждения по работе с аборигенами не

имели аналогов ни на Американском, ни на Канадском Севере. В этом — одна из их особенностей, которая позволяет задаться вопросом: что было бы, если советская власть не создала бы эти самые базы? Как это могло отразиться на советизации и коллективизации отдаленных районов тундры? Можем предположить, что деятельность культбаз ускорила обозначенные процессы, но не более того (и то лишь у незначительной группы аборигенов). Основополагающим фактором все же, на наш взгляд, явилось переселение на Север десятков тысяч крестьян, ценой жизни которых и были решены «великие» задачи сталинской модернизации.

Глава 5
САНИТАРНОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ, МЕДИЦИНСКОЕ И ВЕТЕРИНАРНОЕ ОБСЛУЖИВАНИЕ В 1920—1941 гг.

5.1. Медико-санитарные мероприятия, развертывание работы медицинских и ветеринарных учреждений в 1920-е гг.

В 1920-е гг. проблема оздоровления сибирского населения стояла необыкновенно остро. К.А.Цилев считал, что советская система здравоохранения населения Сибири организационно стала оформляться с 23 сентября 1919 г., когда Сибревком утвердил заведующим отделом здравоохранения (Сибздрава) Н.Мальцева. К концу 1920 г. Сибздрав окончательно оформился как представительный орган Наркомздрава. Однако нужно пояснить, что деятельность Сибревкома после разгрома Колчака не распространялась на Тюменскую губернию. К середине 1920-х гг. в Сибири была развернута сеть медико-санитарных учреждений, которые начали выборочные обследования населения[1]. Однако применительно к Северу Западной Сибири ситуация была абсолютно иной. В.А.Зибарев утверждал, исследуя проблему на материалах малочисленных народов Дальнего Востока, что медицинских учреждений не было и что медицинская помощь носила случайный характер[2]. В отличие от Дальнего Востока, на Тобольском Севере в крупных населенных пунктах имелось несколько больниц и медпунктов, которые возникли задолго до революции.

---

[1] См.: Цилев К.А. Здравоохранение Сибири в период деятельности Сибревкома (1919—1925 гг.) // Материалы к истории медицины и здравоохранения Сибири. Томск, 1960. С. 38; Зверев В.А. Санитарная наука в России и народная санитарно-гигиеническая культура сибиряков: проблемы сосуществования в конце XIX — первой трети XX вв. // Культура и интеллигенция сибирской провинции в XX веке. Новосибирск, 2000. С. 105.

[2] См.: Зибарев В.А. Первые мероприятия советской государственности по организации здравоохранения у малых народов Дальнего Востока в 1922—1926 гг. // Сб. науч. тр. Томский инженерно-строительный институт. Т. VI. Томск, 1959.

Так, на территории современного Ханты-Мансийского округа в 1913 г. было 7 медицинских учреждений[3]. В 1912 г. работали 2 врача: один — в Сургуте, другой — в Березове[4].

Старейшим лечебным учреждением в крае была Березовская больница, открытая в 1835 г. В 1915 г. было построено новое здание больницы. Всего накануне революции в Березовском уезде работали 2 больницы, и в них трудились 6 фельдшеров. С 1917 по 1921 гг. в Березовской уездной больнице работал врач Сперанский. 24 января 1920 г. был организован уездный отдел здравоохранения, который он возглавил. В 1923 г. больница имела стационар на 23 койки. Заведовал в ту пору больницей бывший ссыльный студент 4 курса медицинского института (какого именно, неизвестно) Моисей Григорьевич Ратнер, впоследствии ставший профессором[5].

5 апреля 1920 г. был образован Обдорский здравотдел[6]. В 1920 г. ответственный работник Тюменского губкома РКП (б), посетивший Север, отмечал, что «врачебная помощь самоедам и остякам поставлена слабо, свирепствует черная оспа, сыпной тиф, дизентерия, 80% остяков больны сифилисом»[7]. Относительно последнего заявления, не подкрепленного исследованиями, остается сомнение. Более того, доктор Тейман, работавший среди ханты по рекам Васюгану и Оби в 1925—1929 гг., исходя из своих практических наблюдений, писал, что заболеваемость туземцев венерическими болезнями составляла 6%, трахомой — 9% и туберкулезом — от 2 до 8,4%[8].

Опасения распространения таких инфекционных заболеваний, как чума и холера имели место, о чем свидетельствовал приказ Тюменского губчека и губисполкома «По борьбе с холерой» от 30 августа 1921 г. и телеграмма Наркомзема РСФСР от 28 апреля 1921 г. № 3110. В ней говорилось, чтобы все губисполкомы обратили

---

[3] ГАХМАО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 58. Л. 2.

[4] Там же. Л. 12.

[5] См.: Головин А.А. Первая в Югре. Березово, 2001. С. 8.

[6] ГАЯНАО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3. Л. 3.

[7] ТОЦДНИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 38. Л. 58 об.

[8] См.: Владимиров П.Н. Медико-санитарное обслуживание народностей Омского Севера в 3-й пятилетке // Омская область. 1939. № 3. С. 71.

особое внимание на противочумные мероприятия, оказывали всяческое содействие ветперсоналу[9].

Больницы Тобольского Севера в начале 1920-х гг. переживали трудные дни, однако продолжали работать. Отчет о деятельности Обдорской больницы за 1923 г., обнаруженный в Государственном архиве Ямало-Ненецкого автономного округа, позволяет получить конкретные сведения о положении медицинского учреждения и его деятельности. Административно больница подчинялась Березовскому уездному здравотделу. С 16 сентября 1923 г. ее содержание перешло на уездный исполком. Обдорская больница являлась медицинским центром Дальнего Севера, имела стационар на 20 коек и заразный барак. Штат больницы включал: 1 доктора, 2 фельдшеров, 1 сестру, 2 сиделок, 1 санитара, 1 кухарку и 1 прачку. За год в больнице было принято 2 341 человек амбулаторных больных, из них повторно — 729. Необходимые медикаменты имелись, а вот инструментов, особенно хирургических, не хватало. Они были старые, а возможность заменить их отсутствовала.

В отчете указывалось, какие заболевания являлись наиболее распространенными среди населения в те годы. «...Очень редко можно встретить ненца, обратившегося с сифилисом в больницу. Немало было семей, зараженных поголовно». Среди заболеваний распространены были: часотка с осложненной экземой, трахома[10], оспа. Смертность от оспы была очень высока. Умирал каждый второй заболевший. Лечение от часотки проводилось в больнице, но было бесполезным, так как, возвращаясь в чум, человек заражался снова. В документе есть сведения и о содержании больницы. Так, на первое полугодие 1924 г. было выделено 5 167 руб.[11]

В представленном в райисполком докладе врача Обдорского района Шубинского от 10 мая 1924 г. представлена довольно полная картина с постановкой и положением медицинского дела в районе[12]. Врач писал о функционировании двух больниц —

---

[9] ГАЯНАО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3. Л. 19—19 об., 41.

[10] Трахома — хроническое вирусное заболевание глаз. При отсутствии лечения ведет к образованию бельма, слепоте.

[11] Там же. Д. 10. Л. 16—19.

[12] Там же. Л. 144—146 об.

в Березове и Обдорске. Он отмечал, что в последние годы больницы и пункты крайне скудно снабжались медикаментами и хирургическими инструментами, вследствие чего фельдшера были лишены возможности оказывать населению хотя бы минимальную медицинскую помощь. «В прошлом году при моем объезде пунктов, у фельдшера Мужевского района... не оказалось даже простого ланцета... Несколько месяцев назад один промышленник, получив отказ в помощи от фельдшера того же района, сам вскрыл себе гнойник, образовавшийся вследствие ранения пулей, и подобные приемы самопомощи, часто с печальными результатами, не редкость для Дальнего Севера». Шубинский представил краткую характеристику фельдшеров, работавших на Севере. «Про фельдшеров всех пунктов нельзя сказать ничего плохого, по большей части это пожилые люди с большим стажем и опытом. Печальное исключение представляет фельдшер Мужевского района, ротной школы, которого мы вынуждены терпеть вследствие недостатка в медперсонале»[13]. В чем заключалась работа фельдшерских пунктов? По свидетельству Шубинского, фельдшер вел прием (2—3 человека ежедневно) и посещал больных на дому, но крайне редко.

Весьма критически отзывался Шубинский о Березовской больнице, хотя сначала отметил ее положительные моменты: хорошее светлое здание, наличие амбулатории и палат, коридорная система, аптека и форпод. «В форподе сохранилось много старинных патентованных медикаментов до спермина включительно, благодаря работам старого фельдшера Локиц, живущего в Березове около 30 лет. Большой стеклянный шкаф полон хирургических инструментов. К сожалению, хорошее впечатление меняется при более близком знакомстве с больницей. Не оклеенные обоями стены палат изобилуют клопами. Вследствие освещения жировичками палаты прокоптели настолько, что не поддаются никакой щетке. Зимой в палатах царит страшный холод, и бывают недели, когда ведется только амбулаторный прием, а палаты закрыты из-за отсутствия топлива. Холод поддерживают и громадные щели в полу, по ночам из которых вылезают крысы». Больница содержалась на средства местного исполкома, своих

[13] Там же.

денег не имела, поэтому приобрести топливо было ей не на что. «Количество хирургических инструментов и обстановка указывают на то, что больница когда-то переживала лучшие времена, но в настоящее время все так поломано, заржавлено и запутано, что половину инструментов можно выбросить без всякого риску... Обыкновенно амбулаторный прием зимой не превышает 7—10 человек... Летом и осенью палаты заняты случайным пароходским элементом с самыми различными болезнями. Тот же элемент заполняет и амбулаторию с различными ушибами, порезами и т.д. Количество инородцев, посещающих больницу (главным образом, казымских и сосьвинских остяков), не превышает 15% от общего числа больных. Из всех заболеваний у инородцев 75% занимает трахома и ее последствия»[14].

О больнице в Обдорске доктор Шубинский писал, что она сохранилась значительно хуже, чем Березовская и страдает теми же недостатками: отсутствие топлива и хирургических инструментов, а также инструментов гинекологических и акушерских. В больнице имелся хороший операционный стол и десятичные весы, а вот микроскопа не было, он исчез. В больнице имелось 5 палат, но поскольку больных было мало, в них жили медицинские работники, т.к. дрова стоили очень дорого, а жалованья фельдшера не хватало на отопление.

Обе больницы носили название инородческих, т.к. были построены на средства туземцев. В 1923—1924 гг. бесплатного лечения не было, инородцы обращались в больницу редко, т.к. нечем было платить. Больницу посещали жители Обдорска, а также зыряне. Реже всего обращались в больницу остяки и самоеды. Последние посещали больницу во время ярмарки весной, когда возвращались из тайги с беличьего промысла.

В среднем амбулаторный прием в Обдорской больнице достигал 15—20 человек ежедневно. С амбулаторных больных взималась плата по 10 копеек, которую получать не всегда удавалось из-за бедности или из-за обмана населения. Со стационарных больных брали 50 копеек в сутки. Нередки были случаи, когда зыряне, идя на поправку, потихоньку покидали больницу и, не заплатив, уезжали.

---

[14] Там же. Л. 144.

Лекарства отпускались по ценам 1911 г., в расчет допускалась пушнина. В больнице имелся соответствующий пушной фонд, который планировалось потратить на покупку медикаментов и инструментов. По количеству больных на первом месте находились зыряне (чрезвычайно мнительные и нервные, по замечанию Шубинского), страдающие туберкулезом. У остяков, приезжавших из близлежащих чумов, в основном наблюдалась часотка и трахома. В противоположность зырянам они обладали очень крепкими нервами, при мелких операциях отказывались от анестезии. «К сожалению, они в серьезных случаях редко шли в больницу, а обращались за помощью к шаману. В силу своих убеждений предпочитали заживо гнить в чумах»[15]. Летом, как и в Березове, Обдорскую больницу посещали пароходские служащие и рабочие госрыбпрома. Осенью и в начале зимы за помощью обращались местные жители, накопив болячки за лето.

Среди всех болезней инородцев глазные болезни и болезни кожи занимали первое место. Грязь в жилище, дым чувала вызывали конъюктивит, трахому с осложнениями, слепоту. С глазными болезнями инородцы охотно обращались в больницу. Шубинский писал о неизвестном ему заболевании, которое наблюдал у зырян-оленеводов. Болезнь появлялась весной и обнаруживала следующие симптомы: сильное слезотечение, затем конъюктивит и потерю зрения в течение 2—3 недель. Через несколько лет человек становился совершенно слепым. Оказание хирургической помощи при глазных болезнях затруднялось, да и просто было невозможно из-за отсутствия инструментов. Для операций использовали заточенную дамскую шпильку, тупые ножницы. Автоклава для стерилизации не было, инструменты держали над горшком с кипятком в тарелке.

После трахомы на втором месте стояла слепота от оспы. Эпидемия оспы в 1923 г. унесла жизнь из 50 заболевших в селе Хэ 25 человек и из 30 заболевших в селе Нори 18 человек. Прививки от оспы проводились, но иногда не хватало прививочных материалов, а иногда сыворотки приходили с просроченным сроком годности. Прививки проводились бесплатно, и в 1924 г. было привито много туземцев, приезжавших за 200—300 верст.

---

[15] Там же. Л. 144 об.

Из кожных болезней на первом месте стояла часотка. И только здесь, на Севере, можно было видеть, как сильно поражала она человека. Часотка, как правило, осложнялась дерматитом, которому благоприятствовала грязь тела и отсутствие нательного белья. «Гнойные корки, перемешанные с шерстью, нередко покрывали добрую половину тела»[16]. Распространена была экзема и накожный сифилис. В Обдорске по амбулаторному журналу процент сифилисных больных составлял 9—10%. Лечение этого недуга производилось вливанием 914 и ртутными инъекциями, а среди инородцев — втиранием серой ртутной мази. Распространены были гастриты и энтериты среди приезжего и рыбацкого населения. Чрезвычайно были распространены ленточные глисты вследствие привычки есть в сыром виде рыбу и мясо. Шубинский указывал, что это дело можно было поставить под контроль, если бы функционировала ветеринарная служба. Мясо... животных никто не осматривал, люди употребляли больное мясо, печень и т.д. и заражались. Имели место эпидемии бешенства. В 1923 г. была вспышка возвратного тифа, но прошла легко и закончилась благоприятным исходом. Зимой 1924 г. прошла «испанка» — простудное заболевание с поражением дыхательных путей, бронхитом, ларингитом и поражением легких. За 15 дней болезнь перебрала все население Обдорска, при лечении большими дозами хинина и салицилловых препаратов болезнь проходила в 3—4 дня. Зубоврачеванием также занимались в больнице. Кариес был распространен у зырян, реже — у остяков и почти не наблюдался у самоедов. Пломбированием не занимались, зубы удаляли.

Среди проблем медицины Шубинский отмечал отсутствие женщины-акушерки. На всем Тобольском Севере не было таковой. Женщины-туземки были очень стеснительны и обходились помощью бабушек. Жены служащих Обдорска пользовались услугами врача и рожали только в больнице. Врач указал, что на 47 родов имели место 2 случая эклампсии[17], однако исход не указан. Хотя сама диагностика данной патологии свидетельствует о высоком профессиональном уровне доктора.

---

[16] Там же. Л. 145.

[17] Эклампсия (от греч. eklampsis — вспышка) — тяжелая форма позднего токсикоза беременных. Основной симптом — судороги мышц всего тела с потерей сознания.

Работали в Обдорской больнице: 1 врач, 1 фельдшер, 1 сестра, 2 сиделки, санитар. Зарплата персонала: врач — 100 руб., фельдшер — 60 руб., сестра — 35 руб., все остальные — 25 руб. Жалованье низшего персонала было мизерным, поэтому имела место текучка кадров. Оклады были незначительные, поэтому приезжие специалисты больше чем на год или два не задерживались. Те лишения, которые приходилось переносить, вовсе не компенсировались материально.

Шубинский считал, что «главный факт, в силу которого дело здравоохранения среди инородцев Севера никогда не станет на должную высоту,— это условия жизни инородцев». Медицинская помощь не распространялась на ямальских ненцев. Шубинский предлагал организовать медпункты на некоторых факториях, чтобы оказывать помощь ненцам, приезжающим за нужными товарами. В целях профилактики высказывал мысль о распространении плакатов, наглядно показывающих последствия заболеваний. «Инородцы очень любопытны и понятливы, и подобные плакаты принесут им несомненную пользу… Культура, в общем, сделает для инородцев больше, чем медицина, потому что сифилис, трахома и часотка скорее пройдут от грамоты и чистоты, чем от лекарства. К сожалению, остяки к ней совершенно не способны, и недалеко то время, когда от них останется одно печальное воспоминание. Будущее Севера принадлежит культурному самоеду, на жизнь которого и надо обратить самое серьезное внимание»[18]. Таким образом, в первой половине 1920-х гг. стационарные больницы имелись только в трех населенных пунктах: в Сургуте, в Березове и в Обдорске.

В 1925 г. Комитет Севера при ВЦИК организовал передвижной экспедиционный отряд в составе медработника и педагога, которые в течение шести с половиной месяцев кочевали в бассейнах рек Большого и Малого Югана, Агана, Тром-Югана в Сургутском районе, производя обследования туземного населения и оказывая медицинскую помощь[19]. В.Белобородов конкретизировал сведения об указанной экспедиции и ее длительности.

---

[18] Там же. Л. 146 об.

[19] См.: Вальтер Е.Б. Здравоохранение на Севере // Народное хозяйство Омской области. 1935. № 5. С. 73.

В составе отряда были Михаил Андреевич Протопопов и Ефим Алексеевич Калашников (фельдшер), а также к ним был прикреплен переводчик. В трудовых соглашениях с Тобольским Комитетом Севера указывалось, что по окончании работы отряда, Протопопова и Калашникова отправят учиться в вузы. Летом 1926 г. отряд, выполнив порученную работу, вернулся в Тобольск. За 9 месяцев медицинская помощь была оказана 662 туземцам. Одновременно проводились наблюдения и разъяснения туземцам сущности советской национальной политики. Общение с аборигенами позволило сделать вывод о наглядном методе культурной работы среди них[20].

Затем была отправлена экспедиция в бассейны рек Казыма и Сосьвы, а также на Ямальский полуостров. Эти экспедиции должны были найти наиболее приемлемую для Севера форму построения лечебной и санитарно-профилактической сети: стационарная медицинская сеть или передвижная. Было принято решение строить стационарные больницы[21]. Профессор Б.Э.Петри очень мудро писал: «Режим жизни туземцев диктуется оленем. Где оленю сейчас хорошо, туда едет туземец. Отсюда вечное движение, легкая конструкция переносного жилища со всеми его последствиями. Бесполезность наших медпунктов, когда население разбредется на сотни верст по малопроходимой местности. Легкий инвентарь. Ничего лишнего. Хлеб, испеченный в золе,— обязательный катар желудка к 35 годам»[22].

Во второй половине 1920-х гг. началось строительство новых больниц. Первыми были построены туземные больницы в Березовском районе: вначале в Полновате, затем в 1929 г. в Сартынье и на Казымской культбазе[23]. Больница в Полновате создавалась Российским Обществом Красного Креста[24]. В 1927 г. стала функционировать первая больница на Конде (Кондинский район) на 10 коек — в селе Нахрачи. Это было большое событие. Заведующим был назначен Алексей Федорович Пуртов[25]. По тем временам

---

[20] См.: Белобородов В. Ревнитель просвещения. С. 46.
[21] См.: Вальтер Е.Б. Здравоохранение на Севере…
[22] ГАРФ. Ф. 3977. Оп. 1. Д. 374. Л. 9.
[23] Там же.
[24] См.: Вальтер Е.Б. Здравоохранение на Севере… С. 73.
[25] См.: Богданова Н. Здравоохранение на Конде // Югра. 1999. № 12. С. 22.

это был грамотный, образованный человек, с большим стажем. В отчете райздравотдела от 9 января 1925 г. приводились сведения о состоянии медицины в районе и подчеркивалась квалификация Нахрачинского фельдшера: «Медпунктов — 3: Нахрачи, Болчары, Шаим. Медперсонал слабый, за исключением Нахрачинского фельдшерского пункта»[26].

В 1926 г. в Сургутском районе была 1 больница и 3 фельдшерских пункта (Тундрино, Локосово, Юган). Штат медиков — 14 человек. В отчете Сургутского райисполкома за 1926 г. указывалось, что медикаментами и перевязочными материалами обеспечены вполне удовлетворительно, а вот что касается отношения населения к медицине, то оно недоверчивое[27]. В 1929/30 г. было открыто 5 медпунктов в Сургутском районе: Ямбуры, Пуйково, Карымкары, Большой Атлым, Покур[28]. Зимой 1929 г. на Казым приехал санитарный отряд Российского Общества Красного Креста, который развернул медицинское обслуживание остяков. «В больнице лежат туземцы, симпатия к медицине растет, начинает завоевывать авторитет среди женщин»,— указывалось в акте обследования Казымского туземного райисполкома 3—4 февраля 1929 г.[29]

В 1929/30 г. на Севере имелось 8 больниц, 5 врачебных участков, 20 медпунктов, работали 11 врачей и 29 фельдшеров[30]. В Обдорском районе сеть медучреждений была представлена к 1930 г. Обдорской и Тазовской больницами (общее число коек — 30) и одним фельдшерским пунктом — в с.Хэ. Штат медработников был представлен двумя врачами, одним помощником лекаря, 5—6 сестрами.

Больницы, создаваемые в конце 1920-х гг., были небольшими, на 10, 15—25 коек, недостаточно оснащенные, в холодных помещениях, не располагавшие в достаточной мере медицинским персоналом. В отчетном докладе Тобольской окружной партконференции (1929 г.) сообщалось об отношении туземцев к медицине:

---

[26] Там же.
[27] ГАХМАО. Ф. 100. Оп. 1. Д. 9. Л. 17 об.
[28] ТОЦДНИ. Ф. 30. Оп. 1. Д. 969. Л. 11.
[29] ГАХМАО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1. Л. 16.
[30] ТОЦДНИ. Ф. 30. Оп. 1. Д. 969. Л. 11.

«Отношение туземцев (оседлых и полуоседлых) к советской медицине можно считать вполне доброжелательным. Обращаемость туземцев к медработникам с каждым годом увеличивается. Даже здоровые туземцы, приезжая в местности, где есть врач или фельдшер, считают необходимым зайти и полечиться»[31]. В постановлении президиума Тобольского окрисполкома «О мероприятиях по работе среди туземного населения Тобольского Севера» от 2 октября 1929 г. указывалось, что значительная часть населения, кочевого и полуоседлого, совершенно не обслуживается в медицинском отношении, а потому было принято решение просить Центральный комитет Севера, Наркомздрав и РОКК о расширении на Тобольском Севере сети медицинских отрядов[32].

Таким образом, во второй половине 1920-х гг. на Тобольском Севере началось создание новых медицинских учреждений, однако медобслуживание почти не выходило за пределы населенных пунктов. Кочевое население медицинской помощи не получало. К тому времени обозначились два подхода к решению проблемы оказания помощи местному населению. Первый виделся в создании стационарных медпунктов и больниц, а второй — в создании подвижных санитарных отрядов. Оба подхода в условиях кочевого образа жизни населения не годились. Технические возможности не позволяли оснастить передвижной отряд всем необходимым. Даже если отряд и выезжал в тундру, большого толку от него не было. Он не располагал необходимым оборудованием и не мог развернуть деятельность в полевых условиях. Требовалось наряду с созданием медпунктов и отрядов повышать уровень культурных навыков, быта, медицинских знаний населения, а также требовалось внедрять санитарно-гигиенические правила, но на таких огромных расстояниях сделать это быстро не представлялось возможным, а в условиях того времени тем более.

Ветеринарная служба на Тобольском Севере находилась в «зачаточном» состоянии. В 1916 г. на Севере имелось 2 ветеринарно-фельдшерских пункта[33]: в Березове и в Сургуте. В многочисленных

---

[31] Богданова Н. Здравоохранение на Конде… С. 22.

[32] ГАХМАО. Ф. 16. Оп. 1. Д. 8. Л. 33.

[33] Ветеринарный пункт — ветучреждение в населенном пункте, оказывает лечение и профилактическую помощь животным, проводит ветсанитарные мероприятия на обслуживаемой территории.

документах 1920-х гг. отражено отсутствие ветеринарной помощи. Например, в докладе Мужевского волостного исполкома за январь 1924 г. отмечено: «По ветеринарной части дело стоит плохо. Нет работника»[34]. В первой половине 1920-х гг. ветеринарной сети на Тобольском Севере еще не было, ветпункты работали в уездных, а затем в районных центрах, но не во всех. По причине отсутствия кадров они то открывались, то закрывались. В январе 1926 г. возобновил работу ветпункт в Сургуте. В отчете Сургутского райисполкома указывалось, что обеспеченность медикаментами в пункте была на 2 месяца, а инструментов вообще не имелось[35].

Ветеринарная помощь в Обдорском крае связывалась с деятельностью Обдорского ветбакинститута[36]. Зимой 1926 г. ветврачом Колмаковым была предпринята поездка в тундру. Экспедиция носила ознакомительный характер, так как никто не знал, что происходит с оленеводством в крае. Результаты экспедиции были признаны удовлетворительными, и теперь появилась возможность создать специальные ветотряды, которые смогли бы поехать к кочевникам. Для этого вопрос прорабатывался на заседании технической коллегии Обдорского ветбакинститута 16 декабря 1926 г. В постановлении были отражены следующие моменты, касающиеся подготовки отрядов:

1. Снабдить каждый отряд достаточным количеством средств передвижения, довести число ездовых оленей до 150; исключить в передвижении зависимость от кочевников.
2. В снабжении отрядов должно быть оказано полное содействие со стороны административных и хозяйственных организаций.
3. Обеспечить отряды всем необходимым снаряжением, обратив особое внимание на одежду и обувь, снабдить отряды лодками.
4. Учесть оленей для забоя на питание (20—25 голов).

---

[34] ГАЯНАО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 10. Л. 13 об.

[35] ГАХМАО. Ф. 100. Оп. 1. Д. 9. Л. 32.

[36] Бактериологический институт был создан в 1924 году. За годы своей работы сотрудники института положительно решили проблему сибирской язвы, но тогда, в 1920-гг., учреждение переживало нелегкие времена. Институт размещался в очень маленьком, неприспособленном помещении. «Занимаемое помещение не отвечает требованиям научно-исследовательского учреждения». См.: ГАЯНАО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 104. Л. 7.

5. При отправлении отрядов проработать для каждого маршрут, согласуя его с местами кочевок.
6. Вести исследовательскую работу для выявления экономической мощи кочевого населения; организовать культпросветработу; снабдить отряды специалистами и наглядными пособиями.
7. Вести наблюдение заболеваний, внедрять рациональные методы лечения, собирать паталого-анатомический материал.
8. Снабдить отряды микроскопами, красками и реактивами[37].

Выход отрядов планировался на апрель-май 1927 г. Было сформировано три отряда: Уральский, Тазовский и Ямальский. Главная проблема отрядов — обеспечение средствами передвижения — оставалась решенной частично. Тазовский отряд имел собственных оленей, Ямальский лишь наполовину был обеспечен оленями и потому должен был обращаться за помощью к оленеводам-частникам, а Уральский отряд вообще не имел оленей, и его передвижение увязывалось с кочеванием оленевода Витязева. Каждый из отрядов получил свой маршрут и двинулся в путь. Как потом оказалось, «движение Ямальского отряда было горестным. Оленей мало, они были истощены. Оборудование обозов недостаточно продумано. Формировались они поспешно, нарты низкие, покрышек недоставало, ящики для клади не имели гнезд. Стерильности не было, отсутствовала специальная посуда. Снабжение одеждой было неполным, продукты частично закупались на факториях»[38].

Возможности ветбакинститута по обслуживанию животноводства в крае были весьма ограничены, местные земуправления не занимались налаживанием ветеринарной работы ввиду того, что не было средств и специалистов. В 1929 г. по результатам обследования Сосьвинского туземного совета Березовского района было отмечено отсутствие какой бы то ни было ветеринарной помощи. Фельдшерский ветеринарный пункт функционировал только в Березове[39].

---

[37] Там же. Л. 6.
[38] Там же. Л. 8.
[39] ГАХМАО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1. Л. 12.

В конце 1929 г. Тобольский Комитет Севера в общем контексте работы среди малых народностей рассмотрел вопрос о состоянии ветпомощи. Заседание констатировало, что ветеринарные мероприятия развернуты за счет местных бюджетов и совершенно незначительны. «Перспектив, что дело скоро примет лучший оборот, не предвидится». Заседание констатировало, что Обдорский ветбакинститут, не имея средств и сотрудников, реально не мог решить проблему ветобслуживания в крае. Финансирование, осуществлявшееся Наркомздравом, было совершенно недостаточно. В Обдорском зооаппарате работали 2 зоотехника, которые по истечении двухлетнего срока намеревались уехать[40].

Таким образом, ветеринарная служба была представлена только в Березове, Сургуте и Обдорске. Не оказывалась ветпомощь Ямалу, где было сосредоточено основное поголовье оленей. Сеть учреждений во второй половине 1920-х гг. не была создана, поскольку ветпунктов даже не было в районных центрах, не говоря уже о периферии. О необходимости ветеринарной помощи в те годы говорили в различных советских организациях, но реальных шагов к созданию ветеринарной сети не предпринималось. Отсутствие ветучреждений, специалистов в области ветеринарии (особенно ветврачей) и системы ветеринарных мероприятий (профилактических, лечебных, противоэпизоотических, ветеринарно-санитарных) позволяет заключить, что применительно к 1920-м гг. нельзя говорить о том, что ветеринарная служба на Тобольском Севере сложилась. Между тем, отсутствие ветеринарного контроля было чревато весьма тяжелыми последствиями, т.к. речь шла не только о жизни животных, но прежде всего о жизни и здоровье людей, потреблявших продукты животноводства и рыболовства.

---

[40] Там же. Л. 29 об.

5.2. Медицинское и ветеринарное обслуживание в период с 1930-х гг. по июнь 1941 г.

Процесс оформления аппаратов национальных округов в 1931 г. предусматривал создание окружных и районных здравотделов. 9 марта 1931 г. состоялось заседание оздоровительной комиссии при социально-культурном секторе Комитета Севера при ВЦИК, на котором был рассмотрен вопрос о медико-санитарном обслуживании населения Севера и создании северных медицинских участков. Как одно из направлений деятельности рассматривалось разъездное обслуживание населения. Для медицинского обслуживания жителей Крайнего Севера — Ямальской и Уральской тундры — Госбюджет отпускал в 1931 г. 44 тыс. руб. на организацию подвижных отрядов и стационарных медпунктов с разъездной работой[41].

Первые санитарные отряды отправились в Остяко-Вогульский округ. Об их деятельности известно, что они, несмотря на трудности, в основном провели удовлетворительно санитарно-просветительские, лечебно-профилактические и исследовательские мероприятия. Однако некоторые отряды, как отмечала в докладе ответственный работник окрздравотдела Блюмина, своим поведением дискредитировали советскую медицину (пьянка, «обрастание», спекуляция). Она также сетовала по поводу отсутствия помещения под амбулаторию и стационар, нехватки врачей и среднего медперсонала, а также по поводу нехватки необходимого медицинского и лабораторного оборудования[42].

С началом работы оргбюро Ямальского округа (лето — осень 1931 г.) был создан окрздравотдел, который начал работу по развертыванию лечебно-санитарных учреждений в округе[43]. Решения первого Ямальского съезда советов ориентировали на необходимость проведения мероприятий по организации медпомощи и санитарного просвещения туземных масс[44]. В 1932 г. медицинская сеть в Ямальском округе была представлена 2 больницами на 30 коек (одна — в Обдорске, другая — в Хальмер-Седе);

---

[41] Там же. Л. 5.
[42] Там же. Л. 7.
[43] ГАЯНАО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 36. Л. 41.
[44] Там же. Д. 5. Л. 35.

10 амбулаториями[45]; 5 фельдшерско-акушерскими пунктами. Кроме того, действовало 2 передвижных пункта в составе красных чумов, а также было начато строительство больницы для спецпереселенцев на консервном комбинате[46].

Медицинские учреждения округа были крайне плохо обеспечены специальным инвентарем и инструментами. Для организации передвижных отрядов средств не выделялось[47], а значит, кочующее население по-прежнему лишалось медицинской помощи. «Вся районная сеть представляет из себя мелкие распыленные учреждения, подчас находящиеся в тесноте, темноте. В этих лечебных учреждениях мы не имеем надлежащего оборудования, мягкого инвентаря, автоклавов»,— указывалось в «Кратком отчете Ямальского окружного отдела здравоохранения за 1933 г.»[48].

С прибытием спецпереселенцев в Обдорск к традиционным северным болезням, распространенным среди местного населения, добавилась цинга[49]. Переселенцы, попав в иные природные условия, лишившись нормального питания, быстро заболевали этим коварным недугом (табл. 44).

Таблица 44

Заболеваемость цингой в Обдорске в 1931—1933 гг.[50]

	1931	1932	1933
Общее количество больных	1 200	490	753
Из них спецпереселенцев (в %)	70	33	46

[45] Амбулатория — лечебно-профилактическое учреждение, преимущественно в сельской местности, оказывающее помощь приходящим больным и на дому.

[46] ГАЯНАО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 38. Л. 10 об.

[47] Там же.

[48] Там же. Оп. 1. Д. 36. Л. 41.

[49] Цинга — заболевание, обусловленное недостатком в организме человека витаминов С и Р: слабость, мышечно-суставные боли, кровоточивость десен, выпадение зубов и др.

[50] Там же. Л. 42.

В 1933 г. медицинская сеть Ямальского округа имела 175 коек, из них 90 находились в окружном центре. Главной проблемой оставались кадры. Медицинские работники, представленные в основном молодыми людьми, предпочитали работать амбулаторно и стационарно, не выезжая в отдаленные пункты[51].

Статистические данные по оказанию медицинской помощи населению Ямало-Ненецкого округа в 1932—1934 гг. показывают незначительный охват ею коренного населения (табл. 45).

Таблица 45

Оказание медицинской помощи в Ямальском округе в 1932—1934 гг.[52]

	1-е полугодие 1932 г.	1-е полугодие 1933 г.	1934 г.
Всего оказано помощи (чел.)	41 612 человек	55 832	49 581
В том числе коренному населению (чел.)	1 365	2 288	2 933

Оснащение больниц оставалось плачевным. В отчете Ямальского окружного здравотдела за 1933 г. сообщалось на этот счет: «До сих пор мы не можем получить из области ни одного гинекологического кресла и хирургического стола, зубо-врачебных кресел, бор-машин, автоклавов и другого медицинского оборудования… Наши больницы не имеют даже кроватей, имеются топчаны, что совершенно неприемлемо для работы. Я не говорю о таких вещах, как микроскоп и ряд других лабораторных принадлежностей. Работать, безусловно, трудно и интереса со стороны лечебного персонала к своей работе должного нет»[53].

В условиях кочевого образа жизни населения Ямало-Ненецкого округа большое значение придавалось созданию медицинских отрядов. Впервые вопрос с их созданием был поставлен в округе в 1932 г. Однако за неимением средств и кадров было

[51] Там же. Л. 41.
[52] Составлена по: ГАЯНАО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 36. Л. 42; Ф. 3. Оп. 3. Д. 38. Л. 39.
[53] ГАЯНАО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 36. Л. 41 об.

решено для охвата медицинским обслуживанием и проведения санитарно-гигиенических мероприятий использовать медперсонал красных чумов. Было сформировано 6 отрядов, согласно числу чумов: в Приуралье — 1; на Ямале — 2; в Ныде — 1; в Тазовском районе — 2, что позволило оказать помощь 1 178 ненцам. В 1933 г. работало три отряда, но чем они занимались, сведений нет[54].

«С приближением медицины к национальному населению повышается его обращаемость. Национал верит советской медицине, он требует кочевой, качественной медицинской помощи»,— писал заведующий окрздравотделом Кондрахин[55]. Он подчеркивал, что чрезвычайно слабо поставлена санитарная работа. Отсутствовали дезкамеры и дезбараки, кочевое население не госпитализировалось и распространяло инфекционные заболевания[56]. В области оказания родовспоможения ситуация оставалась без изменений, единичные случаи имели место, когда женщины рожали при медиках, и то это касалось тех, кто жил оседло в населенных пунктах. В 1933 г. были открыты акушерские пункты — Мыс-Иамбей, Явай-Сале[57].

С 1932 г. в окружном центре был выделен врач для работы с детьми, до этого времени никаких медицинских осмотров школьников не проводилось. За 1933 г. им были осмотрены 1 535 школьников, 50 детей дошкольного возраста, организовано 6 санитарных уголков, сформированы отряды и ячейки по санитарии. В том же году открыли консультацию для грудных детей, организовали патронирование детей в окружном центре[58].

Нерешенной проблемой оставалось обслуживание рабочих рыбных промыслов. Строительство медпунктов, больниц и оснащение их всем необходимым окружные власти относили на счет Рыбтреста, но организация не спешила со строительством[59], и все-таки в первой половине 1930-х гг. ситуация с медициной в

---

[54] Там же.
[55] Там же. Л. 42.
[56] Там же.
[57] Там же.
[58] Там же. Л. 42 об.— 43.
[59] Там же. Л. 43.

Ямало-Ненецком округе несколько улучшилась по сравнению с периодом 1920-х гг.

Возросло число медицинских учреждений, увеличилась численность медицинского персонала (табл. 46), однако значительная часть населения все же не получала медицинскую помощь.

Таблица 46

Деятельность медицинских учреждений Ямальского округа в 1932—1934 гг.[60]

	1932	1933	1934
Фельдшерские пункты	3	11	7
Врачебные пункты	2	4	5
Количество врачей	8	20	сведений нет
Количество фельдшеров	3	10	4
Количество акушерок	—	10	4
Число коек	45	185	200

Медицинское дело в Остяко-Вогульском округе характеризовалось по сравнению с Ямальским несколько лучшей постановкой, охватом и организацией. В 1931 г. медицинская сеть округа была представлена 9 больницами и 27 медицинскими точками. Бюджет здравоохранения составлял 317 тыс. руб. В.Г.Карцов писал, что с образованием Остяко-Вогульского округа пришлось провести полную реорганизацию всей системы здравоохранения, увеличив капиталовложения с 317 тыс. руб. в 1931 г. до 4 976,3 тыс. руб. в 1936 г. Он же представил развертывание лечебной сети по округу[61] (табл. 47).

Таблица 47

Лечебная сеть Остяко-Вогульского округа в 1931—1935 гг.

Наименование	1931	1932	1933	1934	1935
Больницы	9	13	14	17	18
Ф/а пункты	18	36	56	62	63
Врачебные пункты	4	10	7	9	10

[60] Там же. Д. 48. Л. 41.

[61] См.: Карцов В.Г. Очерки истории народов Северо-Западной Сибири. С. 128.

Родовспоможение активно осуществлялось в окружном и районных центрах, где в 1933 г. числилось 40 коек. В том же году количество рожениц, прошедших через медучреждения, составило 343. В 1932 г. в окружной больнице начала работать женская консультация[62]. В 1935 г. зарегистрированы первые родовспоможения туземкам. На Казымской культбазе была оказана помощь 12 роженицам и в Сосьвинской больнице — двум. В.Г.Карцов писал: «Это было целым событием. Женщины массами съезжались к больницам для того чтобы лично убедиться в состоянии здоровья рожениц и новорожденных»[63]. Им же приводились сведения по распространению среди туземцев гигиенических навыков, что в совокупности с профилактическими мероприятиями приводило постепенно к сокращению инфекционных заболеваний, упавших с 3 001 случая в 1933 г. до 1 186 в 1935 г.[64]

В 1931 г. в Остяко-Вогульском округе была одна аптека — в Самарово. Медикаменты получали из Тюмени, Тобольска, Свердловска, но очень нерегулярно и несвоевременно. В 1931 г. медикаментов было приобретено на 60 тыс. руб. В 1931—1932 гг. в окружной аптеке работали 2 фармацевта. Число рецептов исчислялось в 1932 г. 33 800, в 1933 — 46 500, в 1934 — 53 800[65].

Число лечебных учреждений Остяко-Вогульского округа в начале 1930-х гг. значительно увеличилось, медицинская сеть расширилась, количество врачей и медработников существенно возросло и в 1933 г. составляло около 150 человек (табл. 48).

Таблица 48

Состояние медицины в Остяко-Вогульском округе в 1931—1933 гг.[66]

	1931	1932	1933
Число больниц	8	13	14
Амбулаторий	6	6	7
Медпунктов	23	32	32
Медработников	88	101	131
Врачей	13	15	20

[62] ГАХМАО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 58. Л. 3—7.
[63] Карцов В.Г. Очерки истории народов Северо-Западной Сибири. С. 129.
[64] См.: Там же.
[65] ГАХМАО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 58. Л. 19; Д. 24. Л. 27.
[66] Там же. Ф. 184. Оп. 1. Д. 4. Л. 16.

Однако сведения по медицинской статистике в различных источниках имеют расхождения. Так, по сводному отчету показателей хозяйственного и культурного развития Остяко-Вогульского национального округа за годы 2-й пятилетки, врачей в 1933 г. было 24, а работников среднего звена — 152; учтен и младший персонал — 125 человек[67]. Таким образом, к середине 1930-х гг. число медучреждений в округе увеличилось по сравнению с 1931 г. в 1,5 раза, а число медицинских кадров — в 2 раза соответственно.

С 1934 г. началось возведение учреждений поликлинического и диспансерного типа[68]. Так, в Остяко-Вогульске был открыт туберкулезный диспансер[69]. В отдаленных районах медицинское обслуживание долгие годы оставалось на низком уровне. Так, по данным на январь 1935 г., в Ларьякском районе имелся 1 врач и 2 фельдшерских пункта без сотрудников. На I съезде Советов Омской области отмечалось, что в районе не ведется никакой профилактической работы, сильнó влияние на население шаманов. В числе главных заболеваний перечислялись: туберкулез, ревматизм, трахома[70]. Не все медицинские работники относились к своим обязанностям должным образом. Остяко-Вогульская правда от 23 марта 1937 г. писала: «В селе Нижневартовске Ларьякского района колхозники по нескольку раз ходят в больницу и не могут попасть на прием. Заведующий Н.Потемкин редко бывает в больнице. Есть факты, когда одному и тому же больному Потемкин определял разные диагнозы болезни»[71].

10 апреля 1935 г. президиум Омского облисполкома принял постановление «О мероприятиях по здравоохранению в области». Планировалось открыть два венерических пункта в окружных центрах — Остяко-Вогульске и Салехарде; распределить врачей в больничные пункты Остяко-Вогульского округа (Саранпауль, Перегребное, Заречное, Ягодное, Урманное, Локосово) и Ямальского (Аксарка, Щучье, Новый Порт); построить больницу в селе

---

[67] Там же. Д. 32. Л. 34.
[68] См.: Вальтер Е.Б. Здравоохранение на Севере... С. 73.
[69] ГАХМАО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 58. Л. 14.
[70] ГАОО. Ф. 437. Оп. 3. Д. 23. Л. 205.
[71] Остяко-Вогульская правда. 1937. 23 марта.

Мужи и санпропускник в Остяко-Вогульске[72]. Однако планы по строительству больниц нарушались, сроки сдвигались, из-за постоянной нехватки средств больничное строительство шло крайне медленно.

Амбулаторно помощь в обоих округах была оказана в 1936 г. 15 000 человек, в 1937 г.— 22 000 больных[73].

Сеть медицинских учреждений к концу 1930-х гг. заметно расширилась. Так, в Остяко-Вогульском округе насчитывалось около 130 различных медицинских учреждений (табл. 49).

Таблица 49

Медицинские учреждения Остяко-Вогульского округа на 1 января 1939 г. по районам[74]

	Больницы	Амбулатории	Ф/пункты	А/пункты
Самаровский	4	5	8	6
Сургутский	8	8	5	5
Березовский	6	6	5	4
Кондинский	3	3	8	3
Микояновский	6	6	8	7
Ларьякский	3	3	4	2

В окружном центре имелось 2 больницы, 2 амбулатории, аптека.

Летом 1939 г. кафедрой социальной гигиены Омского мединститута было проведено врачебное обследование населения и выборочный опрос женщин Аганского сельского совета. Доцент П.К.Владимирский в отчете указывал, что гигиенические навыки постепенно входят в быт туземцев. В отдельных семьях были умывальники, применялись мыло и полотенце. Баней не пользовались за самым редким исключением. Отсутствовали уборные[75]. Таким образом, санитарно-гигиенические нормы прививались и распространялись очень медленно, а это оказывало прямое влияние на здоровье человека. Санитарно-просветительные мероприятия оставались важнейшей частью работы медиков. В 1940 г.

---

[72] ГАОО. Ф. 437. Оп. 3. Д. 2. Л. 1—7.
[73] ЦДНИОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 1796. Л. 13.
[74] ГАХМАО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 50. Л. 17.
[75] Там же. Д. 57. Л. 3—7.

в Остяко-Вогульском округе работали 46 врачей, 114 работников средней квалификации (из них — 71 акушерка)[76].

Состояние медицинского дела в Ямальском округе накануне войны (табл. 50) все так же отставало и находилось в худшем состоянии, чем в Остяко-Вогульском.

Таблица 50

Медицинские учреждения Ямало-Ненецкого округа в 1939—1941 гг.[77]

Медицинские учреждения	1939	1940	1941
Больницы	12	12	11
В них коек	251	282	222
Врачебные амбулатории	18	18	19
Ф/акушерские пункты	2	2	2
Ф/пункты	18	19	19
Ф/пункты при красных чумах	8	8	9
Тубдиспансеры	1	1	1
Санэпидемстанции	—	—	1
Женские и детские консультации	1	1	1

Количество медицинских учреждений в округе находилось в пределах 60, часть из них носила сезонный характер деятельности. Число амбулаторных посещений коренными жителями в 1940 г. составляло 11 927; в 1941 г.— 23 922. Стояла весьма остро проблема удаленности лечебных учреждений от мест проживания и кочевания коренного населения. Для столь огромной территории было совершенно очевидно, что количества кочевых (при чумах) медпунктов, а также фельдшерских пунктов недостаточно. Отсутствие ассигнований на командировки медработников в места кочевий коренных жителей округа препятствовало оказанию медицинской помощи[78]. Материальное положение медицинских учреждений удовлетворительным назвать было нельзя. Состояние больницы при Ямальской культбазе, которая относилась к числу лучших, было следующим. Больница располагалась в одноэтажном деревянном здании и имела операционную, родиль-

[76] Там же. Д. 58. Л. 7, 20—21.
[77] ГАЯНАО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 17 а. Л. 233.
[78] Там же. Л. 233 об.

ную, 4 палаты, аптеку и аптечный склад, перевязочную, 2 врачебных кабинета, ванную, 5 комнат, где жили медицинские работники. Больница требовала ремонта. Медикаментами и оборудованием была обеспечена удовлетворительно, но не хватало перевязочных материалов[79]. В 1938 г. в Надымском районе было 2 больницы, 2 врачебных пункта, 3 ф/пункта. «Обеспеченность медицинскими кадрами плохая»,— указывалось в одном из отчетов райкома партии[80]. В 1939 г. район имел уже 10 лечебных учреждений. Из них — 3 больницы на 40 коек, 1 амбулатория, 9 фельдшерских пунктов, 2 здравпункта. В этих лечебных учреждениях работало 40 специалистов старшего и среднего медперсонала[81].

Медики жили и работали в тяжелейших условиях. В конъюктурном обзоре по Ямало-Ненецкому округу за 1939 г. отмечалось «абсолютно ненормальное положение с кадрами медицинских работников»[82]. Трудовые договора заключались на 2 года, после чего врачи и средний медперсонал уезжали. Нелегкие условия работы и неустроенный быт, суровый климат, не слишком высокая зарплата — все это вместе взятое не привлекало кадры. Многочисленные примеры говорят о том, в каких условиях жили и работали медики. Так, окрсанинспектор Сорокин с женой (которая тоже была врачом) и ребенком, а также с домработницей располагались в комнате 14 кв. м. Работники медпунктов в Ярсале, Ныде, Шуге, Кутопюгане жили прямо в медпунктах. Сотруднице Норинского медпункта Мазинг, проработавшей 4 года, когда она собралась уехать, заместитель предРИКа решил не выплачивать северные надбавки[83].

Кадры медработников в последние год-два перед войной в качественном отношении несколько улучшились. Если в 1939 г. заведовали райотделами здравоохранения люди, не имеющие никакого медицинского образования, то в 1941 г. все заврайздравами в Ямало-Ненецком округе были с образованием не ниже сред-

---

[79] Там же. Д. 21. Л. 44.
[80] ТОЦДНИ. Ф. 104. Оп. 1. Д. 76. Л. 24.
[81] Там же.
[82] ГАЯНАО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 36. Л. 51.
[83] ЦДНИОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 1796. Л. 80.

него специального. В Пуровском районе, к примеру, заведующим отделом был врач больницы[84].

Увеличение числа медицинских кадров в округе в предвоенные годы очевидно (табл. 51).

Таблица 51

Кадры здравоохранения Ямало-Ненецкого округа в 1938—1941 гг.[85]

Кадры здравоохранения	1938	1939	1940	1941
Врачи	29	26	31	27
Фельдшеры	45	48	57	47
Медсестры	20	35	38	сведений нет

С началом войны несколько квалифицированных специалистов (врачи) были призваны в армию[86]. М.Бударин отмечал: «В предвоенные пятилетки представители русской советской интеллигенции самоотверженно боролись за здоровье северных народов»[87], с чем трудно не согласиться. За 10 лет — с 1931 г. по 1941 г.— численность врачей, сестер и санитаров возросла в среднем на Севере в четыре раза, но население испытывало попрежнему нехватку медицинских услуг.

Развитие медицинской сети в 1930-х гг. имело место в обоих округах (табл. 52).

Таблица 52

Медицина Обского Севера[88]

Год	Количество больниц	Количество коек	Число врачей	Численность среднего медперсонала
1913	3	66	3	15
1935	27	700	45	270
1940	44	сведений нет	77	466

[84] Там же.

[85] Там же.

[86] ГАЯНАО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 17 а. Л. 233 об.

[87] Бударин М.Е. Путь малых народностей... С. 289.

[88] Подсчитано по: Тарасенков Г.Н. Перспективы хозяйственного и культурного развития Обского Севера // Омская область. 1937. № 1—2. С. 74—75; ГАЯНАО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 17 а. Л. 233; ГАХМАО. Ф. 8. Д. 58. Оп. 1. Л. 20.

Однако стационарная сеть не позволяла охватить кочевое население. Создание же передвижных медицинских пунктов было сопряжено с большими затратами и серьезными лишениями. Эпизодические, крайне редкие поездки в тундру не могли решить проблему оказания качественной и своевременной медицинской помощи. Само население не располагало знаниями и препаратами, чтобы оказать себе первую помощь, связь отсутствовала, поэтому проблемы медицинского обслуживания значительной части населения края не были решены.

Развитие ветеринарного дела

С начала 1930-х гг. наметилось некоторое улучшение ветеринарной работы, особенно в Остяко-Вогульском округе. Количество ветпунктов достигло в 1933 г. десяти. На них работали 25 ветработников (табл. 53).

Таблица 53

Ветеринарные кадры в Остяко-Вогульском округе в 1931—1933 гг.[89]

Ветеринарные кадры	1931	1932	1933
Число ветврачей	1	2	1
Ветфельдшеров	7	11	16
Ветсанитаров	4	4	8

Сведения, приведенные в таблице, показывают, что ветеринарные кадры по численности для такого обширного региона были незначительны. Более того, не было ветврачей; единственный ветеринарный врач работал на должности главного врача округа. В районах работали ветфельдшеры и их помощники — санитары, которые проводили самую тяжелую и грязную работу — ветобработки. Усилиями ветперсонала стали проводиться важнейшие ветеринарные мероприятия: осмотр животных, прививки, лечение.

[89] Составлена по: ГАХМАО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 138. Л. 63; Ф. 184. Оп. 1. Д. 32. Л. 33.

Данные таблицы 54 свидетельствуют не только о начале систематических ветеринарных мероприятий, но и о расширении ветеринарной помощи животным в 1933 г. по сравнению с 1931 г., что напрямую связано с увеличением числа ветеринарных работников.

Таблица 54

Осмотр животных и оказание ветеринарной помощи на ветучастках в 1931—1933 гг.[90]

Год	Лошади	Крупный рогатый скот	Мелкий скот	Всего
1931	2 881	986	202	4 076
1932	4 365	2 183	162	6 710
1933	6 288	3 312	545	10 145

Следует заметить, что в те годы не было отмечено крупных эпизоотий[91] в округе (табл. 55).

Таблица 55

Эпизоотическая обстановка в Остяко-Вогульском округе в 1931—1933 гг.[92]

Год	Зарегистрировано заразных заболеваний	Число павших животных
1931	141	52
1932	127	18
1933	295	93

Прививочные мероприятия в 1931 г. охватили следующее количество животных: лошади — 1 034 головы; крупный рогатый скот — 3 879 голов; мелкий скот — 851 голова[93].

В Ямальском округе ветобслуживание развивалось медленнее, чем в Остяко-Вогульском. В 1932 г. в Ямало-Ненецком округе

---

[90] Там же. Л. 65.

[91] Эпизоотия — широкое распространение инфекционной или инвазионной болезни животных, значительно превышающее уровень обычной заболеваемости на данной территории.

[92] ГАХМАО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 32. Л. 66.

[93] Там же. Л. 67.

штат работников ветеринарной службы требовал 18 ветврачей и 19 работников среднего персонала[94].

Однако в реальности кадровый потенциал представлен был показателями ниже требуемого. На 6 ветеринарных пунктах работали в 1934 г. 1 ветврач и 7 веттехников[95]. Такое количество ветработников на округ не могло не только переломить ситуацию, но и хоть как-то ее улучшить. Была предпринята попытка по созданию ветотрядов, которые выезжали в близлежащие пункты и оказывали ветеринарную помощь. Отрядов было ничтожно мало. Так, в 1932 г. имелось два ветотряда, а в 1933—1934 гг.— по одному[96]. Известно, что ветотряды в основном занимались прививками животных. В 1932—1933 г. прививочные мероприятия не были развернуты, а вот в 1934 г. было привито 18 215 животных[97].

Во второй половине 1930-х гг. стали составляться планы противоэпизоотических мероприятий, которые предусматривали обработку кожного овода, проведение противосапных кампаний, а также обследования на предмет инфекционных заболеваний и др. В Остяко-Вогульском округе на Казымской культбазе работал ветврач, в обязанности которого входил огромный перечень работ, в том числе различные обработки и исследования на бруцеллез. Старшим ветврачом в округе был Солдатов[98], который стоял у истоков налаживания ветеринарного дела в округе. Примерно с 1938 г. началось повсеместное составление противоэпизоотических планов. Так, в фонде Микояновсого райисполкома обнаружена объяснительная записка к такому плану[99]. Документ свидетельствует о развертывании квалифицированной системы мероприятий. Важнейшие из них:

— обработка кожного овода (которой подлежало все поголовье крупного рогатого скота — 5 056 голов);
— противосапные кампании (которые должны были охватить поголовье лошадей — 3 265 голов);

---

[94] ГАЯНАО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 38. Л. 4 об.
[95] Там же. Д. 48. Л. 25.
[96] Там же. Л. 26.
[97] Там же.
[98] ГАХМАО. Ф. 337. Оп. 1. Д. 3. Л. 39.
[99] Там же. Ф. 337.

— обследование и благоустройство скотомогильников;
— постройка изоляторов;
— организация убойных площадок;
— дегельминтизация собак;
— обследования на предмет часотки и копытки;
— исследование скота на бруцеллез (впервые)[100].

На III Ямальском внеочередном окружном съезде советов Омской области (11—15 сентября 1936 г.) М.Бродневым отмечалась активизация ветеринарной и зоотехнической работы в колхозных стадах, а также проведение мероприятий по поднятию животноводства[101].

По смете 1937 г. предполагалось наличие 14 ветврачей, однако фактически их было 7. Средний медперсонал предполагал наличие 27 веттехников, а в реальности их было только 10. В трех районах округа — Приуральском, Надымском и Тазовском — вообще не было ни одного ветеринарного врача. В Надымском районе, впрочем, не было и веттехника[102].

С 1934 г. стали проводиться прививки оленей от сибирской язвы[103] (табл. 56).

Таблица 56

Прививки оленей в 1934—1937 гг.[104]

1934	1935	1936	1937
18 200	17 000	20 200	22 090

Прививочные мероприятия в оленеводстве, по сообщению руководства Ямало-Ненецкого округа, охватывали около 10% стада[105], но, скорее всего, эта цифра завышена по меньшей мере раза

[100] Там же. Оп. 1. Д. 3. Л. 39.
[101] ГАЯНАО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 9. Л. 80.
[102] Там же. Л. 52.
[103] Сибирская язва — острая инфекционная болезнь животных и человека, вызываемая бациллой сибирской язвы. Проявляется в поражении кишечника, кожи, легких. Заражение людей — от больных животных, при вскрытии трупов, разделке туш, через воду, почву, продукты животноводства; заражение животных — на пастбище.
[104] ТОЦДНИ. Ф. 135. Оп. 8. Д. 1. Л. 103.
[105] Там же. Л. 4.

в три, если учесть численность поголовья (365 тыс. голов)[106] применительно к середине 1930-х гг.

На 1 января 1939 г. в Ямало-Ненецком округе действовало 7 ветучастков и 16 ветпунктов. По штатным единицам недоставало 7 ветврачей и 11 ветфельдшеров[107]. В конъюктурном обзоре по Ямало-Ненецкому округу за 1939 г. подчеркивалось состояние ветобслуживания в округе. Так, по штатному расписанию должно было работать 7 ветврачебных участков, 19 ветфельдшерских пунктов и 1 мясоконтрольная станция. Фактически ветеринарная сеть была представлена следующим образом: ветврачебных участков — 7; ветфельдшерских пунктов — 11; мясоконтрольная станция — 1[108]. Неполное развертывание сети пунктов руководство округа объясняло отсутствием кадров среднего ветеринарно-технического персонала[109]. Таким образом, кардинальных изменений в деле ветеринарного обслуживания животных к началу войны в округах не произошло, было положено лишь начало складыванию ветеринарной сети и проведению важнейших ветеринарных мероприятий.

Выводы по главе

В состоянии медицинского развития на Обь-Иртышском Севере четко прослеживается, что 1920-е гг. не внесли существенных изменений в улучшение ситуации с медицинским обслуживанием населения, подвижки стали заметны только в начале 1930-х гг.; выразились они в увеличении числа медицинских учреждений. Однако слабая обеспеченность кадрами, нехватка средств и самого необходимого для деятельности больниц и медпунктов не позволяли организовать мероприятия в полном объеме. Стационарная сеть не решала проблем охвата медицинским обслуживанием коренного населения, требовались другие формы: выезды к местам пребывания кочевников или к их выходам

---

[106] См.: Востряков П., Броднев М. Оленеводство Ямала. Тюмень, 1964. С. 9.
[107] ТОЦДНИ. Ф. 135. Оп. 8. Д. 1. Л. 103.
[108] Там же.
[109] ГАЯНАО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 36. Л. 51.

на фактории. Для этих целей требовались современная техника и соответствующее оснащение, что зависело от финансирования. Денег на медицину выделялось мало, поэтому проблема не была решена в указанные годы. Подавляющее большинство жителей края — аборигены, спецпереселнцы, рабочие на песках — не получали медицинской помощи.

В ветеринарном обслуживании позитивные сдвиги наметились лишь в предвоенное десятилетие, они выразились в создании ветучастков, составлении планов ветеринарных мероприятий и их проведении. Однако до создания развернутой ветеринарной сети с соответствующим оборудованием и ветперсоналом, способным выполнять все функции ветнадзора и ветпомощи, было очень далеко, такая сеть оформилась на Севере Западной Сибири лишь в 1970—1980-х гг.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В основу культурной политики советского государства была положена парадигма о народах культурных и народах отсталых. Ставилась задача поднять и подтянуть культурный уровень «отсталых» народов национальных окраин. При этом произошла замена понятия «тип культуры» на «уровень культуры». Высокий уровень культуры отождествлялся с европейским типом культуры, а развитие «отсталых» народов осуществлялось не иначе как путем уподобления их культуры культуре европейской[1].

Процессы культурной унификации имели точечный характер и касались прежде всего достижения цели культурного сопровождения модернизационных процессов. Внутри региона сохранялась многоукладность, возникали новые, маргинальные субкультуры[2]. Национальные культуры объявлялись отсталыми, находящимися на более низкой ступени развития. Массовая культурно-просветительная работа в округах велась через клубы, избы-читальни, дома ненца, красные чумы. Красные чумы вели свою работу в гуще кочевого населения, становясь передовыми форпостами в тундре. Огромная работа, проводимая всеми культпросветучреждениями, дала некоторые плоды: «Тундра меняет лицо, становится в уровень с другими передовыми частями нашего социалистического отечества. Меняется быт людей, их запросы и стремления. Народы Ямала включаются в общий поток культурной революции, происходящий в нашей стране»[3]. Таким образом, приоритетными направлениями деятельности органов власти в области культурной политики на Севере были просвещение

---

[1] См.: Тыхеева Ю.Ц., Цыденова А.Л. Динамика социокультурного процесса и самобытность региональной культуры // Культура и интеллигенция сибирской провинции в XX веке. Новосибирск, 2000. С. 120.

[2] См.: Красильников С.А. Культурное взаимодействие сибирской провинции и центра в 1920—1930-е гг.: некоторые итоги изучения проблемы // Культура и интеллигенция сибирской провинции в XX веке. Новосибирск, 2000. С. 32—39.

[3] ГАЯНАО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 21. Л. 43. Однако «неграмотность среди взрослого населения все еще не ликвидирована, и темпы работы в этой области пока что совершенно недостаточны. Не все дети коренного населения охвачены школой, много еще непорядков в наших районных библиотеках, избах-читальнях и клубах, все еще низка успеваемость в школах». См.: Там же.

и культпросветработа[4]. В годы советской власти так и не был найден оптимальный вариант обучения детей народов Севера. Устройство школ-интернатов и укрупнение малокомплектных школ по ряду причин не привело к нужным результатам. Интернаты не готовили детей к жизни, не учитывали особенности психики, мышления, восприятия мира. Сегодня известно, что способности народов Севера связаны с образным мышлением, а обучение было ориентировано на другой тип мышления — логический[5].

Следующим приоритетным направлением в культурных преобразованиях на Дальнем Севере было создание национальных кадров интеллигенции. В отношении кадров специалистов и руководящих работников практиковалась «переброска», которая, по предположению Центра, должна была решить кадровую проблему. «Переброска» и «закрепление» на новых местах специалистов осуществлялись без учета богатейшего спектра мотиваций человеческой деятельности и на поверку оказывались неспособными разрешить кадровую проблему на перспективу. Первый шаг к созданию интеллигенции на Тобольском Севере был предпринят в 1920-х гг., когда создали туземное отделение при Тобольском педтехникуме (его первые выпускники пришли в школу лишь в середине 1930-х гг.), а затем открыли факультет народов Крайнего Севера в Ленинграде. Вторым шагом было открытие средних специальных учебных заведений в округах[6]. Низкий общеобразовательный уровень учителей служил одним из главных препятствий в повышении качества учебной работы[7]. Однако число подготовленных кадров накануне войны было невелико, работали по преимуществу приезжие специалисты и из числа ссыльных.

---

[4] К концу 1930-х гг. в Остяко-Вогульском округе было 197 школ. В Ямальском округе — 41 школа и 47 медпунктов. Охват учащихся коренных национальностей составлял не более 50%.

[5] См.: Лаптева Г.П. Разные типы интернатов... С. 90.

[6] В 1932 г. открылся педагогический техникум в Остяко-Вогульске. Стали проводиться курсы повышения квалификации для учителей первой ступени. В 1933 г. в окружном центре открываются советско-партийная школа и подготовительное отделение Тобольского рыбного техникума, а в 1934 г.— фельдшерско-акушерская школа, а затем, во второй половине 1930-х гг., открылись педтехникум и олентехникум в Салехарде.

[7] См.: Трофимов П.Л. К истории народного образования в Сибири... С. 31.

Недостаток специалистов побуждал к подготовке кадров через систему краткосрочных курсов. Полученные людьми знания никоим образом не соответствовали той производственной деятельности, которую им приходилось выполнять.

Приобщение представителей коренных народов к просвещению и усвоение частью аборигенной «интеллигенции» начал европейской культуры не могло в условиях национального неравенства избавить их от статуса «нацмены». Власть рассматривала аборигенов как людей, стоящих ниже по своему положению и развитию по отношению к другим народам региона и в силу этого относилась к ним снисходительно. В сложнейшем процессе очевидна драма людей, отчасти оторвавшихся от собственной традиционной почвы и дискриминировавшихся «цивилизаторами». Эта драма исторически оказалась источником иных форм духовной и политической активности, побудила к поиску других контактов с собственным народом. Параллельно с новой культурой шли через системы ритуальных запретов, обычаев и нравов деморализация и ожесточение. По-видимому, издержки модернизационных процессов, заключавшихся в распаде традиционного общества, возникновении иных форм зависимости и гнета, были неизбежны в тех политических условиях. Аборигены усваивали новые вкусы, взгляды, мораль. Все это вступало в сложное взаимодействие с этическими принципами, которые они усваивали с детства и которые сохранялись среди их родичей, а также господствовали в их окружении. Возникал своеобразный тип индивида, который в культурном отношении представлял две нации. Находя в усвоении и распространении европейской культуры залог прогресса для своей страны и своего народа, отчетливо видя в ней воплощение достижения человеческого разума, инородческий интеллигент в то же время сначала инстинктивно, а затем более сознательно противился ассимиляции, понимая, что это часть закрепощения. Он обращался к родной культуре, чтобы превратить ее в средство отпора духовному порабощению. Если перемены в среде коренного населения и происходили, то не столько вследствие осознанной необходимости, сколько из-за невозможности сохранять все по-старому. Восприятие всего нового шло через призму устоявшихся традиционных представлений и нравственных установок.

Однако уже тогда, в 1930-х гг., прослеживалась тенденция, о которой позже писал А.Дж.Тойнби применительно «к народам второй категории (тюркоязычные и финноязычные народы Урала)». Некоторые представители коренного населения понимали, что «в культурном плане Россия предлагает им кратчайший и самый легкий доступ в современный мир, и русский язык является лучшим инструментом для того чтобы овладеть современными знаниями и идеями. Таким образом, самые способные и самые амбициозные представители этих народов сознательно стремятся выучить русский язык и завершить свое образование в Москве или Ленинграде. Они могут чувствовать враждебность по отношению к России в политическом плане и могут не иметь склонности к русификации как таковой. Но они смиряются с ней как с неприятным, но необходимым средством на пути к той вершине, которую они видят; и все это для того, чтобы стать гражданами первого класса в восходящем современном ойкуменическом обществе»[8].

Наконец, в числе приоритетов социокультурной политики было медико-санитарное просвещение, налаживание медицинского и ветеринарного обслуживания[9].

Количественные результаты по созданию школ, культпросветучреждений, а также медицинских и ветеринарных пунктов; наличие медиков, учителей и других специалистов не есть достаточное основание для утверждения, что культурный прогресс был достигнут. По мнению В.Л.Соскина, способ определения культурности на основе количественных характеристик является бесплодным. Он подчеркивает: «Даже данные об уровне грамотности, развитии сети образовательных учреждений и другие показатели состояния массовой культуры мало что дают. ...Здесь гораздо важнее выяснить, каково, назовем его так, социально-политическое качество культурности масс»[10]. Социально-политическое качество культурности масс на Севере в те годы можно определить как крайне низкое.

---

[8] Тойнби А.Дж. Цивилизация перед судом истории. М., 2002. С. 229.

[9] Накануне войны в округах работало приблизительно 150 различных медицинских учреждений. Число ветеринарных пунктов и участков не достигло и двух десятков.

[10] Соскин В.Л. Советская культура и дореволюционное... С. 218.

Особенностью культурного развития Севера Западной Сибири являлось отсутствие научной интеллигенции — в окружных центрах отсутствовали высшие учебные заведения. Научно-исследовательские учреждения, представленные ветбаклабораториями (Тобольск и Обдорск), опытными станциями (Обдорск), располагали лишь несколькими ветврачами и одним агрономом, не имели в своем составе специалистов высшей квалификации (научных работников, имеющих ученую степень). Отсутствие научных работников отрицательно сказывалось на культурном развитии региона.

Исследование процесса культурной трансформации обнаружило наличие в нем противоречий, которые не позволяют оценить его однозначно. Культурные преобразования проходили очень болезненно для коренного населения края, что объясняется мировоззрением человека традиционного общества и грубым, настойчивым вмешательством власти в его жизнь, стремлением провести преобразования «одним махом». Существовавшая культурно-политическая доминанта определила двойственный характер советской культуры. Именно данное обстоятельство позволяет квалифицировать тип советской культуры негативно[11].

Традиционное общество крайне медленно поддается трансформации, однако в условиях нарастающего давления на аборигенов времени на постепенность введения нового образа жизни или на альтернативные варианты попросту не отводилось. Было очевидно и другое, а именно то, что в 1920-е гг. не удалось решить ни одного из программных заявлений советской власти относительно продвижения по социалистическому пути коренных народов. 1930-е гг. стали для ханты, ненцев, манси, зырян, селькупов временем, когда им была навязана другая культура. А своя — кровная, но не признаваемая и не понимаемая «цивилизаторами» — вынуждена была уживаться с той новой культурой[12]. Процесс был тяжелым для обеих сторон: как для проводников советской культурной политики, так и для местных жителей. В значительно большей степени влиянию инокультуры подверглись

---

[11] См.: Песикова А.С. Традиционное воспитание детей сургутских ханты // Обские угры на пороге третьего тысячелетия. Ханты-Мансийск, 2001. С. 34—35.

[12] См.: Там же.

северные ханты. После подавления Казымского восстания на них власти обратили пристальное внимание и держали на контроле, сюда же выделялись значительные средства. В меньшей степени подверглись ассимиляции восточные ханты. За весь XX век восточных ханты, которые были коммунистами, можно пересчитать по пальцам[13].

В отношении культурного развития сложилась жесткая вертикаль, гарантировавшая неукоснительное претворение в жизнь руководящих указаний партийно-государственного центра[14]. Посредством государственной культурной политики Центр фактически насаждал сверху тот тип культуры, который в конечном итоге сглаживал и унифицировал местные культурные особенности. Являясь объектом воздействия на них официальной культуры и идеологии, они на протяжении 1920—1930-х гг. подвергались размыванию. Задачи провозглашенной большевиками культурной революции не оставляли шанса развитию национальных культур народов бывшей империи. Укреплявшийся режим власти все настойчивее насаждал новую пролетарскую культуру, которая после образования национальных округов стала усиленно внедряться в среду аборигенов края. Следует подчеркнуть в этой связи, что неотъемлемой частью советской системы был культурный нигилизм, а методы, которыми осуществлялась культурная трансформация, были командные, игнорировавшие национальную культуру и традиции северных народов, равно как и культуру и традиции других народов, населявших в 1920—1941 гг. Обь-Иртышский Север.

---

[13] См.: Там же.

[14] См.: Рыженко В.Г., Назимова В.Ш. Контроль за творчеством — стержень советской культурной политики (этапы, методы, региональная специфика) // Культура и интеллигенция сибирской провинции в XX веке. Новосибирск, 2000. С. 21.

ИСТОЧНИКИ

1. Документальные, справочные и статистические публикации

1. Всесоюзная перепись населения 1939 г. Основные итоги. Россия. СПб., 1999.

2. Из истории культурного строительства в Тюменской области. Сб. документов. 1918—1975. Свердловск, 1980.

3. Новая иллюстрированная энциклопедия. М., 2001. В 20 т.

4. О подготовке и переподготовке национальных северных кадров // Бюллетень Уралобкома ВКП (б). 1932. № 2—3. 15 декабря.

5. О состоянии подготовки и переподготовки национальных кадров в Ямальском и Остяко-Вогульском округах. Постановление Уралобкома ВКП (б) от 18 декабря 1933 года // Бюллетень Уралобкома ВКП (б). 1933. Декабрь.

6. Отчет о работе Сургутского красного чума за время со второго марта по первое мая 1931 года (фрагмент) // Югра. 1994. № 10.

7. Раскулаченные спецпереселенцы на Урале (1930—1936 гг.). Екатеринбург, 1993.

8. Судьбы народов Обь-Иртышского Севера (Из истории национально-государственного строительства. 1822—1941 гг.). Тюмень, 1994.

9. Указатель литературы, изданной на языках народов Севера в 1931—1934 гг. Л., 1935.

2. Источники личного происхождения (воспоминания, письма)

10. Иванов А. Школа в моей судьбе // Югра. 1999. № 4.

11. Каскин И. Пути-дороги // Югра. 1999. № 3.

12. Каскин И. Как мы стали учителями // Югра. 1999. № 10.

13. Кушников Г.Г. Из родников памяти // Югра. 2002. № 3.

14. Панков В.И. Детство в неволе // Образование и культура Тюменского края в XVIII—XX вв. Материалы VII Тюменской областной научно-практической конференции, посвященной памяти П.П.Чукомина. Тобольск, 1998.

15. Письмо другу, товарищу Сталину // Новости Югры. 2001. 13 октября.

16. Самарина-Ярова Л. Мы сроднились с приобским отеческим краем // Югра. 1999. № 13.

17. Силин А. Мои незабываемые учителя // Югра. 1998. № 10.

3. Учебники для национальных школ

18. Жулев П.Н. Книга для чтения. Ч. 1. Первый класс хантыйской школы. М; Л., 1934.

19. Чернецова И.Я. Книга для чтения. Ч. 1. Для 1 класса мансийской школы. Л., 1938.

20. Чернецова И.Я. Книга для чтения. Ч. 2. Для 2 класса мансийской начальной школы (для северных манси, говорящих на сосьвинском диалекте мансийского языка). Л., 1939.

21. Чернецова И.Я. Учебник мансийского языка. Грамматика и правописание. Ч. 2. Для 3 класса мансийской начальной школы. Л., 1940.

4. Архивные источники

1. **Российский государственный архив политической истории (РГАСПИ)**
   Ф. 17. ЦК ВКП (б).
2. **Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ)**
   Ф. 3977. Комитет содействия народностям северных окраин при президиуме ВЦИК.
3. **Центральный государственный архив города Санкт-Петербурга (ЦГАСПб)**
   Ф. 9471. Институт народов Севера им. П.Смидовича.
4. **Государственный архив Свердловской области (ГАСО)**
   Ф. 233-Р. Уральский областной отдел народного образования.
5. **Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО)**
   Ф. 4. Уральский областной комитет ВКП (б).
6. **Тюменский областной центр документации новейшей истории (ТОЦДНИ)**
   Ф. 1. Тюменский губком РКП (б);
   Ф. 30. Тобольский окружком ВКП (б);
   Ф. 107. Ханты-Мансийский окружком КПСС;
   Ф. 135. Ямало-Ненецкий окружком КПСС.
7. **Центр документации новейшей истории Омской области (ЦДНИОО)**
   Ф. 17. Омский обком КПСС;
   Ф. 3057. Оргбюро ЦК ВКП (б).
8. **Центр документации новейшей истории Томской области (ЦДНИТО)**
   Ф. 76. Томский окружком ВКП (б);
   Ф. 91. Александровский райком ВКП (б).

9. Государственный архив Ханты-Мансийского автономного округа (ГАХМАО)

Ф. 4. Остяко-Вогульский окружной финансовый отдел;
Ф. 5. Окружной отдел народного образования;
Ф. 8. Окружной здравотдел;
Ф. 16. Самаровский райисполком;
Ф. 42. Ханты-Мансийское педучилище;
Ф. 100. Сургутский райисполком;
Ф. 111. Березовский райисполком;
Ф. 184. Окружной плановый отдел;
Ф. 202. Ханты-Мансийская фельдшерско-акушерская школа;
Ф. 355. Культбазы;
Ф. 337. Микояновский (Октябрьский) райисполком;
Ф. Р-415. Лоскутов Аркадий Николаевич.

10. Государственный архив Ямало-Ненецкого автономного округа (ГАЯНАО)

Ф. 1. Обдорский военно-революционный комитет;
Ф. 2. Обдорский райисполком;
Ф. 3. Ямало-Ненецкий окрисполком.

11. Тобольский филиал государственного архива Тюменской области (ТФГАТО)

Ф. 695. Комитет содействия национальностям северных окраин при президиуме Уралоблисполкома (Уральский Комитет Севера).

12. Государственный архив Омской области (ГАОО)

Ф. Р-437. Омский облисполком;
Ф. 1272. Отдел народного образования Омской области.

13. Фонды Нижневартовского музейно-этнографического комплекса.

5. Периодические издания

1. Бюллетень Уралобкома ВКП (б). 1932. № 2—3; 1933. Декабрь.
2. Культфронт Урала — общественно-педагогический журнал Уралоно и Облпроса. 1932. № 1—2.
3. Наш край — издание Общества изучения края при музее Тобольского Севера. 1924—1925 гг.
4. Остяко-Вогульская правда — орган издания окружного комитета ВКП (б) и окрисполкома. 1933. 20 марта; 1937. 23 марта.
5. Северянин — орган издания Тобольского окружкома ВКП (б). 1924. 27 февраля, 30 мая, 11 июня, 13 июня, 19 октября.
6. Советский Север — журнал Центрального Комитета Севера при ВЦИК. 1932. № 5.

Список использованной литературы

1. Исследования: книги, монографии, диссертации, авторефераты

1. Актуальные проблемы истории советской Сибири / Под ред. В.И.Шишкина. Сб. науч. тр. Новосибирск, 1990.

2. Алексеева Л.В. Сельскохозяйственное производство Уральской области в годы первой пятилетки (1928—1932 гг.). Дисс. ... канд. ист. наук. Курган, 1998.

3. Базанов А.Г., Казанский Н.Г. Школа на Крайнем Севере. Л., 1939.

4. Бударин М.Е. Путь малых народностей Крайнего Севера к коммунизму. Омск, 1968.

5. Востряков П., Броднев М. Оленеводство Ямала. Тюмень, 1964.

6. Головин А.А. Первая в Югре. Березово, 2001.

7. Городенко Д.В. Просвещение народов Севера: на материалах Ханты-Мансийского автономного округа. Нижневартовск, 1997.

8. Два взгляда из-за рубежа. М., 1990.

9. Зибарев В.А. Большая судьба малых народов. Новосибирск, 1972.

10. Зибарев В.А. Советское строительство у малых народностей Севера (1917—1932 гг.). Томск, 1968.

11. Карцов В.Г. Очерк истории народов Северо-Западной Сибири. М., 1937.

12. Киселев Л.Е. От патриархальщины к социализму. Свердловск, 1974.

13. Киселев Л.Е. Партийное руководство хозяйственным и культурным строительством в автономных округах Севера РСФСР (октябрь 1917 — июнь 1941 гг.). / Под ред. В.Н.Увачана. Томск, 1989.

14. Клещенок И.П. Исторический опыт КПСС по осуществлению ленинской национальной политики среди малых народов Севера. М., 1972.

15. Кронгауз Ф.Ф. К истории советской школы на Крайнем Севере. М., 1948.

16. Культура народностей Севера: традиции и современность / Отв. ред. В.И.Бойко. Новосибирск, 1986.

17. Культурное строительство в Сибири в 1917—1960 гг. Новосибирск, 1962.

18. Латыпов Р.Т. Национальная политика на Урале в 1920-х — первой половине 1930-х годов. Дисс. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2001.

19. Новиков В.Г. Народное образование Тюменской области. Тюмень, 1983.

20. Петрова В.П., Харючи Г.П. Ненцы в истории Ямало-Ненецкого округа. Томск, 1999.

21. Соскин В.Л. Культурная жизнь Сибири в первые годы новой экономической политики (1921—1923 гг.). Новосибирск, 1971.

22. Таксами Ч.М. От таежных троп до Невы. Л., 1976.

23. Тойнби А.Дж. Цивилизация перед судом истории. М., 2002.

24. Традиционные системы жизнеобеспечения и региональная национальная политика. Вып. 1 / Под ред. И.Н.Гемуева, А.Н.Садового. Новосибирск, 2000.

25. Хомич Л.В. Ненцы. Очерки традиционной культуры. СПб., 1995.

26. Этническое развитие народностей Севера в советский период / Отв. ред. И.С.Гурвич. М., 1987.

27. Языки и письменность народов Севера / Под общ. ред. Я.П.Алькора. М; Л., 1934. Ч. III.

2. Статьи, тезисы, публикации

28. Адаев В.Н. Проблемы образования народов Севера // Словцовские чтения — 96. Тюмень, 1997.

29. Алексеева Л.В. Национальные кадры в северных районах Уральской области в начале 1930-х гг. // Культура и интеллигенция Сибирской провинции в XX веке. Материалы региональной научной конференции. Новосибирск, 2000.

30. Алексеева Л.В. Приоритеты советской культурной политики в отношении северных народов в 1920—1930-х годах // Гуманизация культуры и образования в Ханты-Мансийском автономном округе на пороге третьего тысячелетия. Материалы окружной научно-практической конференции. Нижневартовск, 2000.

31. Алексеева Л.В. К вопросу о значении северных культурных баз в жизни аборигенов Обь-Иртышского Севера в 1930-е гг. // Северный регион: наука, образование, культура. Научный и культурно-просветительский журнал. 2001. № 2 (4).

32. Алексеева Л.В. О роли Института народов Севера в подготовке национальных кадров Ямала в 1930-е гг. // Словцовские чтения — 2001. Тезисы докладов и сообщений научно-практической конференции. Тюмень, 2001.

33. Алексеева Л.В. Источники по изучению проблемы подготовки кадров национальной интеллигенции для Севера Западной Сибири // Документ. Архивный источник. Исторический источник. Материалы региональной научно-практической конференции. Тюмень, 2002.

34. Алексеева Л.В. К вопросу о формировании национальной интеллигенции в северных округах Западной Сибири (1920—1930-е гг.) // Русь, Россия. Политические аспекты истории. СПб., 2002.

35. Андреева К.С. Культурное строительство у малых народностей Обского Севера // Культурное строительство в Сибири в 1917—1960 гг. Новосибирск, 1962.

36. Базанов А.Г. Первые шаги советской власти в области строительства школ (1917—1930 гг.) // Просвещение на Крайнем Севере. Л., 1967. Вып. 15.

37. Белич И.В. Система традиционного воспитания детей коренных народов Севера // Северный регион: экономика и социокультурная динамика. Сб. тезисов к Всероссийской научной конференции. Ноябрь 2002 г. Ханты-Мансийск — Сургут. Сургут, 2000.

38. Белобородов В. Слово о Воскобойникове // Югра. 1999. № 9.

39. Белобородов В. Ревнитель просвещения // Югра. 2001. № 8.

40. Белобородов В. Кондаковы // Югра. 2002. № 4.

41. Вальтер Е.Б. Здравоохранение на Севере // Народное хозяйство Омской области. 1935. № 5.

42. Ванчицкая Л.Н. Создание письменности для малочисленных народностей Обского Севера и подготовка педкадров (20—30-е г.) // Исторический опыт народного образования Тюменского края. Тюмень, 1992.

43. Ванчицкий Ю.Р., Ванчицкая Л.Н. Школа народов Севера: проблема исследования // Образование и культура Тюменского края в XVIII—XX вв. Материалы VII Тюменской областной научно-практической конференции, посвященной памяти П.П.Чукомина. Тобольск, 1998.

44. Ванчицкая Л.Н. Из опыта работы национальных школ Обского Севера (история и современность) // Совершенствование образовательного процесса и управления им. Сб. науч. тр. М., 1999. Вып. 3.

45. Ванчицкая Л.Н., Ванчицкий Р.Ю. О состоянии народного образования на Севере в XIX — начале XX века // Северный регион: экономика и социокультурная динамика. Сб. тезисов к Всероссийской научной конференции. Ноябрь 2000 г. Ханты-Мансийск — Сургут. Сургут, 2000.

46. Владимиров П.Н. Медико-санитарное обслуживание народностей Омского Севера в 3-й пятилетке // Омская область. 1939. № 3.

47. Галкина К. Журавлиные юрты // Югра. 2000. № 4.

48. Галкина К. Первенец культуры на далеком Севере — Толькинский Красный чум // Югра. 2000. № 7—8.

49. Герасимова Д.В. Факультет народов Крайнего Севера — традиции и современность // Обские угры на пороге третьего тысячелетия. Ханты-Мансийск, 2001.

50. Глазырина В.В. Исторические корни адаптационных проблем коренного населения Российского Севера // Клио. 2000. № 2 (11).

51. Горюшкина И.А. Театры Сибири (краткий обзор становления и развития) // Сибирь в XVI—XX вв. Экономика, общественно-политическая жизнь и культура. Новосибирск, 1997.

52. Гриценко В.Н. Из истории становления системы школ-интернатов на Ямальском Севере (1930—60-е гг.) // Самодийцы. Тобольск, 2001.

53. Груздев С. Кочевая школа для народностей Севера // Северная Азия. 1925. Кн. 5—6.

54. Данковцева С.Г., Созонова А.В. Личный фонд П.Е.Хатанзеева в собрании Ямало-Ненецкого окружного музея им. А.С.Шемановского // Обские угры. Материалы II Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Омск; Тобольск, 1999.

55. Деревянко А.П., Бойко В.И. Пути культурного развития Сибири // Культура народностей Севера: традиции и современность. Новосибирск, 1986.

56. Деятельность партийной организации Западной Сибири по подготовке педкадров в 1930—1937 гг. // Вопросы историографии и источниковедения истории партийных организаций Сибири. Новосибирск, 1975. Сб. науч. тр. / Отв. ред. проф. Б.М.Шерешевский.

57. Еремеева О. Просветительская деятельность в Западной Сибири // Образование и культура Тюменского края в XVIII—XX вв. Материалы VII Тюменской областной научно-практической конференции, посвященной памяти П.П.Чукомина. Тобольск, 1998.

58. Еремеева О. Туземная школа // Югра. 1999. № 13.

59. Загороднюк Н.И. Школы для спецпереселенцев (30—50-е гг.) // Исторический опыт народного образования Тюменского края. Материалы областной научной конференции. Тюмень, 1992.

60. Загороднюк Н. Роль спецпереселенцев на Обском Севере // Югра. 1996. № 10.

61. Загороднюк Н.И. Культурная жизнь спецпереселенцев // Образование и культура Тюменского края в XVIII—XX вв. Материалы VII Тюменской областной научно-практической конференции, посвященной памяти П.П.Чукомина. Тобольск, 1998.

62. Зверев В.А. Санитарная наука в России и народная санитарно-гигиеническая культура сибиряков: проблемы сосуществования в конце XIX — первой трети XX вв. // Культура и интеллигенция сибирской провинции в XX веке. Новосибирск, 2000.

63. Зибарев В.А. Первые мероприятия советской государственности по организации здравоохранения у малых народов Дальнего Востока в 1922—1926 гг. // Сб. науч. тр. Томский инженерно-строительный институт. Т. VI. Томск, 1959.

64. Иванов А. Любители продолжают, профессионалы начинают // Югра. 2000. № 2.

65. Иванов А. Последние предвоенные сезоны (1937—1941 гг.) // Югра. 2001. № 3.

66. Иванов П.Н. Развитие культуры нерусских народов Сибири (1920—1925 гг.) // Культурное строительство в Сибири в 1917—1960 гг. Новосибирск, 1962.

67. Исакова Н.В. Развитие социалистической культуры народов Севера // Культура народностей Севера: традиции и современность. Новосибирск, 1986.

68. Казанин И.Е. Российская интеллигенция и преодоление кризиса традиционной парадигмы образования советского периода // Культура и интеллигенция сибирской провинции в XX веке. Новосибирск, 2000.

69. Кондакова Л. История сургутских библиотек // Югра. 2001. № 4.

70. Костецкий Ю.В. Культурное развитие автономных округов Севера Тюменской области в предвоенные годы (1930—1941 гг.) // Роль русского культурного пространства в становлении российской государственности в Сибири. Тезисы докладов и сообщений межрегиональной научно-практической конференции, посвященной 50-летию Тюменской области. 3—5 февраля 1994 года. Тюмень, 1994.

71. Косых Е.Н. К истории внешкольного образовнаия в сибирской деревне (август 1914 — февраль 1917 гг.) // Некоторые вопросы истории крестьянства Сибири. Томск, 1976.

72. Красильников С.А. Социальная типология интеллигенции в первое послеоктябрьское двадцатилетие // Актуальные проблемы истории советской Сибири. Сб. науч. тр. Новосибирск, 1990.

73. Красильников С.А. Культурное взаимодействие сибирской провинции и центра в 1920—1930-е гг.: некоторые итоги изучения проблемы // Культура и интеллигенция сибирской провинции в XX веке. Новосибирск, 2000.

74. Кронгауз Ф.Ф. Основные проблемы советской школы народов Севера // История и экономика Крайнего Севера. Л., 1950.

75. Кузакова Е. Факультету народов Крайнего Севера — 70 лет // Югра. 1999. № 10.

76. Лаптева Г.П. Разные типы интернатов, разнообразие форм, методов обучения и воспитания // Обские угры на пороге Третьего Тысячелетия. Этнопедагогические проблемы обско-угорских народов. Сб. статей. Ханты-Мансийск, 2001. № 5.

77. Латыпов Р.Т. Организация просвещения национальных меньшинств Урала в 1920-е — первой половине 1930-х гг. // Вторые уральские историко-педагогические чтения. Екатеринбург, 1998.

78. Лукинский Ф.А. Народное образование в Сибири в период строительства социализма // Вопросы социально-экономической и культурной жизни Сибири. Новосибирск, 1971.

79. Лукинский Ф.А. Формирование отряда социалистической интеллигенции. Подготовка кадров специалистов в Сибири в период строительства социализма // Вопросы истории социально-экономической и культурной жизни Сибири. Новосибирск, 1971. Ч. 1.

80. Меляков Н.И. Ленинская национальная политика и просвещение народностей Севера // Летопись Севера. М., 1977. Т. VIII.

81. Михайлов Т.М. Национальная культура и религия в Сибири: реальность и проблемы // Традиционное мировоззрение и культура народов Сибири и сопредельных территорий. Улан-Удэ, 1990.

82. Народное образование в Сибири в период строительства социализма // Вопросы социально-экономической и культурной жизни Сибири / Под ред. Ф.А.Лукинского. Новосибирск, 1971.

83. Нялинский Н. Окружной библиотеке — 60 лет // Югра. 1994. № 7.

84. Окладников А.П. Исторические корни культуры народностей Севера // Культура народностей Севера: традиции и современность. Новосибирск, 1986.

85. Оносова С.П., Фалалеева М.П. Подвижники северной школы // Образование и культура Тюменского края в XVIII—XX вв. Тобольск, 1998.

86. Осинский И.И. Формирование социалистической интеллигенции у народов Сибири // Историография культуры и интеллигенции советской Сибири. Новосибирск, 1978.

87. Осташко Т.Н. Из истории опытно-показательных школ Западной Сибири в первые годы нэпа // Некоторые вопросы истории древней и современной истории Сибири. Новосибирск, 1976.

88. Патрикеев Н. Первые шаги народного образования в округе (1931—1940 гг.) // Югра. 1992. № 10.

89. Патрикеев Н. Просвещение Югры (1920—1930 гг.) // Югра. 1992. № 5.

90. Песикова А.С. Традиционное воспитание детей сургутских ханты // Обские угры на пороге третьего тысячелетия. Ханты-Мансийск, 2001.

91. Протопопов М. Яркий проблеск (очерк из жизни остяцкой школы в поселке Мулигорт) // Наш край. 1925. № 6.

92. Пушкарев Л.Н. Гендерный анализ и его применение к изучению истории культуры // Отечественная история. 1999. № 1.

93. Развитие культуры нерусских народов Сибири (1920—1925 гг.) // Культурное строительство в Сибири в 1917—1960 гг. Новосибирск, 1962.

94. Рощевский П.И. Из истории советского культурного строительства в Тюменской губернии (1919—1920 гг.) // Ежегодник Тюменского областного краеведческого музея. Тюмень, 1963. Вып. 3.

95. Рыженко В.Г., Назимова В.Ш. Контроль за творчеством — стержень советской культурной политики (этапы, методы, региональная специфика) // Культура и интеллигенция сибирской провинции в XX веке. Новосибирск, 2000.

96. Рябова Е.Д. Деятельность партийных организаций Западной Сибири по подготовке педкадров в 1930—1937 гг. // Вопросы историографии и источниковедения истории партийных организаций Сибири. Новосибирск, 1975.

97. Семашко А.Н., Мартынова Е.П. Опыт деятельности Тобольского Комитета Севера в сфере образования // Исторический опыт народного образования Тюменского края. Материалы областной научной конференции. Тюмень, 1992.

98. Силин А.И. Народное образование в Сургутском районе в 1920-е — 1930-е гг. // Югра. 2001. № 5.

99. Скипина И.В. Интеллигенция Урала (1919—1921 гг.): итоги историографического и источниковедческого изучения // Документ. Архивный документ. Исторический источник. Материалы научно-практической конференции. Тюмень, 2002.

100. Созонова А.В. Решение проблемы грамотности аборигенов Ямала // Д.И.Менделеев и Сибирь: история и современность. Тобольск, 1999. С. 69—70.

101. Соскин В.Л. Формирование системы народного образования в Сибири в период строительства социализма (1917—1941 гг.) // Историография культуры и интеллигенции советской Сибири. Новосибирск, 1978.

102. Соскин В.Л. Изучение культуры Сибири советской эпохи: этапы, проблемы, задачи // Советская культура: история и современность. М., 1983.

103. Соскин В.Л. Оценка исторического пути советской интеллигенции в свете современного кризиса социализма // Интеллигенция в системе социально-классовой структуры и отношений советского общества. Кемерово, 1991. Вып. 2.

104. Соскин В.Л. К оценке исторического опыта советского культурного строительства // Изучение истории советской культуры: Новые методологические подходы. Екатеринбург, 1992.

105. Соскин В.Л. К оценке исторического опыта формирования советской интеллигенции // Интеллигенция в советском обществе. Кемерово, 1993.

106. Соскин В.Л. Советская культура и дореволюционное культурное наследие: проблемы взаимосвязи // Сибирь в XVI—XX веках: экономика, общественно-политическая жизнь и культура. Новосибирск, 1997.

107. Соскин В.Л. История советской культуры: некоторые историографические и методологические аспекты // Культура и интеллигенция сибирской провинции в XX веке. Материалы региональной научной конференции. Новосибирск, 2000.

108. Сулимов В. Передвижные школы век назад // Югра. 2001. № 6.

109. Таксами Ч.М. Основные принципы и вопросы, связанные с подготовкой кадров из среды малых народов Севера // История рабочего класса, крестьянства и интеллигенции национальных районов Сибири. Улан-Удэ, 1971.

110. Трофимов П.Л. К истории введения всеобщего начального обучения в Западной Сибири (1930—1933 гг.) // Культурное строительство в Сибири / Отв. ред. В.Л.Соскин. Новосибирск, 1965. Вып. 1.

111. Трофимов П.Л. К истории народного образования в Сибири в годы второй пятилетки (1933—1937 гг.) // Культурное строительство в Сибири. Новосибирск, 1965. Вып. 2.

112. Тыхеева Ю.Ц., Цыденова А.Л. Динамика социокультурного процесса и самобытность региональной культуры // Культура и интеллигенция сибирской провинции в XX веке. Материалы региональной научной конференции. Новосибирск, 2000.

113. Увачан В.Н. Великая Октябрьская социалистическая революция и малые народы Севера // Просвещение на Крайнем Севере. Л., 1967. Вып. 15.

114. Улыбина Л.Г. Из истории народного образования в нашем крае // Исторический опыт народного образования Тюменского края. Материалы областной научной конференции. Тюмень, 1992.

115. Храплов П.А., Игнатьев А.Т. В предвоенное двадцатилетие // Школа Тюменской области. Тюмень, 1968.

116. Цилев К.А. Здравоохранение Сибири в период деятельности Сибревкома (1919—1925 гг.) // Материалы к истории медицины и здравоохранения Сибири. Томск, 1960.

117. Щетинина Г.С. Взаимодействие семьи и школы в процессе воспитания // Культура народностей Севера: традиции и современность. Новосибирск, 1986.

118. Эристов А. Итоги районирования в деле народного образования в Тобольском округе // Наш край. 1925. № 2—3.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Школы Ямало-Ненецкого округа за 10 лет (1931—1940 гг.)[1]

Год	Количество школ	Число учителей	Число учащихся
1931	7	29	389
1932	11	56	784
1933	22	85	1 374
1934	22	112	1 907
1935	24	117	2 071
1936	26	125	2 122
1937	43	167	3 629
1938	41	192	3 820
1939	42	214	4 025
1940	46	225	4 508

Приложение 2

Культурные учреждения Ямало-Ненецкого округа за 10 лет (1931—1940 г.)[2]

Год	Число библиотек	Число изб-читален	Число домов ненца	Число красных чумов
1931	1	2	1	1
1932	1	5	2	3
1933	1	6	3	4
1934	4	6	4	5
1935	5	6	4	5
1936	6	8	5	6
1937	8	13	5	7
1938	8	13	5	8
1939	9	13	5	8
1940	10	13	5	8

[1] ГАЯНАО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 21. Л. 40.
[2] Там же. Л. 42.

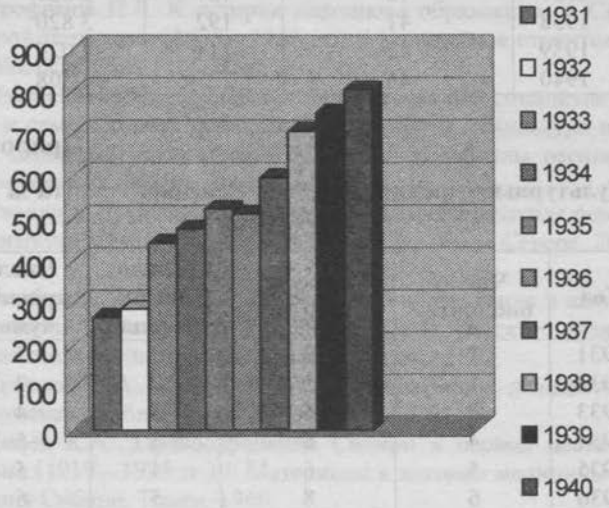
Приложение 3

Образовательный уровень учителей Ямало-Ненецкого округа[3]

Год	Высшее	Незаконченное высшее	Среднее спец.	Общее среднее	Незаконченное среднее	Начальное
1935	1	3	21	39	37	16
1937	9	9	84	98	30	7
1938	10	28	116	12	21	5

Приложение 4

Динамика увеличения числа учителей с 1931 по 1940 гг. в Остяко-Вогульском округе[4]



[3] ТОЦДНИ. Ф. 135. Оп. 8. Д. 1. Л. 106.
[4] ГАХМАО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 4. Л. 14—15.

Приложение 5

Учительские кадры Ямало-Ненецкого округа за 10 лет (1931—1940 гг.)[5]

Годы	Число учителей
1931	29
1932	56
1933	85
1934	112
1935	117
1936	125
1937	167
1938	192
1939	214
1940	225

Приложение 6

Динамика роста охвата обучением детей коренного населения в предвоенное десятилетие в Ямало-Ненецком округе[6]

Учебный год	Число учащихся
1930/31	35
1931/32	544
1940/41	1 834

Приложение 7

Медицинские кадры на Северо-Западе Сибири (1913—1941 гг.)[7]

Год	Число врачей	Средний медперсонал
1913	3	8
1931	22	124
1941	84	446

[5] ГАЯНАО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 21. Л. 40.
[6] Составлена по: Кронгауз Ф.Ф. К истории советской школы… С. 56.
[7] ЦДНИТО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 87. Л. 22.

Приложение 8

Медицинские кадры Остяко-Вогульского округа в 1931—1939 гг.[8]

Год	Число врачей	Средний медперсонал
1931	13	88
1932	15	101
1933	20	131
1934	23	213
1935	24	241
1936	35	283
1937	36	268
1938	40	363
1939	45	363

Приложение 9

ПРАВИЛА ПРИЕМА

на Северный факультет Ленинградского Восточного Института им. А.С.Енукидзе

1. Севфак имеет своей целью подготовку советских, кооперативных и культурных работников для северных и восточных окраин Союза ССР, соответственно чему делится на: 1) советское; 2) кооперативное; 3) педагогическое отделения;

2. Количество мест на Севфаке устанавливается Комитетом по заведыванию учеными и учебными учреждениями Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР и заполняется по разверстке Комитета Содействия народностям Северных окраин при Президиуме ВЦИК лицами, происходящими из национальностей, управляемых на основании Временного положения об управлении народностей и племен северных окраин, и лицами восточных национальностей, по разверстке соответствующих наркомпросов республик и национальных областей Союза ССР;

3. Срок обучения на Северном факультете 4-летний. Лицам, поступающим на Севфак, предъявляются требования в отношении общеобразовательной подготовки в следующем объеме: владение русской разговорной речью, письменностью и знание четырех действий по арифметике. Для туземного актива, слабо владеющего русским языком и письмен-

[8] ГАХМАО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 4. Л. 16.

ностью, устанавливается дополнительный срок обучения на подготовительном отделении длительностью не более одного года;

Примечание: знание туземного языка для всех поступающих обязательно.

4. На Севфак принимаются лица обоего пола, происходящие из среды трудящихся в возрасте не ниже 16 и не старше 28 лет, удовлетворяющие требованиям, указанным в настоящих правилах;

Примечание: преимущество при поступлении дается лицам, окончившим школы-интернаты, и туземному активу.

5. Все поступающие подвергаются медицинскому освидетельствованию на месте при прохождении отборочной комиссии при Комитете Севера и повторно по прибытии на Севфак. Страдающие заразными болезнями, в том числе и венерическими, туберкулезом, трахомой, неврастенией и вообще слабые здоровьем на Севфак не принимаются;

6. Командированные на Севфак должны представить заполненную анкету, заверенную советскими туземными органами и Комитетом Севера. Кроме того, обязательно представление следующих документов, удостоверяющих: а) общеобразовательную подготовку; б) социальное происхождение, положение и род хозяйственной деятельности; в) продолжительность общественной работы и ее характеристика; г) заключение врача о состоянии здоровья.

7. Срок приема устанавливается с 15 августа по 1 сентября;

8. Лица, зачисленные на Севфак, обеспечиваются общежитием, питанием, одеждой, бельем, постельными принадлежностями, учебными пособиями и стипендией;

9. Севфак не берет на себя никаких обязательств в отношении обеспечения семей слушателей. Местные организации должны проследить о недопущении посылки на Севфак лиц с семьями;

10. Отбор нового состава производится через Комитеты Севера посредством создания при них отборочных комиссий, с участием по возможности, представителей Северного факультета и с привлечением находящихся в отпуске или же на практике слушателей Севфака;

11. Ответственность за присылку лиц, не соответствующих настоящим правилам приема, ложится всецело на командирующие организации. Лица, не соответствующие правилам приема на Севфак, в особенности по состоянию здоровья, возрасту, объему знаний и общему развитию, подлежат немедленной обратной отправке за счет командирующих организаций.

(Утверждены правлением Ленинградского Восточного Института 8 марта 1929 г. Протокол № 3).

Приложение 10

АНКЕТА

для поступающих на Северный факультет Ленинградского Восточного Института им. А.С.Енукидзе в 1929/30 учебном году[9]

«1. Фамилия, имя, отчество.

2. Пол.

3. Возраст (год рождения, приложить справку, удостоверение или метрическое свидетельство о времени рождения).

4. Национальность (народность).

5. Семейное положение (наличие членов семьи, находящихся на иждивении).

6. Род занятий родителей:

а) до революции;

б) после революции;

в) в настоящее время.

7. Имущественное положение родителей.

8. Социальное положение:

а) род занятий;

б) сколько времени, в качестве кого и где работал?

9. Состоит ли членом профсоюза? (№ билета);

партийность (№ билета).

10. Участвовал ли в гражданской войне?

11. Общественный стаж (работа в советах, кооперативах и др. общественных организациях).

12. Образование:

а) грамотен ли?

б) сколько лет и в какой школе учился? (Приложить справку от учебного заведения, где обучался);

в) окончил ли? (если не окончил, то почему?)

13. Каким Комитетом Севера командирован на Севфак?

14. Если кочевник, то какого района?

15. Состояние здоровья по заключению местной отборочной комиссии.

16. Был ли под судом?

17. Постоянное местожительство.

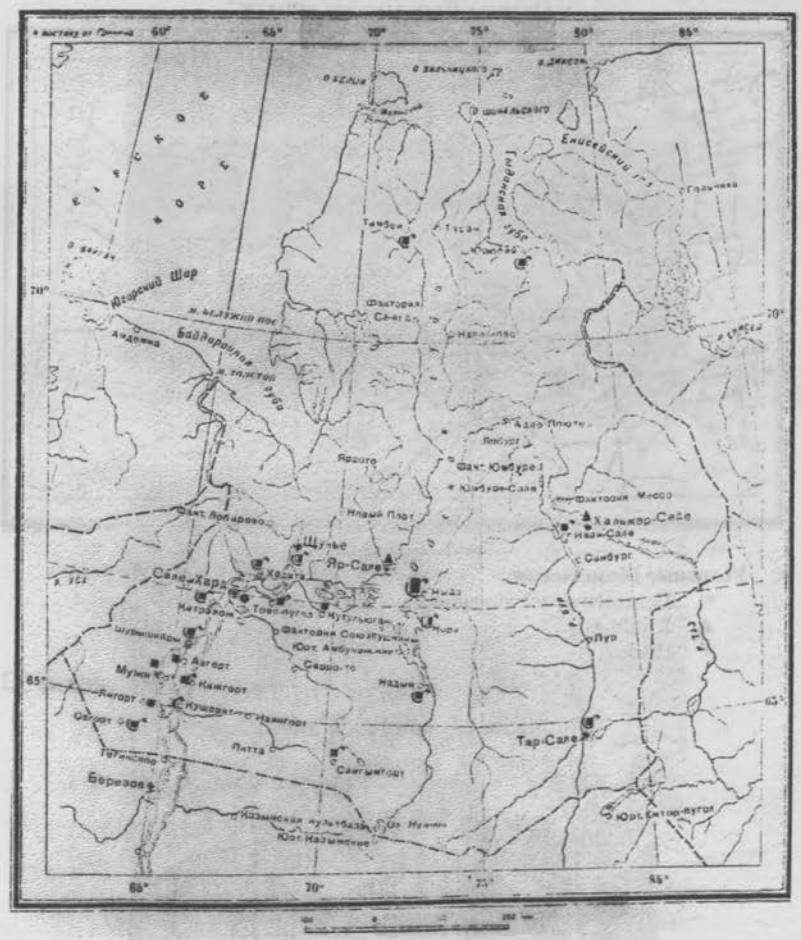
Сведения в анкете заверялись председателем РИКа, Комитетом Севера, профсоюзной или партийной организацией».

---

[9] ЦДНИТО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 87. Л. 22.

Приложение 11

Размещение учреждений образования в Ямало-Ненецком округе[10]


Ямарский Шар
Академия
Байдарацкая губа
Ямбург
Факт. Юмбуре-Сале
Фактория Мясо
Хальмер-Сале
Ивар-Сале
Самбург
Новый Порт
Щучье
Яр-Сале
Сале-Хард
Тарко-Сале
Пуровская
Пуровская
Пуровская

Приложение 12

Размещение учреждений образования в Остяко-Вогульском округе[11]

Условные обозначения:

- Педагогическое училище народов Севера.
- Культбаза.
- Школа.

Приложение 13

Школа на Сосьвинской культбазе[12]

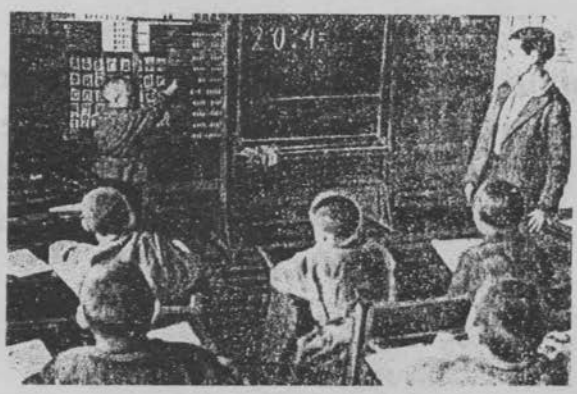
---

[11] Там же.

[12] Там же.

Приложение 14

Уроки в Сосьвинской школе



Учитель Мокрова

Учитель Чебышев

Научное издание

Алексеева Любовь Васильевна

Социокультурная политика советской власти на Обь-Иртышском Севере в 1920—1941 гг.

Приоритеты, формы осуществления и результаты

Корректор *Ш.А.Амади*
Художник обложки *М.В.Исаева*

Изд. лиц. ЛР № 020045. Подписано в печать 11.03.2003.
Формат 60×84/16. Бумага для множительных аппаратов.
Гарнитура Таймс. Усл. печ. листов 15,88.
Уч.-изд. листов 12,76. Тираж 100 экз.
Заказ

Книга издана при участии
Издательства Нижневартовского педагогического института
628605, Тюменская область, Нижневартовск, ул. Ленина, 56.
Тел./факс: (3466) 22-58-22
E-mail: ngpipuc@nvartovsk.wsnet.ru

BIS NIZHNEVARTOVSK
1838881060

992